В. Г. Долгов
В. Я. Ельмеев
М. В. Попов
А. В. Золотов

Свободное время

МАРКСИЗМ ЛЕНИНИЗМ

эпохи диктатуры пролетариата

1997 – 2006

3

Ленинград

МАРКСИЗМ ЛЕНИНИЗМ эпохи диктатуры пролетариата 1997 3 2006

В этом томе представлены две работы:

– Долгов В. Г., Ельмеев В. Я., Попов М. В. «Уроки и перспективы социализма в России», 1997 год.

– Золотов А. В., Попов М. В. «Философия производительного труда», 2006 год.

ДОЛГОВ ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ

Доктор экономических наук. Основатель Российской общественно-политической газеты «Народная правда», вице-президент Фонда Рабочей Академии. Активный участник учреждения Коммунистической партии РСФСР. Один из разработчиков Программы Рабочей партии России.

ЕЛЬМЕЕВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Советский и российский учёный, философ, экономист, социолог. Профессор, доктор философских наук, доктор экономических наук. Заслуженный деятель науки РСФСР, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ПОПОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Советский и российский философ, экономист, политический и общественный деятель. Доктор философских наук, кандидат экономических наук. Профессор по кафедре экономики и права. Автор более 350 научных работ. Сопредседатель Идеологической комиссии ЦК РПР.

ЗОЛОТОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Профессор, доктор экономических наук. Автор более 200 научных работ. Вице-президент Фонда Рабочей Академии, научный консультант Российского Совета рабочих.

svremya.org
vk.com/svobodnoev
t.me/SVremya
dzen.ru/svremya

Свободное время

КУПИТЬ И СКАЧАТЬ

ISBN 978-5-6053591-2-8

9 785605 359128

ВИДЕО

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ЭПОХИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ТОМ III

Цикл научно-популярных работ

1997–2006

Ленинград

2025

УДК 323.4
ББК 66.1(2)53-194
М27

Авторы:

Виктор Георгиевич Долгов — доктор экономических наук, профессор;

Василий Яковлевич Ельмеев — доктор философских наук, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор;

Михаил Васильевич Попов — доктор философских наук, кандидат экономических наук, профессор по кафедре экономики и права;

Александр Владимирович Золотов — доктор экономических наук, профессор.

М27 Марксизм-ленинизм эпохи диктатуры пролетариата : цикл научно-популярных работ в 7 т. / М. В. Попов [и др.]. — Ленинград : Издатель Англинова Л. Н., 2025. Т. 3 — 308 с. ISBN 978-5-6 053 591-2-8 (Т. 3)

Вниманию читателя предлагается третий том цикла научно-популярных работ «Марксизм-ленинизм эпохи диктатуры пролетариата». Работы, включённые в данный том, написаны в эпоху контрреволюции, когда реакционные тенденции внутри и снаружи СССР одержали верх, что привело к его распаду и реставрации капитализма в России. И сейчас остро стоят вопросы о том, на какой основе возможно успешное развитие России в будущем — социалистической или капиталистической, какие реакционные тенденции в СССР взяли верх и почему, а также — что необходимо делать сейчас, чтобы Россия твёрдо встала на путь социализма, не совершая прошлых ошибок. Работы данного тома, с непреходящей актуальностью, подробно отвечают на эти вопросы.

Первая работа тома — «Уроки и перспективы социализма в России» освещает вопросы ошибок и уроков опыта первого в мире социалистического государства — политические, экономические, идеологические. Главным уроком прошлого, обосновывают авторы предлагаемой работы, является следующий: кризис и разрушение социализма в СССР вызваны тем, что Советская власть не сумела преодолеть старую товарно-стоимостную основу экономики и утвердить новую — потребительно-стоимостную, адекватную социализму. Это — задача возрождаемой в России власти трудящихся, формируемой в трудовых коллективах.

Во второй работе — «Философия производительного труда» исследуются объективные основы разграничения труда на производительный и непроизводительный, критикуются несовместимые с историческим материализмом ревизионистские попытки расширить понятие производительного труда. Строго осуществляя материалистический подход, наоборот утверждается, что производительным является труд, непосредственным и основным результатом которого является производство вещей, энергии или перемещение вещей, энергии в пространстве. Также анализируется процесс экономии производительного труда и способы её реализации, выявляются закономерные тенденции эволюции производительного труда, в том числе в современной России.

ISBN 978-5-6 053 591-2-8 (Т. 3)
ISBN 978-5-299-01214-9

Сообщить об опечатке

© Группа «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ», 2025
© В. Г. Долгов, В. Я. Ельмеев, М. В. Попов, А. В. Золотов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Г. Долгов, В. Я. Ельмеев, М. В. Попов

УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА I. Суровые уроки советского прошлого 17
1. Экономические уроки 17
2. Политические уроки 31
3. Теоретические уроки 38

ГЛАВА II. За социализм на его собственной экономической основе 45
1. Трудовая теория потребительной стоимости — научная основа создания экономики социализма 45
2. К собственности всех и каждого 69
3. Распределение на основе потребительной стоимости 84

ГЛАВА III. К народной власти на новой экономической основе 103
1. Непосредственно общественное производство — экономическая основа советской власти 103
2. Трудовые коллективы — основные ячейки народной власти 112
3. Путь возрождения народной власти 120

А. В. Золотов, М. В. Попов

ФИЛОСОФИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

ПРЕДИСЛОВИЕ 133

ГЛАВА I. Основная посылка исторического материализма и её методологическое значение 135

ГЛАВА II. Понятие производительного труда как средство отделять производство материальных благ от производства услуг и идей 143
2.1. Исторический материализм и учение о производительном труде 143
2.2. Несостоятельность расширительных трактовок производительного труда и их социальное значение 154

ГЛАВА III. Примат производства и трудовая теория стоимости 177
3.1. О «новом» определении общественно необходимых затрат труда 178
3.2. Трудовая теория стоимости и разработка её математического аппарата 195
3.3. «Открытие» информационной природы труда 204

ГЛАВА IV. Характеристика производительного труда в трудовой теории потребительной стоимости 209
4.1. Субстанциональная роль производительного труда в непосредственно общественном производстве 210
4.2. Реализация экономии производительного труда 217

ГЛАВА V. Материальная и нематериальная сферы 229
5.1. Соотношение материальной и нематериальной сферы 229
5.2. Наука и производство. Определяющая роль производства по отношению к науке 235
5.3. Наука как всеобщая общественная производительная сила 238
5.4. Сращивание науки и производства 244

ГЛАВА VI. Исторический прогресс производительного труда 251
6.1. Эволюция производительного труда в доиндустриальный период 251
6.2. Наёмный характер производительного труда при капитализме 259
6.3. Производительный труд в период перехода к непосредственно общественному производству 273
6.4. Производительный труд в период развития непосредственно общественного производства на собственной основе 283

ГЛАВА VII. Производительный труд в современной России 295

В. Г. Долгов, В. Я. Ельмеев, М. В. Попов

УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ

Велика Россия. И велика не только территориально. И не только многолюдна и многонациональна. Необъятна она своей насыщенной, бурной и многогранной историей. Велика страстями, бушующими на её просторах.

Вот и в XX веке за сравнительно короткий период Россия сумела выступить в трёх качественно различных государственных устройствах: монархическом, советском, президентском. Причём каждый переход к принципиально новому строю сопровождался драматическими переменами, коренными переворотами в отношениях собственности, её переделами, кровопролитием, ломкой политических, нравственных, культурных отношений.

Наибольший период времени в нынешнем веке Россия находилась во власти Советов, в состоянии перехода к социализму и строительства социалистического общества.

Это, конечно, был чрезвычайно сложный период. Народы Российской империи совершили неожиданный для всего мира дерзкий рывок к новой жизни, к новым отношениям между людьми в производстве, культуре, быту. Имея самые высокие и благородные цели, объявив социально справедливый порядок, Россия, как гигантская птица, взяв крутой разгон, взмыла вверх, уверенно вошла в ряды великих держав.

Россия, с 1922 года называвшаяся Советским Союзом, стала примером для народов всего мира в деле создания условий для власти трудового народа, для расцвета всех национальностей и народностей, для развития и творчества всех слоёв населения. Отстаивая идеи социальной справедливости, Советский Союз давал отпор всем тёмным силам, освободил мир от фашизма, установил паритет в сложном международном противостоянии

различных территориальных, национальных, идеологических и религиозных интересов.

Почему же по истечении 70 лет существования Советской власти государство-колосс стало качаться, разрушаться и в итоге рассыпалось на 15 неравных частей, каждую из которых продолжают терзать внутренние раздоры? За последние 10 лет существования СССР обострились внутренние противоречия, обнажались недоделки и ошибки в строительстве нового строя, приведшие на данном этапе к поражению социализма и его официальной идеологии. Причём поражению позорному, практически без боя, без сопротивления.

Процесс распада далеко не закончен. Трещат по швам Грузия и Молдавия, внутренние распри разрывают Среднюю Азию, Закавказье. Саму Россию сотрясают сепаратизм как авантюрных народностей, так и некоторых территорий.

И все же какие причины привели к крушению гигантской партии, гордившейся прежде всего своей теоретической базой и боевыми традициями? Какие были сделаны просчёты, в чём проявились заблуждения? Попытаться найти ответ на эти вопросы — значит получить определённые уроки, значит сделать выводы и, возможно, предложить более надёжные пути развития нашего российского общества.

Здесь мы делаем попытку высказать своё мнение по ряду ключевых составляющих строительства социализма в России и надеемся, что нам удастся вскрыть наиболее опасные ошибки и заблуждения, приведшие в конечном счёте к столь трагичному финалу. Перед нами стоит непростая задача. Надо ответить на вопрос: случайно или не случайно произошла потеря власти Советами и Коммунистической партией в Советском Союзе? Есть ли объективные причины или всё было правильно и прекрасно, а дело только в предательстве таких деятелей как Горбачёв, Яковлев, Ельцин и им подобных?

Авторы этой книги ещё во времена правления Горбачёва выступили в печати[1] с критикой проводимой им и руководством КПСС политики — перестройки, обнажили её антинародную

[1] Долгов В. Г., Ельмеев В. Я., Попов М. В. Выбор нового курса. М., Мысль, 1991. С. 204.

и антисоциалистическую сущность, предсказали её результаты — неизбежный кризис всех сфер жизни общества, разрушение созданных народом производительных сил, духовного богатства, культуры, форм управления.

Уже тогда было ясно, что переход высокообщественного производства и индустриально развитой экономики на рельсы стихийного товарно-рыночного хозяйства приведёт к развалу всей экономики. Можно было (в качестве дополнительного аргумента) сослаться и на выводы международной конференции ООН (Рио-де-Жанейро, 1992), в которых не рекомендовалось странам, вступающим в XXI век, руководствоваться моделью развития, которой следовали развитые капиталистические страны и которая предполагала подчинение экономики получению максимальной прибыли в ущерб социальному развитию народов.

Становится очевидным, что крупные капиталистические страны не смогут и не хотят вытащить Россию из экономической ямы и «продемонстрировать» на её примере «неисчерпаемые» возможности рыночной модели экономического развития. Поэтому выбор Нового курса для России был и остаётся вопросом жизни и смерти. Он обязательно произойдёт. Вопрос лишь в одном — когда и какой ценой.

Авторы в предлагаемой читателю новой книге продолжают поиск и обоснование нового курса экономического, социального и политического развития России. Теперь, после того как установились капиталистическая система в экономике и олигархический режим ельцинизма в политике, после того как стала очевидной их неспособность вывести страну из кризиса, а к урокам «рыночного социализма» добавились и уроки его наследницы — капитализации страны, обоснование неизбежности смены курса становится ещё более актуальным.

В этой связи приходится обращать особое внимание на доказательство самой возможности дальнейшего экономического и социального развития, на определение его основы. Возникает необходимость замены стоимостной парадигмы на новую — потребительностоимостную, позволяющую перейти от политики «модернизации» существующего к политике действительного развития и вывода России на путь прогресса.

Кроме объективно возникшей ситуации в экономической жизни современного общества, необходимость новой парадигмы диктуется состоянием самой экономической науки — возникшими в ней противоречиями и кризисом, не позволяющими решить многие теоретические проблемы, в частности, вопрос о том, с какой теорией войти в третье тысячелетие — стоимостной или полезностной. Ведь если речь идёт о новой парадигме, то надо преодолеть старую — стоимостную.

Обнаружилось противостояние классической политической экономии, базирующейся на принципе трудовой стоимости, и экономикса, пытающегося заменить стоимостную парадигму на полезностную под видом их синтеза. В отечественной литературе такого рода «синтезу» подвергаются трудовая теория стоимости К. Маркса и полезностные концепции, разрабатываемые в рамках теории оптимального функционирования экономики.

Авторы не принадлежат к тем экономистам, которые пытаются «объединить» теорию трудовой стоимости с теорией полезности. Они, наоборот, исходят из того, что предлагаемая трудовая теория потребительной стоимости составляет противоположность теории стоимости, является её отрицанием, и в этом смысле об их прямом синтезе не может быть и речи. Это, конечно, не значит, что из отрицаемой теории ничего не берётся и не переносится в новую. Диалектическое отрицание предполагает преемственность, сохранение в снятом виде отрицаемого, в данном случае трудовой основы теории стоимости — необходимости учёта затрат труда.

Когда ставится вопрос о переходе к новой парадигме, важно подчеркнуть момент отрицания старой парадигмы. Дело, однако, не сводится к тактическому приёму. В попытках синтеза теории стоимости и теории полезности, особенно потребительно-стоимостной теории и теории стоимости, легко заметить ту же линию, которую проводили «прорабы» перестройки, предлагая соединить социализм с капитализмом, рыночную экономику с плановым ведением хозяйства, власть буржуазии с властью народа и т. п. Синтеза этих противоположных сущностей не произошло и не может произойти в принципе, т. е. по определению взаимодействующих противоположностей и противоречия между ними.

С этой точки зрения нельзя принять суждения относительно того, что генеральной линией развития экономической мысли

в России, идущей чуть ли не от М. И. Туган-Барановского, является движение к синтезу трудовой теории стоимости и теории полезности, что их органический синтез — это методологическая основа концепции новой, эффективной системы хозяйствования.

Придание этому тезису столь важного методологического значения вызывает необходимость в разъяснении вопроса о методологии решения противоречий между парадигмами как полюсами противоречия: а) как между двумя противоположными сущностями; б) как противоречивыми сторонами одной и той же сущности. Противоречия первого типа предполагают, что из двух противоположных сущностей действительной для данного состояния общества является одна из них: или господствуют отношения стоимости, или, наоборот, отношения потребительной стоимости. Это условие связано с несостоятельностью дуализма при определении сущности того или иного явления. Соответственно, по своей сущности теория может быть или стоимостной или нестоимостной, а хозяйственная практика — рыночной или нерыночной. Дуализма одной и той же сущности не бывает, — обе допускаемые противоположные сущности не могут быть одинаково истинными, на практике побеждает и господствует одна из них. Полагают, например, что стоимость и полезность — это две стороны одной и той же медали. Но не говорят, что собой представляет сама медаль, какова её сущность — товар ли она, или же не товар (лишь потребительная стоимость). Если товар, то сущность стоимостная, если нет, то потребительностоимостная.

Иное дело, когда речь идёт о противоречивых сторонах одной и той же сущности, которые не возводятся в самостоятельные сущности и характеризуют с разных, противоположных сторон одну и ту же сущность. В этом случае предполагается их существование в некоем едином начале, образующем основание для разных противоречивых сторон, причём в это основание превращается одна из этих сторон (противоположностей) в виде более высокой ступени развития явления. Если, например, стоимость составляет основание, то потребительная стоимость есть лишь носитель, предпосылка стоимости.

Разграничение противоположности двух сущностей и противоположности одной и той же сущности необходимо для того, чтобы установить способ разрешения разных типов противоречий.

Первые из них разрешаются объяснением проблемы на основе признания одной из сущностей в качестве действительной основы и устранением дуализма, и тем более плюрализма в трактовке вопроса.

Разрешение второго типа противоречий не требует устранения одной из сторон противоречия. Здесь достаточно выявить, какая из сторон противоречия опосредствует другие стороны и само противоречие, и которая становится основанием как для собственного развития, так и своей противоположности. То, что проистекает из этого опосредствующего начала, образует необходимое единство, возникающее в результате разрешения данного противоречия. Этот новый монизм выступает более высоким и самостоятельно существующим принципом экономической теории.

В марксистской экономической науке таким единым сущностным началом выступает труд, и именно поэтому она называется политической экономией труда. Разрешение противоречия между трудом как источником стоимости и трудом как созидателем потребительной стоимости здесь осуществляется в рамках одной и той же сущности — труда: с развитием общества происходит отрицание господства затратной стороны непосредственного труда (стоимости) и превращение результатной стороны (потребительной стоимости) в господствующее начало, делающее экономическую систему целостной, а теорию — монистической. Трудовая теория потребительной стоимости становится более высокой и развитой теорией, образует новую парадигму экономической науки.

Уместно заявить, что понятие «экономия», давшее название экономической науке, возникло не для характеристики отношений стоимости и стоимостного обмена. Её действительный, сущностный смысл с самого начала и до наших дней в конечном счёте сводится к потребительностоимостному принципу: вести хозяйство так, чтобы результаты в виде полнокровной жизни превосходили затраты на её достижение, чтобы доходы превышали расходы.

Этот принцип не совместим со стоимостным обменом, функционирующим на возмездно-эквивалентной основе — равенстве затрат и результатов. Прибавочная стоимость как стоимость (и все её производные — прибыль, рента, процент) тоже

не является превышением результатов над затратами, ибо за ней стоят равные затраты прибавочного труда. Если же её хотят вывести из производительных сил труда (производительности труда), то неизбежно приходится переходить со стоимостной к потребительностоимостной основе.

Экономия возникает из этой потребительной стоимости рабочей силы и применяемых ею средств, реализуемых в живом труде людей и в потреблении. Многие, причём существенные экономические процессы могут быть рационально поняты только на основе потребительностоимостных принципов. Достаточно сказать, что экономический рост и тем более развитие не объяснимы с позиций законов стоимости, принципа эквивалентности (равенства) затрат и результатов, поскольку здесь идёт речь об экономике в её статическом состоянии. Не случайно поэтому все ныне известные авторы, разрабатывающие теорию экономического развития, например, Й. Шумпетер, обращаются к потребительностоимостным критериям: к производительности труда в его реальном (а не денежном) выражении, экономии труда и т. п. Можно предположить, что потребительностоимостной принцип превосходства результатов над затратами (а не их стоимостное равенство) станет главным способом объяснения и обоснования как экономического, так и социального развития общества.

Глава I

СУРОВЫЕ УРОКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УРОКИ

Советский социалистический период знаменателен гигантскими успехами в сфере экономики. Индустриальная независимость, богатейшая база природных ископаемых, передовые рубежи по многим направлениям науки и техники, мощнейший военно-промышленный комплекс, высококвалифицированные производственные и управленческие кадры. Всё это и многое другое было достигнуто во многом благодаря общественной собственности на средства производства, позволяющей концентрировать огромные материальные и людские ресурсы, централизованно успешно решать крупные проблемы.

Но эта, безусловно, положительная сторона социалистического хозяйствования, будучи возведённой в абсолют, породила и множество негативных моментов, которые, накапливаясь исподволь, подточили ствол советской экономики.

Прежде всего произошло гиперобобществление всей хозяйственной сферы, огосударствление тех областей трудовой деятельности, где данный порядок сковывал инициативу и предприимчивость работников, вёл к утрате связи с потребителями, был безразличным к качеству продукции и услуг, делал бессмысленной экономию труда и материалов.

Такие сферы экономики как торговля, общественное питание, бытовое и коммунальное обслуживание, промыслы и народное ремесло, сельское хозяйство были во многом парализованы неповоротливой государственной машиной, хронически отставали от мировых тенденций и не выполняли важнейшую функцию по удовлетворению потребностей развития трудящихся.

Будучи не заинтересованы творить, безынициативные в своей деятельности, эти отрасли предлагали товары и услуги,

недостойные современного человека. Это особенно резко бросалось в глаза при сравнении с продукцией и услугами подобных отраслей, действующих в условиях борьбы за потребителя. В известном смысле можно сказать, что социализм в глазах населения стал проигрывать во многом на бытовом уровне.

Государство, правящая партия вместо того, чтобы сосредоточиться на развитии стратегического эшелона экономики, пытались удержать в своих руках все сферы народного хозяйства. В итоге силы и внимание распылялись, а не концентрировались на ключевых направлениях, в отраслях сферы индивидуального потребления действовал в основном запретительный режим. Так, ни один директор магазина не имел права устанавливать цены ни на какую продукцию, включая скоропортящуюся. Пока решение о снижении цен на сезонную овощную или фруктовую продукцию проходило цепь инстанций (магазин — райпищеторг — горторг — облторг — Министерство торговли и обратно) овощи и фрукты, подлежащие немедленной реализации, просто сгнивали.

В деле обобществления собственности допустили серьёзные забегания вперёд, забывая, что типам собственности должны соответствовать уровни развития производства средств к жизни. Если средства производства находятся в индивидуальном использовании, то и форма собственности им нужна индивидуально-трудовая. Ножницы в руках парикмахера не нуждаются в обобществлении и государственном, планово-централизованном управлении. «Зачем парикмахеру министр?», — говорил известный советский экономист Алексей Алексеевич Сергеев. И был, конечно, прав. Пусть он работает индивидуально на свой страх и риск и зависит только от удовлетворения нужд клиента. Так же и повар, и портной и др. А государство, если служит народу, должно было оберегать такого рода работников, помогать им в деле удовлетворения потребностей населения.

Под лозунгами строительства социализма борьба во имя прибыли в этих сферах была не на жизнь, а на смерть. В итоге одержали полную победу. Только над кем?

Особенно отличился предтеча нынешних демократов Хрущёв.

Этот фарисей отбирал последние источники существования у миллионов советских людей, лишая их приусадебных участков и покосов, удушая подсобное хозяйство налогами

и просто штрафами, госпошлинами, преследованиями. И это почему-то называется «оттепелью». Для простых тружеников с нищенской госзарплатой, для крестьян, работавших вообще даром, этот период был свирепой стужей.

В том случае, когда объекты собственности созданы коллективом и находятся в коллективном пользовании, достаточно иметь коллективные формы собственности с коллективной ответственностью и самофинансированием. Государство в этих случаях устанавливает рамочные условия функционирования коллективных предприятий, применяя в основном косвенные методы регулирования.

Там же, где крупные объекты собственности созданы всем обществом и приводимы в действие общественным трудом, безусловно должна быть общественной собственностью, защищённой государственной формой. Это энергосистемы, транспортные артерии, системы связи, крупные машиностроительные заводы, оборонная промышленность, наука и многое другое.

Здесь-то и надо было думать и управлять по-крупному, по государственному, а это зачастую не получалось. В том числе и потому, что силы партии и правительства были распылены, не сконцентрированы. Характерно признание В. Кабаидзе — видного хозяйственника, директора Ивановского станкостроительного завода. Он во второй половине 80-ых годов писал, что за последние 20 лет ни одного нового, прогрессивного задания или предложения для его завода со стороны Министерства не поступило.

Бюрократам хотелось единообразия, одноукладности, а реальная жизнь, экономика этого не терпит. Она развивается сложно, по мере вызревания производительных сил. Однако, игнорируя теорию и практику, под лозунгами ускоренного строительства социализма, а то и сразу коммунизма желающие выслужиться номенклатурщики забегали вперёд, выкорчёвывали многоукладность, а с ней и ремёсла, и трудолюбие, и народную культуру и многое, многое другое не менее ценное. Люди покидали родные места, стекались в города, где скапливались в общежитиях или коммуналках, спивались и вырождались, оторванные от родной земли и лишённые нормальных, человеческих условий жизни.

Думается, что цель строительства социализма не в единообразии, а в бережном отношении ко всем сложившимся

общественно-экономическим укладам, в аккуратном их регулировании и координации с концентрацией усилий (со стороны государства) на ключевых, стратегических направлениях.

Социалистическое руководство экономикой открыло, разработало и успешно применяло эффективный инструмент управления — планирование. Новые прогрессивные экономические отношения вызвали к жизни соответственно и новые методы управления. Плановое управление народным хозяйством, разработка и выполнение пятилетних планов во многом способствовали выводу России на передовые индустриальные рубежи, сделали её ведущей среди развитых стран мира.

В период первых пятилеток благодаря планированию осуществлялось продуманное размещение производительных сил, концентрация ресурсов на создании передовых, крупных жизненно важных объектов: энергосистем, металлургии, машиностроения, обороны, транспорта, социальной инфраструктуры. Был сделан величайший рывок от ручного, кустарного производства к машинному, что позволило кардинально поднять качество продукции и производительность труда.

Успехи были очевидны. В период жизни одного поколения трудящихся происходили существенные позитивные изменения в условиях труда и его эффективности, а также обогащение социальной сферы. В промышленности утвердилась 42-часовая рабочая неделя по сравнению с 58-часовой дореволюционной. Бурно развивались образование, наука, здравоохранение, культура.

Заслуги планового ведения народного хозяйства неоспоримы как в период индустриального скачка первых пятилеток, в военные годы, так и в период послевоенного восстановления. Но уже в 60-е годы в плановом управлении начали накапливаться негативные явления, приведшие в итоге к его дискредитации в целом.

Планирование практически не развивалось. Оно переводилось на стоимостные показатели, которые по существу ему противостояли. Современное производство, обновляя технологические принципы, всё более и более становилось производством научно-техническим, основанным на непосредственном использовании достижений науки и техники, что вело к экономии затрат труда и материалов, повышению качества продукции. Вся же система плановых методов по-прежнему оперировала стоимостными

показателями, отражающими затраты труда на производство продукции. Вследствие этого запланированные показатели роста выпуска продукции в рублях стимулировали рост затрат на её производство, оставаясь безразличными к её качеству, и прямо противодействовали экономии общественного труда, удовлетворению жизненных потребностей трудящихся.

Планирование всё более и более превращалась из эффективного средства управления в средство усиления затратности, расточительности экономики, что становилось мощным препятствием в развитии науки и техники. Их приходилось «внедрять», преодолевая экономическое сопротивление, ибо применение науки и техники вело к экономии труда и материалов, что снижало стоимость, объёмные показатели, обязательный рост которых был заложен в государственных планах. Другой бедой планирования был его формальный характер. Планы составлялись «кабинетным» методом, без исследования реальных потребностей потребителей, будь то предприятие или население. В результате выпускалась устаревшая продукция, зачастую не нужная ни в производстве, ни в быту.

Характерен в этом смысле инцидент, произошедший в конце 80-х годов между Госпланом и Министерством, с одной стороны, и ПО «Уралмаш», с другой. Был принят новый порядок утверждения планов предприятия. Трудовые коллективы добились права утверждения производственного плана своим решением. И вот получив плановые задания от своего министерства по производству мощных буровых установок, трудовой коллектив отказался утвердить их, мотивируя отказ не только нерентабельностью производства данной продукции, но и отказом в приобретении этих установок потенциальными потребителями. Уралмашевцы выполнили то, что должно было сделать министерство: поинтересовались потребностью в запланированной продукции.

Плановые органы не удосуживались выяснить у конкретного потребителя его запросы. Они просто, сидя в кабинетах, выдавали контрольные цифры роста. Всё выходило красиво. Объёмы пропорций возрастали, трудовое напряжение повышалось, курьеры носились, циркуляры циркулировали. А в итоге происходило омертвление живого труда и расход материалов при производстве устаревшей, неэкономичной и никем не покупаемой продукции.

На рубеже 60–70 годов необходима была переориентация всей системы планирования на показатели экономии труда, качества продукции и повышение благосостояния трудящихся. Однако этот переворот в плановом управлении оказался не по силам официальной экономической науке. Проще было вообще опорочить и выбросить народно-хозяйственное планирование.

Придворные экономисты, чтобы скрыть свою неспособность усовершенствовать и развить это эффективное средство управления, обратились к рынку. Он был объявлен чудодейственным средством автоматически решать все проблемы экономики. Результаты последнего рыночного десятилетия, как говорят в народе, «на лице». Или как красиво теперь пишет С. Глазьев: «Игнорирование структурных особенностей российской экономики в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации спровоцировало процессы дезинтеграции экономики и нарастание хаоса»[2].

Говоря о нынешнем экономическом положении, зачастую просто катастрофическом, необходимо всё же помнить, что многие диспропорции и провалы закладывались в прежние годы. Они-то и привели социализм в Советском Союзе к поражению на экономическом поле.

В этом смысле можно и нужно анализировать и вскрывать допущенные искажения социалистического пути и не только для того, чтобы понять причины трагедии, но и увидеть перспективы социализма в России. В уроках прошлого в экономике социализма следует отметить удручающее положение, сложившееся в стимулировании, в мотивации эффективного и высококачественного труда, особенно в среде рабочего класса и крестьянства. Уровень заработной платы в Советском Союзе не позволял создать нормальные, человеческие условия для развития семьи, личности. Господство дефицита почти на все предметы потребления порождало безразличие, невозможность создания нормальных бытовых условий, порождая пьянство, бездуховность. Сейчас положение трудящихся конечно ещё хуже. Но ведь нынешний строй особенно и не претендует

[2] Глазьев С. Ю. О стратегии экономического роста на пороге XXI века. Научный доклад.

на социальную справедливость, на благотворительность, на благородные цели. Он прямо объявил о капитализме, господстве частной собственности, о борьбе за выживание каждого. С него и спроса-то особенного нет.

Ещё одной объективной причиной падения эффективности экономики, застоя в социальном развитии, а в конечном итоге — и в развале СССР явилась гипертрофированная централизация управления, вернее формализации централизма в виде растущего числа министерств и ведомств, придания им функций полного владения и распоряжения общественной собственностью на всей территории Советского Союза. Сосредоточившись в центре, в Москве эти органы вели по отношению к регионам, по сути, колониальную политику. Причём от такой политики страдали как дальние регионы Сибири и Дальнего Востока, так и центральные, включая Ленинград. Особенно доставалось России.

Через ведомственную систему в Центр выкачивался как прибавочный продукт, создаваемый в промышленности и сельском хозяйстве, так и ценнейшее сырьё, русские ископаемые богатства, достижения культуры, науки и техники, лучшие кадры и таланты.

Господство отраслевой системы управления позволяло министерствам и ведомствам безответственно хозяйничать на территориях, не заботясь ни о социальных проблемах, ни об экономике. Местные власти, население регионов были бесправны перед хозяевами из Москвы. Так, например, в Ленинградском регионе к середине 80-х годов функционировало более 300 крупных предприятий и организаций 150 министерств и ведомств, практически не подконтрольных в своей хозяйственной деятельности городским властям. Последние были обязаны лишь создавать условия для их успешного функционирования. Робкие попытки скоординировать деятельность указанных предприятий с учётом региональных интересов в виде территориальной программы типа «Интенсификация 90» были уже припарками к умирающему телу затратной экономики.

Руководство страны в этом случае, как и по многим другим ключевым моментам социалистического строительства, отошло от принципов, сформулированных основателем государства В. И. Лениным. Он всегда полагал приемлемым для Советской

России систему управления через крупные совнархозы. Однако легче было клясться в верности ленинизму, бесконечно присваивать его имя, празднуя его дни рождения и смерти, строить помпезные музеи и памятники, чем следовать его идеям в реальной жизни.

Территориальная система управления экономикой более органично позволяет сочетать централизм с демократией. Центр, передавая заботы социального развития регионам, которые с учётом географического, климатического, природного и национального аспектов, несомненно, лучше могут руководить территориями, получает возможность сосредоточиться на стратегических направлениях.

При территориальной системе управления, а также самоуправлении не было бы столь навязчивого стремления у союзных республик избавиться от Москвы.

Наибольший ущерб отраслевая система управления нанесла России. Посредством централизованных «насосов» из российских регионов выкачивались все соки. А центр, чтобы ублажить (зачастую из политических соображений) союзные республики, выбрасывал на их развитие огромные ресурсы, которые, будучи для получателей даровыми, использовались расточительно. На Россию смотрели как на дойную корову, обязанную содержать всех и вся. При этом спокойно, как говорится, насосавшись досыта, бросали в лицо России и русским обвинение в имперском поведении и в отсталости.

Наиболее яркий пример — это освоение целинных и залежных земель в Казахстане. Эта авантюра была проведена прежде всего за счёт исконных русских областей. В результате в России образовалась целая зона народного бедствия — «Нечерноземье».

Специального внимания и глубокого анализа требуют экономическая и социальная политика Советской власти по отношению к крестьянству. Огромный аграрный сектор СССР длительное время являлся тем бездонным колодцем, из которого государство безоглядно черпало людские и материальные ресурсы. Он использовался для обслуживания городов как поставщик ресурсов для промышленности и строительства, в основном как сырьевой придаток индустриализации. Организация собственно сельской нормальной жизни была на втором плане.

Постоянное перекачивание ресурсов в города подрывало село, делало жизнь в нём тяжёлой и отсталой. А это в ещё большей мере приводило к оттоку населения, особенно молодёжи в города.

Партия и Советская власть за все 75 лет так и не сумели повернуться лицом к жителям и работникам сельскохозяйственной сферы. Более того, все меры были подчинены одному — как побольше выкачать средств из крестьянства. Для этого особенно пригодились стоимостные инструментарии хозяйствования, позволяющие «цивилизованно» перекачивать, а попросту воровать чужой труд.

Так, под видом совершенствования хозяйственных отношений была отменена натуроплата за труд в колхозах и совхозах. Вместо натуральной сельскохозяйственной продукции крестьянин стал получать денежные бумажные знаки. Теперь вся продукция без остатка могла вывозиться в города, где и были *элеваторы*, мясокомбинаты, мукомольные заводы и т. п., а взамен сельскохозяйственным предприятиям начислялись денежные суммы, носившие практически условный характер, поскольку реализовать их в силу всеобщего дефицита и жёсткого распределения, превратив в материальные и духовные блага, было невозможно. Крестьяне тоже получали бумажки, с которыми вынуждены были ехать в город за многими товарами, в том числе и за продуктами питания, подвергаясь за это ещё и издевательствам со стороны городских жителей — «нахлебники приехали, колбасу нашу вывозят».

Отмена натуроплаты окончательно подорвала возможность ведения личного подсобного хозяйства.

Другим действенным способом выкачивания продукции, создаваемой в сельском хозяйстве (опять же с помощью товарно-денежных инструментов) была практика продажи техники колхозам. Ликвидация машинно-тракторных станций (МТС), где затраты на технику несло государство, заставило колхозы большую долю заработанных средств, в ущерб прежде всего социальной сфере, направлять на закупку дорогой сельскохозяйственной техники. Подобный грабёж под видом торговли осуществлялся и через продажу стройматериалов, удобрений и прочее, прочее. Ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию состригали не только весь прибавочный продукт, создаваемый в аграрном секторе экономики, но и большую часть необходимого

продукта. И после этого некоторые экономисты и журналисты смели утверждать, что сельскохозяйственное производство было нерентабельным.

Мимо сёл и малых городов через сеть гигантских нефте- и газопроводов, линий электропередач и железных дорог рекой текли нефть, газ, электричество, лес и т. п. — невосполнимые ресурсы. А в России к 80-ым годам только 3% сёл и малых городов были газифицированы. Нормой были перебои с бензином, соляркой и электричеством. В магазины исправно завозили только водку. Удручающее бездорожье, запреты на индивидуальное строительство, хилая культурная и социальная инфраструктура, — всё это свидетельствует скорее о провалах, чем о достижениях социализма в сельской местности.

Наше общество, каким оно предстаёт в настоящее время, с его кризисами в экономике и многими провалами в других сферах жизни, является результатом действия прежде всего объективных причин, лежащих в сфере экономики. Они заложены в тех социально-экономических формах, которые по своей сущности являются капиталистическими. Чем шире внедряются формы иной по отношению к социализму природы, тем больше деформируется общество в целом.

Перевод предприятий на коммерческий расчёт и прибыль в период нэпа привёл к взвинчиванию цен и к экономическому кризису, разразившемуся в 1923 году. Современный кризис в экономике своё начало берёт с 60-х годов. До этого хозяйственный организм был ориентирован, в общем и целом, на снижение себестоимости и стоимости продукции (следовательно, на ограничение роли стоимости), на рост производительности труда за счёт его экономии, что на некоторое время после реформы 1965 года ещё поддерживало здоровое развитие экономики. В дальнейшем заложенный в реформу затратный механизм, работающий на получение большей стоимости и прибыли, повёл экономику к кризису. Произведённые поправки в этом механизме смогли лишь на время задержать этот процесс (застойный период), но не остановить. По мере расширения товарно-денежных и рыночных рычагов хозяйствования в рамках «радикальной» экономической реформы кризис стал углубляться: ориентация на стоимостные результаты (вал) и прибыль стала возобладать; масса потребительных

стоимостей начала уменьшаться и её стало не хватать для удовлетворения первейших нужд трудящихся, а прибыль продолжала расти. После изъятия из системы управления показателей снижения себестоимости и роста производительности труда, положительно влиявших ранее на экономию труда, затратные методы получили полную свободу. Хозяйственный расчёт из метода экономии и учёта затрат превратился в способ увеличения затрат и прибыли, потеряв значение метода социалистического хозяйствования. Его модели одна за другой оказывались неэффективными, сопровождались расстройством финансовой системы и потребительского рынка.

Субъективизм в проведении экономической политики не давал возможности ранее и не позволяет ныне усматривать причины кризиса в расширяющихся товарно-денежных отношениях, рыночных механизмах и законах их функционирования, традиционно связываемых со стихийным характером их действия. Субъективизм, отождествляя объективность со стихийностью, вместе с тем охотно признаёт возможность сознательного регулирования законов развития отношений общественной собственности, как якобы создаваемых и изменяемых по воле людей и государства. В этом случае причиной кризисных явлений объявляются действия бывших руководителей, административных органов, приведших к непомерному расширению отношений общественной собственности, её максимальному обобществлению, огосударствлению и отчуждению от народа, а средством их преодоления — та же воля государства и его руководящих органов, действующих в обратном направлении.

Чтобы избежать субъективизма, необходимо, опираясь на материалистический метод, выявить объективные противоречия существовавшего у нас общества, в частности, установить, почему и каким образом товарно-денежные механизмы вызвали кризис и препятствуют социально-экономическому развитию страны.

К 1990 году рост производительных сил и научно-технический прогресс, несмотря на их ограниченный характер, привели к процессу постепенного относительного и абсолютного сокращения затрачиваемого в материальном производстве живого труда. Начиная с 1987 года, все 100% прироста национального дохода

достигались за счёт роста производительности труда и уменьшения потребляемого в материальном производстве живого труда, что сопровождалось сокращением численности занятых в материальном производстве и неизбежным уменьшением вновь создаваемой в нём стоимости. То обстоятельство, что прирост национального дохода стал достигаться только за счёт производительности труда, будучи для страны эпохальным завоеванием, мало что давало трудящимся массам.

Товарно-денежный механизм хозяйствования, наоборот, ориентирует экономику на увеличение стоимости и в форме денежного вала, и, особенно, в форме растущей стоимости прибавочного продукта. Каждый раз ставится задача не их уменьшения, а их увеличения, что противоречит объективному, порождаемому НТП движению вновь созданной стоимости к снижению. Вместо того, чтобы учитывать эту объективную тенденцию, планировать уменьшение вновь создаваемой стоимости и снижать цены, делается обратное — повышаются цены и норма прибыли, увеличиваются затраты прошлого труда и тормозятся экономия живого труда и научно-технический прогресс, ведущий к этому. Ложная видимость роста стоимости прикрывает реальное падение темпов роста потребительных стоимостей, отрицательно сказывается на жизненном уровне трудящихся масс.

Наиболее остро это противоречие проявлялось в росте нормы прибыли прибавочного продукта и в соответствующем ухудшении экономического положения рабочего класса. Уменьшение вновь созданной стоимости в абсолютном масштабе сопровождалось и возмещалось увеличением доли прибавочного труда в общем объёме затрат живого труда. По данным экономистов, наш рабочий в среднем получал лишь 35–40% созданного им продукта. Экономия труда, достигаемая в результате научно-технического прогресса, не превращалась в достояние рабочих и крестьян; рабочий день не сокращался; цены на предметы потребления увеличивались, а заработная плата замораживалась; возникали условия для массовой безработицы.

Это ещё раз подтверждает, что стоимость, товарная форма рабочей силы, особенно стоимость прибавочного продукта (прибыль, чистый доход и т. п.), выставленные в качестве цели и результатов производства, где присвоение своего продукта

осуществляется на основе собственного труда, выражают отношения эксплуатации труда, причём при любой форме собственности. Стоимость в товарном хозяйстве является первичным, сущностным социальным отношением труда. Стоимость прибавочного продукта выступает результатом, доходом лишь для тех, кто живёт за счёт этого продукта. Для рабочего же он стоит затрат его труда и не меньшего, а большего количества пота, чем создание необходимого продукта. Если ему достаётся часть прибавочного продукта, то тем самым она превращается в необходимый продукт и достаётся ему не по праву собственности, а на основе его производительного труда.

Расширяющиеся стоимостные формы хозяйствования вступали во всё более обостряющиеся противоречия не только с производительными силами, но и с развивающимся общественным характером производства и его выразителем — общественной собственностью. Нарушались непосредственно общественные связи, росли экономическая обособленность предприятий, экономических районов и республиканских хозяйств под видом их перевода на хозрасчёт. На этой основе развивался групповой и региональный эгоизм.

Общественная собственность вместо того, чтобы всё более реализовываться и как непосредственная собственность производителей, их достояние как хозяев, — всё больше подводилась под государственный закон, переходила в собственность административно-территориальных единиц, и, попадая в распоряжение того или иного управленческого аппарата, неизбежно деформировалась, теряла общенародный характер. Стоимостные формы в условиях современного крупного производства не нуждаются в хозяине, в собственнике в лице непосредственных производителей, им нужен другой хозяин — административный аппарат, управляющие кооперативным или арендным предприятием, «работодатели», противостоящие массе наёмных работников. Общественная собственность не может долго базироваться на отношениях стоимости, она неизбежно начинает разрушаться, перестаёт гарантировать труд от эксплуатации. Широкое внедрение стоимостных механизмов вызвало политику фундаментальных изменений в отношениях собственности в сторону ограничения её общенародного характера, передачи предприятий в собственность акционерам.

В сфере распределения противоречия сосредотачиваются вокруг всё углубляющейся дифференциации доходов и их распределения. С одной стороны, получение трудящимися необходимого продукта в обмен на труд по стоимостному (эквивалентному) принципу не позволяет им иметь за свой труд больше, чем стоимость продукта, необходимого для воспроизводства своей рабочей силы, т. е. обмен эквивалентов не даёт им возможности «приращения» своего благосостояния и развития, выходящего за пределы стоимости необходимого продукта, равной общественными затратам их рабочей силы: сколько её израсходовал, столько и получай на её восстановление.

Ещё меньше теоретических оснований выводить возможность «прибавочного» развития и благосостояния непосредственных производителей из неэквивалентного обмена, предполагающего отчуждение создаваемого им прибавочного продукта. Их доля в общественном фонде потребления, в том числе полученное образование и последующее пенсионное обеспечение, а также их участие в прибылях возмещаются рабочими в период трудовой деятельности (из средней продолжительности времени труда в 40 лет, рабочий за 9 лет окупает все полученные фонды). С другой стороны, лица, живущие за счёт произведённого в материальном производстве прибавочного продукта, не ограничены эквивалентным обменом при получении своих доходов. Они своим трудом не создают фонда своего материального существования и присваивают потребляемую ими часть прибавочного продукта не по своему вкладу в него, не по труду, а по занимаемому месту в иерархии служебных должностей, прикрытому общей формой распределения по труду.

Стоимостные формы эквивалентного и неэквивалентного распределения, ведущие к дальнейшему имущественному расслоению, всё более сталкиваются с потребительностоимостным принципом распределения, исходящим из необходимости получения трудящимися жизненных средств не по меркам цены их рабочей силы, которая может опускаться ниже прожиточного минимума, а по нормам, обеспечивающим их нормальное существование и развитие. Количество и качество благ, нужных для удовлетворения жизненных потребностей, определяются уже не их стоимостью, а их потребительной стоимостью. Обесценению зарплаты

рабочие противопоставляют требование нормированного обеспечения необходимыми жизненными благами. В противном случае, т. е. при распределении по условиям затрат труда на производство стоимости, может создаться положение, когда некому будет убирать урожай, общество в лице живущих на зарплату не будет заинтересовано в производстве дешёвых, но необходимых для жизни продуктов.

Экономические противоречия в сфере собственности и распределения вызывают дальнейшую социальную поляризацию в обществе: расширение товарно-денежных механизмов приводит к росту мелкобуржуазного слоя общества и выделению из него «новых богатых» — «советских» миллионеров. На этой социальной базе возрождается теневая экономика, растут групповая преступность, коррупция и взяточничество. Одновременно у всё большей части трудящихся классов ухудшается жизненное положение, возникает опасность потерять работу и оказаться в числе безработных.

Главным экономическим уроком является следующий. Если не перевести экономику со стоимостной на потребительностоимостную основу, социализм не только не развивается, но неизбежно разрушается, а трудящиеся рано или поздно утрачивают свою власть. Отсюда вывод: перевод экономики на потребительностоимостную основу — это главная задача грядущей народной власти и готовиться к решению этой задачи надо заранее, создавая необходимые политические и теоретические предпосылки.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ

Экономические отношения, играя основополагающую роль в развитии страны, не только порождают, но и одновременно сами подвергаются активному воздействию политических форм и методов.

Оценивая сложный путь формирования Советской власти, нельзя не видеть её глубокие исторические и народные корни, нельзя не отметить действительные успехи в деле построения общества социальной справедливости. Именно Советская власть раскрыла гигантский потенциал трудового народа, подняла

широчайшие массы на творчество, ударничество, массовый героизм в труде и в бою.

И всё же, казалось бы, после более чем 70 лет господства Советская власть ушла с политической арены практически со всей территории СССР без сопротивления. А может быть это была уже и не Советская власть?

Здесь, по-нашему мнению, кроется ещё одна фундаментальная причина отступления социализма в России.

Как известно, Советская власть задумывалась и обосновывалась В. И. Лениным как власть трудового народа, как форма диктатуры пролетариата. А чтобы это не было просто лозунгом, необходимо обязательное выполнение соответствующих процедур её формирования.

Эти процедуры имеют достаточно глубокие исторические корни и были проверены в ходе становления Советской власти. Выросшие из стачечной борьбы первые Советы формировались по фабрично-заводскому принципу, путём делегирования трудовыми ячейками своих представителей в эти своеобразные органы управления.

Весь смысл Советской власти состоит в том, что основной избирательной единицей выступает не территориальный округ, а производственный коллектив. То есть избирательная масса, делегирующая свои полномочия депутатам, представляет собой не разобщённое, неорганизованное население территории, а в определённой мере деятельное и сплочённое трудовое сообщество.

Соответственно, в этом случае и выборы депутатов производятся по деловым качествам, и влияние на них со стороны избирателей — трудовых коллективов — более эффективное.

Таким образом в общем-то и происходило формирование Советов, которые и назывались Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советы, созданные по производственному принципу, имеют прочную социальную, экономическую базу власти, подконтрольны трудовым коллективам, более независимы от разнообразных политических сил.

Однако уже с самого начала создания Советов были допущены серьёзные отступления от принципов их формирования и функционирования. Иначе невозможно объяснить, как получилось, что никогда не работавший ни в одном производственном коллективе

Лейба Давидович Бронштейн (он же Троцкий), вернувшись в середине 1917 года из Америки, сразу же попадает в Петроградский Совет, в его руководящие органы, а затем и возглавляет его. От какого же завода или фабрики он был избран, какой трудовой коллектив делегировал его и ему подобных в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов? И этот вопрос применим не только к депутатам весьма сомнительной ориентации, но и к политически вполне выдержанным фигурам, таким, например, как В. М. Молотов[3].

А дело всё в том, что сразу было сделано исключение для партий. Они тоже смогли напрямую делегировать в Советы своих представителей. Вот в эту-то форточку в Советы сразу же и полетели партийные активисты, которые и стали «властью рабочих и крестьян», а в дальнейшем властью над рабочими и крестьянами. Эти активисты и авантюристы и внесли первую червоточину в здоровое тело Советской власти.

Такая непоследовательность при конструировании института Советской власти представляется одной из серьёзных ошибок большевиков во главе с В. И. Лениным в деле советского строительства. Здесь мы видим явное отступление от своих же теоретических установок. Просто выбрали более лёгкий путь попадания во власть. Через привилегии. Зачем избираться через трудовые коллективы и быть напрямую подотчётным рабочим, когда можно было через партийный канал попасть в Советы? Не здесь ли кроются исторические корни партийной сотни, во главе которой партиец Горбачёв проник в народные депутаты СССР?

Историческая ответственность (или безответственность) КПСС на наш взгляд заключается в том, что она не сформировала настоящую Советскую власть в соответствии с теоретическими установками и историческим опытом. Партия, обладавшая глубокой теоретической базой, в реальной жизни с лёгкостью игнорировала свои же научные и партийные принципы.

Советы были зачастую просто ширмой собственных властных функций партии. Так, видимо, было проще и легче, чем неуклонно выдерживать производственный принцип их построения. А может

[3] Подробнее об этом см. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

быть тогда Советы были бы более сильными и независимыми, и не все «бредовые» идеи «неистовых партийцев» удалось бы проводить в жизнь. Не получилось бы «творить» на костях собственного народа.

А в 1937 году партии вообще надоело играть роль настоящих Советов. По новой Конституции выборы по производственному принципу были отброшены вообще, вводился территориальный принцип. Это, наверное, был единственный случай, когда правящая партия, обладая всей полнотой власти, принимала фундаментальные государственные решения вопреки основным положениям собственной, действующей программы партии, где было однозначно написано: «И основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)»[4].

Перейдя на территориальные избирательные основы, Советская власть, перестав, по существу, быть советской и властью, стала совсем послушным орудием в руках партии, соглашаясь безропотно со всеми зачастую авантюрными идеями. Оторвавшись от трудовой базы, она (вместе с КПСС) неизбежно выродилась и была окончательно выброшена за ненадобностью в 1993 году. Новая власть в Советах не нуждалась.

За попытки вернуть власть последний, хотя бы по названию, Верховный Совет России был расстрелян из танковых орудий по команде члена КПСС с 30-летним стажем Ельцина.

Ещё одним существенным, негативным моментом в построении социалистического государства явилось во многом искусственное насаждение принципа федерализма.

Российская империя, на базе которой образовался впоследствии Советский Союз, была единым, унитарным государством, образованном в процессе активной экономической, военной и политической деятельности России на протяжении длительного исторического периода. Никаких равноправных объединений, независимых государств с делегированием полномочий центру, что является признаками Федеративного государства, не было. Российская империя выковывалась из различных материалов в единой сплав на базе русского народа.

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. С. 426.

Однако теоретические игры в основном активных представителей малых народов были закреплены в процессе «революционной» практики в форме Федеративного объединения единой ранее страны. И если для Советского Союза федеративный принцип с огромной натяжкой как-то может быть объяснён, то уж для России это вообще нонсенс. Никогда бывшие автономии, а теперь так называемые республики, не обладали никакими признаками государственности, следовательно некому было объединяться в Федерацию.

Однако цельное тело России уже во времена становления государства было подготовлено к распаду (пока в виде автономий) как через обозначение границ между народностями, так и включением слова «федеративная» в официальное название. А ведь это название первоначально предполагалось отнести ко всей Советской России, получившей название Советский Союз, а не к той части, которая ранее именовалась Великороссией.

В последние годы пошли ещё дальше. Эти автономные образования стали почему-то носить атрибуты суверенных государств с президентами, парламентом и прочей атрибутикой и символикой. Затем вообще ввели понятия субъектов Федерации, у которых для обособления практически всё готово: есть правительство, законодательные органы, президент. В Ленинграде на одной площади, сохранившей название площади Пролетарской диктатуры, сидят два «правительства» — Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Нынешняя политика центра провоцирует на суверенизацию субъекты Федерации, многие из которых только ждут подходящего момента для обособления. Над Россией нависла угроза распада на 89 «независимых» частей.

На путях усиления федерализации народы, проживающие на территории современной России, ожидает хаос и беспредел.

Особого анализа требует деятельность правившей в течение почти 75 лет КПСС. Именно и прежде всего коммунисты должны осознать горькие уроки советского прошлого, найти в себе силы, мудрость и мужество признать ошибки, сделать правильные выводы.

За весь советский период нельзя не видеть огромную теоретическую, организационную, мобилизирующую роль партии

коммунистов. В годы гражданской войны и первых пятилеток, в судьбоносный период Великой Отечественной войны и во времена послевоенного восстановления народного хозяйства Коммунистическая партия в целом была действительным лидером. Она концентрировала государственную волю и народную мудрость, верой и правдой вела народы Советского Союза к светлой цели построения социально справедливого общества.

Роль партии в управлении социально-экономическими процессами в Советском обществе была в высшей степени значимой. Поэтому её собственные просчёты и ошибки в ещё большей степени сказывались на жизни всего общества.

К основным урокам, которые необходимо сделать, исходя из опыта коммунистического партийного строительства, относятся на наш взгляд следующие:

Во-первых, размывание социальной базы партии. Объявив себя при Хрущёве всенародной, коммунистическая партия оторвалась от своей классовой сущности, прежде всего от интересов рабочего класса. Она превратилась в партию «партийных чиновников» со своими собственными классовыми интересами и потребностями. Причём характерно, что эти партийные чиновники с большой охотой брались представлять интересы рабочего класса и крестьянства во всех органах управления.

Самих же рабочих и крестьян «вводили» в руководящие органы для вида, не допуская к решению никаких, даже мало-мальски важных вопросов. В результате коренные социальные проблемы не решались, а простые труженики всё более и более отчуждались от управления, от власти как в обществе в целом, так и в самой партии. КПСС, по существу, сковывала социальную и политическую инициативу рабочих, крестьян и интеллигентов, не допускала их участия в борьбе даже за свои экономические права. Любые выступления рабочих жестоко подавлялись с благословения самой же коммунистической партии. Для инакомыслия интеллигенции всегда была готова узда.

Партийный аппарат, взяв на себя практически все политические функции в итоге обезоружил рабочий класс, отучил его от борьбы за свои права. Не случайно, поэтому рабочий класс мирился с нищенской заработной платой, а теперь мирится с собственным окончательным ограблением посредством

приватизации и распродажи созданного его трудом производственного потенциала.

КПСС, оставаясь партией-монополистом, оказалась в привилегированном положении, не встречая здоровой конкуренции, она ослабла и постепенно разложилась, растеряв свои теоретические и боевые традиции. Её внутреннее состояние, собственная партийная жизнь существенно отставали от быстротекущих процессов общественной жизни. Как могла, например, партия, поставившая своей целью построение справедливого и социально однородного общества достигнуть своей цели, если в ней самой внутри социальная дифференциация была в намного большей степени, чем в обществе. Разрыв в положении между секретарём ЦК и членом ЦК был огромен, не говоря уже о положении рядовых членов партии. Последние в своей же партии были, по сути, бесправными. Сквозь партийный номенклатурный частокол чрезвычайно трудно было пробиться новой мысли, новым предложениям.

Господствовавший партийный режим привёл к тому, что многие «профессиональные революционеры» оказались самыми примитивными карьеристами, взяточниками, казнокрадами и закономерно, что их подлинными лидерами стали сперва Горбачёв, а затем и Ельцин. Они не просто одиночки-предатели дела партии и коммунистических идеалов, — они представители определённых социальных слоёв и групп, взращённых в КПСС.

Не случайно при первых же трудностях подавляющее большинство партаппаратчиков разбежалось, побросав свои кабинеты в парткомах, райкомах, горкомах, обкомах и ЦК, не став отстаивать дело партии, в верности которому они публично клялись, а многие услужливо бросились сотрудничать с новым режимом, преследуя недавних соратников, не пожелавших по указу сверху изменить своим принципам.

Почему 17-миллионная партия при первых же словесных «выстрелах в воздух» разбежалась? Смогут ли вновь возродиться коммунистические организации? Будут ли они действенными, поверит ли им Россия? Эти и многие другие вопросы требуют дальнейшего исследования и ответа. И меньше всего при этом нужды в зазнайстве и самоуспокоенности. Дескать, у нас уже вот сколько коммунистических партий. Вот-вот возьмут власть. А, может, партии и вообще-то власть брать не надо, а власть

должен взять класс, руководимый партией? Но не такой партией, которая хочет подчинить себе класс, а такой, которая всю свою деятельность подчиняет интересам класса. Раскритикованная в своё время Сталиным зиновьевская идея о диктатуре партии, к сожалению, проникла-таки в практику, парализовала и удушила социализм и Советскую власти в России. И прежде всего от этой гнилой идеи надо освободиться тем, кто желает сегодня называться коммунистом. А главное и основное, что нужно сделать, — это освободиться от рыночной идеологии.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УРОКИ

Уроки развития социализма в СССР, его достижения и слабости, причины его разрушения нуждаются как никогда в строгом научном анализе, опирающемся на материалистическое понимание истории. Необходимые изменения угла зрения на социализм, смещение его видения от одной точки к другой в связи с особенностями исторического периода нельзя трактовать как преобразование сущности самого социалистического воззрения, выработанного за сотни лет развития науки о социализме. Плюрализмом мнений не оправдать действительные отступления от теории научного социализма, от важнейших принципов учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о социализме.

Ленинский подход к социализму с позиций новой экономической политики (НЭП) как переходной формы к экономическому строительству социализма не может выдаваться за коренное изменение взглядов В. И. Ленина на социализм: будто бы В. И. Ленин социализм как первую фазу коммунистической общественно-экономической формации представил рыночным; будто бы контуры именно этого нэповского социализма вырисовывались из его последних работ, и этот социализм, составленный из «несвойственных» ему форм, якобы был его политическим завещанием.

В результате подобной интерпретации, вернее сказать, фальсификации истории и идей В. И. Ленина социалистическая революция и практика строительства социализма лишаются смысла и исторического оправдания, а борьба рабочего класса и трудового крестьянства России за социализм в годы революции

и послереволюционное время предстаёт борьбой не за социализм, а за установление военного коммунизма, нэпа, командно-административной системы. С этой точки зрения вторая программа партии, разработанная В. И. Лениным и принятая VIII съездом РКП(б), и, тем более, третья программа выглядят не программами строительства и совершенствования социализма, решения задач, выдвинутых трудящимися массами, а ошибочной моделью социализма: одна — «военного» коммунизма, другая — «казарменного», «административно-командного».

В действительности экономические формы, введённые в годы нэпа, В. И. Ленин никогда не считал социалистическими. Наоборот, он неоднократно их называл капиталистическими, допускаемыми в условиях, когда политическая власть и командные высоты экономики находятся в руках рабочих и крестьян, и используемыми в конечном счёте в интересах социализма. В. И. Ленин неоднократно говорил о вынужденном, временном отступлении, возврате к определённым капиталистическим экономическим формам, об окончании этого отступления и о переходе от России нэповской к России социалистической.

Что касается социализма, то он в переходный период составлял лишь один из существующих укладов. С развитием этого уклада, а не капиталистических форм хозяйствования, В. И. Ленин связывал переход к социализму. Что и было закреплено во второй программе партии. Достаточно её сравнить с приписываемой В. И. Ленину моделью «рыночного» социализма, чтобы убедиться в полной несостоятельности такого рода попыток и прямых фальсификаций идей научного социализма.

Социалистический уклад в его перспективе в этой программе был представлен строем, базирующемся на общественной собственности и преодолевающим капиталистический и мелкотоварный уклады переходного периода с их рыночной, товарной формой функционирования.

Модель «рыночного социализма», базирующаяся на использовании закона стоимости и товарно-денежных отношений, рынка товаров, рабочей силы и капиталов, предполагает плюрализм форм собственности, в их числе оказываются групповые (кооперативные) и индивидуальные формы частной собственности, собственность отдельных предприятий и организаций,

административно-территориальных единиц (республик, областей, районов и др.), ибо свободный рынок без них невозможен.

В. И. Ленин никогда не считал первую фазу коммунистической общественно-экономической формации строем товарного производства, в котором господствует закон стоимости, хотя допускал сохранение в ней остатков буржуазного права и неравенства, вытекающих из необходимости учёта индивидуальных затрат труда при распределении ещё недостаточного объёма жизненных благ, предназначенных для индивидуального потребления. Можно обвинить В. И. Ленина в допущении «ошибок» в этом вопросе (как это делают отдельные авторы), но никак нельзя его превращать в сторонника «рыночного» социализма. Точно так же он считал изменой делу социализма замену собственности на средства производства и землю собственностью отдельных предприятий.

Согласно второй программе партии, производство при социализме должно быть подчинено непосредственно (а не опосредствованно) лучшему удовлетворению потребностей трудящихся, достижению всестороннего развития всех (за счёт общества), а не отдельных социальных групп или членов общества. Реализуется данная цель путём планомерно организованного в масштабе общества распределения продуктов, основная часть которых присваивается непосредственными производителями в виде дохода от их собственного коллективного труда, а другая часть выделяется по их согласию и усмотрению нанимаемыми ими служащими, выполняющими непроизводительные функции. Чем выше уровень производительных сил и производительности труда, тем больше размер вознаграждения за труд.

В рыночной модели социализма в качестве принципа распределения выдвигается не лучшее удовлетворение потребностей и развитие каждого члена общества и всех трудящихся, а ориентация на различия в удовлетворении потребностей и интересов различных классов, социальных групп и слоёв общества, реализуемая посредством стоимостного распределения (по стоимости рабочей силы), прикрываемого борьбой против уравниловки. В этом случае непосредственным производителям достаётся необходимая часть стоимости произведённого ими же общественного продукта, равная (эквивалентная) затратам общественно необходимого, значит, уравнённого, труда на воспроизводство

их рабочей силы, а стоимость прибавочной части их продукта присваивается лицами, выполняющими другие общественные функции, что не только сохраняет, но и расширяет имущественное неравенство.

В социальной сфере научный социализм и программа его осуществления предусматривают уничтожение в конечном счёте классового деления общества путём преодоления форм разделения труда между производительными и непроизводительными работниками, людьми умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного труда, управляющими и управляемыми. Это позволило бы функции социального управления выполнять самому народу, осуществлять власть народа посредством самого народа.

Рыночная модель социализма исходила из сохранения классового деления общества, но одновременно замалчивала роль рабочего класса, как ведущей социальной силы общества, и заинтересованность рабочих и крестьян в преодолении своего неравного классового положения по отношению к другим социальным слоям, живущим за счёт их прибавочного продукта. Социальную справедливость предполагалось «достигнуть» на основе дальнейшей социальной дифференциации и в рамках растущих различий в социальном и имущественном положении граждан при условии, что их доходы получены в соответствии с законами стоимости и средней прибыли: от равного вклада в образование стоимости — равный доход.

Научное понимание и программное воплощение социализма предполагает, что установление общественной собственности на средства производства и подчинение экономики непосредственно росту благосостояния и развитию всех членов общества имеют своей политической предпосылкой взятие власти трудящимися, их самостоятельное управление предприятиями (самоуправление). Трудящиеся нанимают служащих для технологического управления производством и экономикой и, наделяя их необходимыми функциями, контролируя их работу, ведут дело к тому, чтобы социальные функции управления взять на себя и, тем самым, сокращать особый управленческий аппарат, сделать его со временем ненужным. Для этого они на предприятиях организуют первичные ячейки Советской власти, осуществляют

демократические выборы по производственному принципу: основной избирательной единицей становится округ трудового коллектива (завод, фабрика, объединение, организация и т. д.). Политическая, государственная власть всё более превращается в общественное самоуправление, управление людьми заменяется управлением вещами и производственными процессами. На этой основе расцветает подлинная демократия, устанавливается контроль народа над ещё сохраняющимся небольшим профессиональным управленческим аппаратом.

Рыночная модель социализма при всём отрицательном отношении к административной системе не затрагивает её носителя — государственный аппарат, неизбежно связанный с администрированием и командованием. Речь ведётся лишь о новом аппарате некого правового государства, якобы более гибком и демократичном способе правления со стороны профессионального слоя управленцев, который на самом деле неизбежно расширяется и усиливается при передаче части общенародной собственности территориально-административным единицам и акционерным предприятиям. Рабочий класс и крестьянство в лучшем случае допускаются к участию в выборах органов власти по месту жительства, не имеющих прямого отношения к производственной деятельности населения, особенно рабочего класса, экономически обеспечивающего Советы.

Программа научного социализма в области развития духовной культуры исходит из необходимости её превращения в достояние широких народных масс, преодоления монополизации условий научного и культурного развития в руках элитарных социальных групп, стирания граней в культурно-техническом уровне рабочекрестьянской массы и интеллигенции путём непрерывного повышения образования трудящихся, соединения обучения с производительным трудом, массового вовлечения трудящихся в активную духовную деятельность.

Рыночная концепция социализма оставляет без внимания вопросы повышения культуры трудящихся масс, её народное и социалистическое содержание приносит в жертву абстрактным общечеловеческим принципам, лишённым национального и классового характера, затушёвывает различия буржуазной и социалистической культуры.

Таким образом, социализм в его научном понимании, в подготовленных В. И. Лениным программных документах партии, — это социализм, за который боролись рабочие и крестьяне в 1917 году и отстояли его в гражданскую войну, защитили в годы Великой Отечественной войны. Подтверждением жизненности принципов научного социализма являются забастовки и выступления разных отрядов рабочего класса, интеллигенции. Их действия и требования направлены против капитализации социализма, внедрение которого, начиная с 70-х годов, принесло немало бед рабочему классу, сопровождается выкачиванием всё большей прибыли, повышением цен, ухудшением положения рабочих, ростом социальной дифференциации, появлением национальной и компрадорской буржуазии.

«Рыночный социализм» является формой мелкобуржуазного социализма. Его теоретическую основу составляет субъективизм, который исходит не из объективного хода развития общества, а из некоего «социалистического» идеала, абстрактного критерия социалистичности, сконструированных в соответствии с тем или иным «видением» целей, содержания, функций социализма. В итоге этот идеал социализма оказывается продуктом его «видения» со стороны имущих слоёв населения, полагающих, что желаемые общественные отношения, в том числе материальные производственные отношения, формы собственности они могут ввести посредством спланированного законопроекта, организации для его защиты соответствующей парламентской группой: захотели — выбрали данную модель, захотели — другую — независимо от объективных условий и объективных законов общественного развития.

Научная концепция социализма исходит из объективных причин, факторов и предпосылок, определяющих историю, настоящее и будущее общества. Она отвергает оценку и объяснение прошлого и современного состояния общества с позиций «идеальной» или «нормативной» модели социализма, в частности, — отклонениями от неё из-за допущенных ошибок, нежеланием оказавшихся у власти руководителей следовать по пути «истинного» социализма и устранением тех, кто хотел осуществить его, страхом перед всесильной административной системой и т. п.

Неудовлетворённость растущим социальным расслоением общества в наиболее острой форме проявляется в отношениях трудящихся масс к административному аппарату управления, монополизировавшему функции распоряжения собственностью и распределения общественного продукта. Сложилась ситуация, когда не рабочие и крестьяне нанимают аппарат управления, а он их нанимает, делая трудящегося человека наёмным работником, подёнщиком. Хозяином на деле оказались управленцы, что теперь закреплено Законом о порядке разрешения коллективных трудовых споров, ставящим администрацию в противостоящее, а не подчинённое трудовому коллективу положение. Это неизбежно вызывает социальную напряжённость. Недоверие ко всё более растущему аппарату управления оборачивается организацией забастовочных, а затем рабочих комитетов и Советов. У рабочих возникает страстное желание вернуть власть в свои руки.

Социальное расслоение неизбежно порождает серьёзные противоречия в области идеологии: идеологии рабочего класса в лице марксизма-ленинизма, являющегося основой идейного единения большинства общества, противопоставляется мелкобуржуазная идеология социал-демократического толка, базирующаяся на ревизии марксистско-ленинского учения; в оценке исторических событий всё более сталкиваются подход с позиции рабочего класса с мелкобуржуазной позицией, принимающей форму объективизма и общечеловеческих критериев; обостряется борьба между интернационализмом трудящегося народа и национализмом мелкобуржуазных слоёв национальных республик, между народно-патриотическим, гуманистическим началом и космополитическими извращениями в культуре, между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями.

Если же свести к общему экономическому знаменателю противоположные течения в области теории и идеологии, то они сводятся к противоположности между мертвящей товарно-рыночной, стоимостной основой буржуазного строя и зреющей в недрах этого строя непосредственно общественной, потребительностоимостной основой социализма.

Глава II

ЗА СОЦИАЛИЗМ НА ЕГО СОБСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ — НАУЧНАЯ ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА

Тезис о трудовой теории потребительной стоимости как новой парадигме экономического познания социализма, сформулированный нами в предшествующих работах, поддерживает ряд известных наших учёных. «Настал период, — пишет Р. И. Косолапов, — когда общество должно смело отказаться от „политической экономии стоимости“ и перейти к „политической экономии потребительной стоимости“, поставив последнюю в центр всей экономической теории и практики»[5]. «По логике вещей, — утверждает В. Н. Черковец, — трудовую теорию стоимости должна заменить теория потребительной стоимости (общественной, непосредственно общественной), которая будет призвана разработать и применять научные методы определения полезности (общественной, непосредственно общественной) создаваемых материальных и нематериальных благ не через стихийные рыночные цены…»[6].

Разработку и тем более применение трудовой теории потребительной стоимости, к сожалению, относят на далёкое, причём неопределённое, будущее. Для одних — это «постиндустриальное» общество, для других — «технотронное». Во всяком случае, по мнению В. Н. Черковца, в настоящее время для такой теории пока нет соответствующего объекта.

В современных наших условиях, когда господствует рыночная стихия, когда не только человеческое тело, но и нравственность, честь, совесть и многие другие духовные ценности превратились

---

[5] Косолапов Р. И. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 176, 177.

[6] Черковец В. Н. Реалии современного мира и политическая экономия // Экономическая теория на пороге XXI века. СПб., 1996. С. 138.

в предмет купли-продажи, говорить о преобладании потребительной стоимости не приходится. И всё же предпосылкой стоимости была и остаётся потребительная стоимость. Без учёта последней никакое производство не может обходиться. Дело не в том, что для теории потребительной стоимости нет реального объекта. Люди живут за счёт потребительных стоимостей продуктов (стоимость не съедобна), в работе используют потребительностоимостные свойства орудий и предметов труда, достигают дополнительных результатов благодаря потребительной стоимости своей рабочей силы, т. е. труда, который не имеет стоимости. На основе принципов движения потребительной стоимости функционируют крупные экономические процессы: развитие производительных сил, научно-технический прогресс, динамика производительности труда, движение общественного продукта, возможность расширенного воспроизводства, планирование и т. д. и т. п. Неотварность протекания этих процессов, их подчинённость законам движения потребительной стоимости явились основным условием приобретения нашим обществом преимуществ в экономическом развитии. В этой области общество практически «вырвалось из пут товарности, что и давало известные великолепные результаты»[7].

Посредством индустриализации, экономии труда и снижения себестоимости продукции осуществлялось постоянное снижение цен, которые в СССР были самыми низкими в мире. Если к получаемой в то время заработной плате добавить доходы населения из общественных фондов потребления (бесплатное образование и медицинское обслуживание, низкая плата за жильё, коммунальные, транспортные и многие другие услуги), то в целом уровень оплаты труда не намного отставал от её уровня в развитых капиталистических странах, живущих в значительной мере за счёт ограбления стран третьего мира.

Отсутствие товарного обмена (торговли) между государственными промышленными предприятиями, их положение как составной части единой экономической «фабрики», безналичное обращение их продукции позволяли обходиться без громадной

[7] Ерёмин А. М. Объективные источники экономического прогресса при социализме // Советский Союз. 1997. № 1. С. 37.

массы всякого рода посредников (дилеров, брокеров, маклеров, служащих многочисленных коммерческих банков и т. п.) и тем самым избежать громадных трансакционных издержек, которые в современных рыночных хозяйствах превышают издержки самого производства. Сэкономленный в этой сфере труд направлялся на расширение образовательной, научной, культурной деятельности. Там, где преодолевался стоимостной обмен, открывалась возможность для обмена деятельностями и продукцией как потребительной стоимостью, удавалось вести экономику по научным соображениям — планировать её развитие, организовывать пропорциональное, основанное на балансовой системе снабжение отраслей производства, устранять всякого рода неплатежи, неуплаты, невложения.

Можно сказать, что на практике всё собственно социалистическое, имевшее место в стране, было осуществлено на базе функционирования потребительностоимостных факторов экономики. Всё это не может не входить в уже имеющийся «фонд» теории потребительной стоимости.

Однако эти процессы реальной жизни не были обобщены в виде концепции, равноценной теории стоимости. Они не были поняты с позиции, отличной от стоимостной экономической парадигмы. Многие полагали, что на стоимостной основе можно осуществить не только переход к социализму, но и построить его. При этом много писали о «непосредственно общественном продукте», «непосредственно общественном труде», «непосредственно общественной собственности», но упускали из виду, что они могут функционировать в таком виде только на основе потребительной стоимости, а не стоимости.

Одновременно не замечали того обстоятельства, что всё отрицательное, имевшее место в жизни трудящихся, экономически исходило из отношений стоимости. Для того, чтобы одним людям жить и обогащаться за счёт других, властвовать над другими и делать к тому же всё это под видом свободного эквивалентного обмена, с позиций равенства (и, конечно, свободы), потребительная стоимость не нужна. Здесь нужна стоимость и заложенные в ней отчуждение труда и его эксплуатация. Продукт труда, приобретая форму стоимости, предполагает, что тем самым в конечном счёте сам труд является наёмным.

Обывателю на практике так и не удалось разгадать тайну этого общественного иероглифа, т. е. стоимости. В ней видели не абстрактную и всеобщую общественную форму буржуазного способа производства, а скорее общее свойство вещей. Экономисты тоже чаще всего говорили, по выражению К. Маркса, языком товаров: «наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас же, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость»[8]. И теперь не так легко убедить людей в том, что в свойствах золота или алмаза как таковых нет ни атома стоимости.

В то же время не была понята общественная, социальная форма продукта труда как потребительной стоимости, т. е. его форма, существующая вне рыночного обмена. Её назначение как потребительной стоимости для других (общественной потребительной стоимости) ничего существенного для этого не давало, поскольку такого рода её «общественность» исходила опять-таки из предполагаемого стоимостного обмена. О стоящем за ним продуктообмене, его законах, по существу, и до сих пор мало что знают. Процессу производства потребительной стоимости тоже не придавалось значения определённости экономической формы. В нём видели лишь абстрактно общие моменты, присущие всякому производству независимо от его общественной формы, не задумываясь над тем, что эта общая форма может стать формой специфического способа производства. Можно было согласиться с К. Марксом в том, что необходимо проводить различия между процессом производства как таковым и процессом создания стоимости, который по отношению к первому приобретает определённость экономической формы. Иначе производство стоимости капитала может быть отождествлено с производством потребительных стоимостей.

Это, однако, вовсе не означает, что процесс производства потребительной стоимости кроме своих всеобщих признаков, присущих производству любого общества, не приобретает каждый раз определённую социально-экономическую потребительную форму, т. е. определённость экономической формы производства не исчерпывается стоимостной формой. В одних

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 93.

условиях определённостью экономической формы производства потребительной стоимости выступает сама его натуральность, в других — отношение между потребительной стоимостью рабочей силы (труда) и капиталом, т. е. потребительная стоимость рабочей силы выступает как источник капитала, в-третьих — в виде «экономики для человека». Если же речь идёт о производстве, в котором целью является не стоимость, а потребительная стоимость, т. е. о производстве самого человека, то в этом своём качестве само производство потребительной стоимости предстаёт как определённость особой общественно-экономической формы. Здесь тоже следует различать особенность этой формы и абстрактно общие моменты процесса производства потребительной стоимости, лежащие в основе любой его особой общественной формы. Тогда общее определение процесса труда в его простых и абстрактных моментах будет совпадать с его определением как процесса созидания потребительной стоимости, и, следовательно, как обмена веществ между человеком и природой, этого вечного условия человеческой жизни.

Труд, следовательно, сохраняет свой двойственный характер (свою абстрактность и специфичность) и как созидатель потребительной стоимости, а не только за этими рамками, при его сопоставлении с меновой стоимостью, как это имеет место в «Капитале» К. Маркса. Деление труда на абстрактный и конкретный, обнаружение его двойственного характера являются, безусловно, важным достижением К. Маркса. Вместе с тем это деление не исчерпывается тем, что абстрактный труд имеет отношение к стоимости и только к ней, а конкретный — только к потребительной стоимости. Труд, производящий потребительную стоимость, тоже имеет свой абстрактный, общественный аспект и свою конкретную сторону.

Чтобы выявить специфику производства потребительной стоимости, вначале нужно сформулировать закон потребительной стоимости в его простом виде, который отражал бы отношение (связь) между трудом и его результатом (продуктом), но был бы противоположностью закону стоимости (последний тоже является законом взаимодействия труда и его результата).

Каким же предстаёт закон потребительной стоимости?

1. Если законом стоимости выражается связь, идущая от живого труда, взятого в его общественно необходимых затратах, к его результату, овеществлённому в стоимости, то закон производства потребительной стоимости, наоборот, устанавливает зависимость затрат живого труда от общественной потребительной стоимости продукта, от потребности в нём. В первом законе стоимость результата определяется общественно необходимым для его производства трудом, т. е. мы исходим из затрат труда. Вторым законом, т. е. законом потребительной стоимости, выражается обратная связь: мы исходим из потребительной стоимости продукта и идём в обратном направлении — к созидающему её труду, чтобы определить сколько нужно затратить труда для получения потребительной стоимости и удовлетворения данной потребности в ней. По закону стоимости этого нельзя сделать, ибо в нём трудом обусловливается лишь стоимость продукта, сама же «стоимость» труда, его величина остаются необъяснёнными. Труд, его затраты в рамках закона стоимости не приобретают своей причинной обусловленности со стороны их продукта, и поэтому мы лишены возможности определить величину труда, что, безусловно, свидетельствует об ограниченности классической стоимостной теории и соответствующей ей практики. Из их критики выросло кейнсианство с его теорией определения объёма занятости. В законе потребительной стоимости преодолеваются эти ограниченности, он является законом, по которому общество определяет, сколько необходимо трудиться, уделять времени материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности.

Ввести этот закон в экономическую науку, даже в его исходной общей форме, не так-то легко. Кажется чем-то самим собой разумеющимся определить действие закона потребительной стоимости через отношение полезности продукта к овеществлённому в нём труду. Но как только трактовка данного закона переводится в эту плоскость, так мы неизбежно встаём на путь, который ведёт к закону стоимости. Вековое господство стоимости всякому взаимодействию труда и его результата, даже если результат берётся как потребительная стоимость, заставляет придать продукту стоимостной характер, рассматривать его в рамках теории стоимости и её законов. Конечно, производство потребительной

стоимости (как и стоимости) требует определённого, причём необходимого для удовлетворения данной потребности количества затрат труда. Но если потребительную стоимость (полезность) результата хотят определить через эти необходимые (предельные, оптимальные, дифференциальные и т. п.) затраты, а не наоборот, то законы движения потребительной стоимости оказываются частным случаем (или дополнением) законов стоимости.

Этого, к сожалению, не избежал и В. В. Новожилов при анализе затрат и результатов труда. Он полагал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления, а также соответствующие суждения К. Маркса об этом новом смысле общественно необходимого рабочего времени, свидетельствуют лишь о более развитом выражении закона стоимости, учитывающем не только условия её производства, но и условия её реализации в потреблении, т. е. если товар не покупается, то затраченный на него труд перестаёт быть необходимым. Вследствие этого, по мнению В. В. Новожилова, соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления (реализации стоимости), труду необходимому по условиям производства стоимости, осуществляется на основе затраченного труда. Все потребительские оценки как средств производства, так и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда[9].

В таком случае измерение осуществляется по закону стоимости, и речь идёт лишь о том, чтобы учесть зависимость меновой стоимости от потребительной стоимости, т. е. о том обстоятельстве, что потребительная стоимость есть предпосылка меновой стоимости, без первой нет и второй. По этой причине приходится обращаться к услугам потребительной стоимости как предпосылке меновой стоимости и на этой основе считать необходимыми лишь те затраты на производство товаров, которые покупаются и потребляются. Затраты здесь ставятся в зависимость от платёжеспособного спроса, от товаропотребителей, что не выходит за рамки стоимостного отношения.

---

[9] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

В рамках же закона потребительной стоимости необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают совсем иной, противоположный смысл: они становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Необходимый труд, взятый в этом смысле, не имеет отношения к меновой стоимости, не является её эквивалентом. В законе потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на её создание, не её обусловленность этими затратами, а наоборот, обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества.

Величина и пределы затрат труда в этом случае обусловливаются потребностями, а время труда, оставаясь полюсом данного экономического отношения, приобретает принципиально иное значение. Когда говорится о необходимом рабочем времени общества в смысле того времени, которое нужно обществу израсходовать для удовлетворения данных потребностей, то это время не выступает мерой стоимости продукта. Такого рода необходимый труд имеет отношение к потребительной, а не к меновой стоимости[10]. Здесь имеется в виду не то рабочее время, которое необходимо для того, чтобы создать ту или иную стоимость, в том числе стоимость суммы благ, необходимых рабочему для своего существования и для воспроизводства своей рабочей силы. Речь идёт об относительной необходимости потребностей, удовлетворяемых продуктами тех или иных видов труда, например, об удовлетворении потребностей в питании посредством земледельческого труда, который в этом отношении является самым необходимым.

В общем же виде такого рода необходимое рабочее время определяется и многими другими обстоятельствами, связанными с потребительной стоимостью, её потреблением и потребностями людей. Нужно указать прежде всего на то, что именно потребительная стоимость жизненных средств работника диктует, сколько нужно затратить труда и времени на их производство (если эти затраты определять стоимостью жизненных средств, то мы оказываемся в порочном кругу: трудом определяется их

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 214.

стоимость, их стоимостью — труд). Рабочее время и количество производительного труда, необходимые для жизни общества, зависят от количества нуждающихся в средствах существования людей, т. е. от общего количества потребителей и потребительских «корзин», от потребительной силы общества. Объём необходимого рабочего времени, в свою очередь, находится в зависимости от другого потребительностоимостного фактора — производительной силы общества. Последняя во многом предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, общий объём необходимого рабочего времени данного общества.

Зависимость затрат труда и рабочего времени от потребностей общества и от необходимых для этого потребительных стоимостей, существующих в виде средств для жизни и средств для труда, очевидна. Возникает, однако, вопрос, не будут ли эти затраты, взятые по отношению к потребительной стоимости, её мерой, измерением, т. е. нельзя ли потребительную стоимость измерять этим же затраченным трудом (как и стоимость), но с той лишь разницей, что он затрачен по условиям потребления, а не производства. Если воспользоваться примером К. Маркса относительно того, что Робинзон на своём острове распределял своё рабочее время и свои трудовые функции согласно полезным эффектам предметов потребления, то нельзя ли такое распределение рабочего времени (в зависимости от потребительной стоимости продукта) считать отношением, в котором «уже заключаются все существенные определения стоимости»[11].

Такое утверждение будет неправильным, ибо оно сводит потребительную стоимость к стоимости и возвращает к закону стоимости. Однако это не значит, что эти два закона нигде не пересекаются, что закон потребительной стоимости в его снятом виде не содержит в себе отрицаемое стоимостное отношение продукта к созидающему его труду, и, наоборот, требование потребительной стоимости затрачивать труд, необходимый лишь по целям потребления (лишнее, не потреблённое пропадает), не учитывается в законе стоимости. К тому же оба закона имеют общее основание — труд.

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 87.

2. Поскольку потребительная стоимость продукта нуждается для своего производства в необходимом для этого рабочем времени, то между нею и трудом складывается определённое экономическое отношение, обладающее своими специфическими качествами и количественными характеристиками. Прежде всего они касаются отношения соответствия или несоответствия (пропорциональности или непропорциональности) между потребительной стоимостью и трудом, их равенства или неравенства (в том числе, равен ли труд по условиям создания потребительной стоимости труду по условиям создания меновой стоимости). Ставя вопрос таким образом и решая его, мы тем самым переходим к новой характеристике движения потребительной стоимости: к его обсуждённой выше стороне, выражающей направленность отношения между потребительной стоимостью и трудом, теперь добавляем характеристику их взаимодействия в плане их пропорциональности, соответствия друг другу.

В целом это второе определение закона или второй закон потребительной стоимости касается общих рамок соотношения производства и потребления и обусловленных ими частных форм их взаимодействия, например, спроса и предложения, взятых в плоскости производства и обмена потребительных, а не меновых стоимостей. Поскольку производство и потребление в этом аспекте должны в конечном счёте совпадать (соответствовать друг другу), то закон потребительной стоимости выступает как отношение пропорциональности между различными массами потребительных стоимостей и соответствующих им потребностей, с одной стороны, и различными и количественно определёнными массами совокупного общественного труда. В своём потребительностоимостном определении труд распределяется (разделяется) в соответствии с различными потребностями общества в разного рода потребительских благах.

В этом разделении труда обнаруживается закон потребительной стоимости, который как основание в определённых исторических условиях реализуется в форме отношений меновой стоимости. Когда, например, промышленный и земледельческий труд внутри общества распределяется пропорционально потребностям в соответствующем роде продуктов, то их обмен осуществляется по их стоимостям (или по ценам производства). В этом случае

необходимый труд по условиям производства потребительной стоимости совпадает с необходимым трудом по условиям производства стоимости, т. е. предполагается, что труда употреблено лишь необходимое, пропорциональное количество. Если же продукта того или иного рода производится больше, чем это нужно для удовлетворения потребностей в этом продукте, то часть продукта будет излишней, бесполезной, а соответствующий труд уже не будет необходимым. Потребительная стоимость здесь обнаруживает себя как предпосылка меновой стоимости: потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определённой общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли в соответствии с этой общественной количественно определённой потребностью распределён труд между различными сферами производства. Именно общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — всё тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости[12].

Совпадение требований этих двух законов (закона потребительной стоимости и закона стоимости) в одном из пунктов взаимодействия труда и его продукта нередко служит поводом для их отождествления или, точнее, для определения стоимости через потребительную стоимость и наоборот. Поскольку, мол, для удовлетворения определённой общественной потребности требуется определённое, необходимое количество труда, то такого рода пропорциональность и есть эквивалентность необходимого труда и стоимости. Соответственно труд, затраченный по условиям потребления (производства потребительной стоимости), должен быть, якобы, равным труду по условиям производства меновой стоимости.

Это далеко не так. Ограничение стоимости её предпосылкой — потребительной стоимостью (весь продукт удаётся продать лишь

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 186.

так, как если бы он был произведён в необходимой пропорции с потребностями), хотя и выражает более развитую форму закона стоимости (применительно ко всей массе товаров, а не просто к отдельному товару), вовсе не означает, что соответствие производства потребностям осуществляется при равенстве потребительной стоимости (и потребительских оценок) затратам труда в рамках закона стоимости (более развитого его выражения). Частный случай совпадения нельзя возводить в принцип, т. е., в конечном счёте, в равенство потребительской стоимости и стоимости. Если бы это было так, то мы оказались бы безоружными в решении многих принципиальных вопросов экономической науки, не смогли бы объяснить главное, — как возможны получение прибавочной стоимости и вообще превосхождение результата над затратами, что имеет прямое отношение к категории полезности по её определению.

В самом деле, допустим, что потребительная стоимость пропорциональна, равна затратам труда, необходимым для её производства. Тогда потребительная стоимость рабочей силы (труда) будет эквивалентна (равна) обмениваемым на неё затратам труда (стоимости жизненных средств), необходимым для её воспроизводства, а объяснение прибавочной стоимости вообще становится невозможным. Это касается не только потребительной стоимости рабочей силы, но всех других факторов производства. Если, например, потребительная стоимость техники была бы эквивалентна затратам труда на её производство, то её полезный эффект равнялся бы нулю и в производстве не было бы смысла пользоваться техникой.

3. Невозможность объяснения такого рода явлений в рамках закона стоимости и трудовой теории стоимости заставляет обращаться ещё к одному определению закона потребительной стоимости, в определённой мере снимающему его второе определение — не только стоимостной, но и потребительностоимостной пропорциональности (хотя производство и потребление в конечном счёте должны соответствовать друг другу). В этом отношении законы движения потребительной стоимости составляют противоположность законам стоимости, являются отрицанием последних.

Если закон стоимости зиждется на принципе эквивалентности общественно необходимых затрат и стоимости товара, то закон

потребительной стоимости в своём сущностном определении базируется на противоположном принципе — труд по условиям производства потребительной стоимости не равен, не эквивалентен не только труду по производству стоимости, но и по созданию потребительной стоимости. Казалось бы, например, что вне эквивалентности затрат и результата, содержащейся в законе стоимости, не мыслимо соответствие между производством и потреблением. Однако это не так. Закон стоимости на самом деле не предполагает такого соответствия, ибо движение стоимости находится в отношениях обратной пропорциональности как с ростом производительности труда, так и с возвышением потребностей. И, наоборот, соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорция как раз и обеспечивает пропорциональность производства и потребления, поскольку здесь осуществляется возвышение потребностей при минимизации трудовых затрат.

Этот принцип — главное в определении закона потребительной стоимости, ибо им объясняется всё то, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости, например, понимание того, почему при эквивалентном обмене на жизненные средства рабочая сила производит прибавочную (дополнительную) стоимость. Превосходство результатов труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет, по нашему глубокому убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества. Вследствие этого объяснению того, как, по каким законам происходит прирост потребительной стоимости (полезности), нужно уделить особое внимание.

До сих пор мы ограничивались довольно абстрактными и простыми определениями закона потребительной стоимости: объяснением зависимости величины затрат труда от потребительной стоимости продукта и их пропорциональности по условиям потребления. Речь не шла о возрастании, увеличении, или о получении прибавочной (дополнительной) потребительной стоимости продукта. Для решения этих вопросов требуется более глубокое, сущностное определение самой потребительной стоимости, позволяющее понять её динамику, изменение степени полезного

эффекта блага. Подобно тому как для объяснения самовозрастания стоимости (производства прибавочной стоимости) недостаточны законы простого товарного хозяйства, так и для понимания процесса увеличения потребительной стоимости факторов и продукта производства нельзя ограничиваться знаниями того, что полезность продукта и потребность в нём обусловливают время, необходимое для его производства, и что время и труд должны распределяться пропорционально потребностям в определённой массе потребительных стоимостей. Необходимо ещё знать закон, согласно которому прирастает потребительная стоимость факторов производства в процессе их производительного потребления.

Прежде чем приступить к анализу этого закона, надобно предварительно определить потребительную стоимость основных факторов производства — средств производства и рабочей силы с точки зрения их участия в увеличении потребительной стоимости результата производства, в создании новой производительной и потребительной силы общества.

Что касается потребительной стоимости материальных средств производства, полученной ими ранее в качестве продуктов производства, то она, реализуясь в производственном потреблении, сводится в конечном счёте к замещению ими живого человеческого труда, к его высвобождению и, следовательно, — к повышению производительной силы функционирующего труда. Конечно, это не исключает характеристики средств производства или производительных благ с точки зрения их служения удовлетворению человеческих потребностей, а также определения их ценности через ценность создаваемого при их помощи продукта, в частности заключительного, конечного продукта, удовлетворяющего непосредственно человеческие потребности[13].

Проблема заключается в том, как определить полезность (ценность) самого этого конечного продукта, что взять для его оценки вместо субъективного критерия полезности. Трудовая теория потребительной стоимости предлагает для этого вполне объективный критерий — замещение, высвобождение средствами производства живого человеческого труда, усиление

[13] Бём-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Бём-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 327.

его производительности. Потребительная стоимость машины, по утверждению К. Маркса, — это замещение ею труда. Прошлый труд, овеществлённый в виде потребительной стоимости средств производства, в этом случае выступает как средство высвобождения живого труда или уменьшения численности рабочих[14]. При этом высвобождаемого труда должно быть больше, чем было затрачено его на создание данных средств производства, на достижение данной экономии труда. Затраты же абстрактного труда (издержки производства), образующие стоимость, составляют некую антиполезность и должны вычитаться из полезного действия средств производства, из их потребительной стоимости[15]. В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности средств производства, их потребительную стоимость, реализуемую в процессе их производительного потребления. Подробный анализ потребительной стоимости техники в этом плане дан в работах: В. Г. Долгов «Управление научно-техническим прогрессом: потребительно-стоимостные основы» (Л., 1988) и Н. Ф. Дюдяев «Промышленные роботы и экономия живого труда» (Саранск, 1991).

Потребительная стоимость другого основного фактора производства — рабочей силы, реализуясь в процессе живого труда, тоже сводится к избытку того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем его количеством, которое затрачено на её воспроизводство. Когда эти затраты реализуются в стоимости рабочей силы, то этот избыток принимает форму дополнительной продолжительности рабочего времени (прибавочного рабочего времени и прибавочного труда), превышающего необходимое рабочее время, затраченное на воспроизводство самой рабочей силы. Затраченный прошлый труд, который заключён в рабочей силе, и тот живой труд, который ею выполняется, — это две совершенно различные величины. Первая определяет величину меновой стоимости рабочей силы, вторая — её потребительной стоимости.

---

[14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 363.

[15] «Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к её производительности». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 198.

Потребление рабочей силы (её использование как потребительной стоимости) доставляет больше труда, воплощается в большем количестве овеществлённого труда, чем содержится в ней самой как меновой стоимости. Потребительная стоимость рабочей силы определяется не тем рабочим временем, которое необходимо для того, чтобы сохранить и воспроизвести эту силу, а тем, в течение которого она используется в труде, например, одним рабочим днём, а меновая стоимость — только половиной рабочего дня. С этой точки зрения, меновая стоимость рабочей силы, равная необходимому для её воспроизводства рабочему времени, будет минусом по отношению к её потребительной стоимости. Это, однако, не означает, что дополнительная стоимость, создаваемая сверх стоимости жизненных средств работника, является результатом производительности его труда. Новая стоимость добавляется исключительно за счёт продолжительности рабочего времени, добавлением дополнительного количества рабочего времени, а не за счёт потребительной стоимости труда, её возросшей производительной силы, которая в общем случае уменьшает стоимость продукта. Прибавочная стоимость может возникнуть только в том случае, если рабочая сила применяется в течение большего количества рабочего времени, чем время, которое было затрачено на её воспроизводство.

В противоположность этому возрастание потребительной стоимости рабочей силы зависит в первую очередь от производительности и качества рабочей силы. Здесь продолжительность рабочего времени теряет своё ведущее значение. При всех состояниях общества, где господствует потребительная стоимость, рабочее время является более или менее безразличным, коль скоро оно удлиняется лишь для того, чтобы помимо жизненных средств для самих работников доставить господам какое-либо патриархальное богатство, определённую массу потребительных стоимостей[16]. Наоборот, чем меньше времени тратится на воспроизводство той же самой потребительной стоимости, тем полезнее, производительнее рабочая сила, тем выше её потребительная стоимость.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительностоимостному подходу, прирост потребительной стоимости

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 251.

рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нём потребляется. Что же касается избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами её собственного воспроизводства, это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счёт использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы, с другой за счёт этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающимся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда (более простого) к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на приобретение жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием и не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Однако это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в конечном счёте реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемого за счёт замещения сложным трудом более простого труда, но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нём потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже

не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона.

По отношению же к продукту производства потребительная стоимость средств производства и рабочей силы реализуется в более высокой потребительной стоимости самого продукта, которая, однако выявляется в процессе его производительного потребления в виде новых материальных средств (техники), с одной стороны, и жизненных средств, потребляемых рабочей силой, с другой. Продукт, вступая в качестве средств труда в новый процесс труда, утрачивает свой характер продукта и становится «жизненным» средством труда.

Из анализа потребительной стоимости продуктов труда, реализуемой в их потреблении как факторов производства, средств труда и рабочей силы, следует, что их потребительная стоимость может быть сведена к одной и той же основе — высвобождаемому, незатраченному труду, взятому в соотношении с затраченным трудом. Эта общая основа делает потребительные стоимости соизмеримыми. Тем самым получает решение одна из серьёзнейших проблем экономической науки — соизмерение потребительных стоимостей, причём оно осуществляется на объективной, трудовой основе — посредством единицы высвобождаемого, сэкономленного труда (о том, как на этой основе измеряется и соизмеряется потребительная стоимость материальных средств производства (техники), можно узнать из монографии В. Г. Долгова «Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1988)). Сравнительный анализ и соизмерение потребительной стоимости робототехники и рабочей силы с использованием математического аппарата маржинализма содержится в монографии Н. Ф. Дюдяева «Промышленные роботы и экономия живого труда: потребительностоимостной анализ» (Саранск. Изд-во Мордовского ун-та, 1991). Отпадает, следовательно, тезис о несоизмеримости разнородных потребительных стоимостей, о том, что они могут соизмеряться только косвенно, через затраты труда (стоимость), хотя и учитывающие условия потребления.

Итак, закон потребительной стоимости в его сущностном виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным

в результате реализации конкретного труда в полезных свойствах продукта при его потреблении, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в совокупной величине замещённого, сэкономленного труда, полученного при его использовании в качестве средств производства. На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия и соизмерения: труд выполняет своё назначение созидателя продукта в качестве конкретного труда, причём в количестве, определяемом объёмом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает условия и предпосылки движения труда как источника потребительностоимостного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остаётся труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Теория закона исходит из решающей роли труда и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости продукта труда выступает трудовая концепция. Сохраняет силу и отношение произведённого полезного результата к источнику своего происхождения — реальному труду и к его естественной мере — рабочему времени. Дело лишь в том, что это время перестаёт служить измерителем потребительной стоимости. Им выступает уже не затраченное, а высвобожденное время. В этом суть решения проблемы. Поиски единицы (предела) полезности наподобие особому весу самой тяжести или особой температуре самой теплоты не могли увенчаться успехом, ибо в такой постановке эта проблема не разрешима. Между тем, закон потребительной стоимости имеет не менее чёткую количественную определённость, чем закон стоимости. Потребительная стоимость любого продукта труда может быть сведена к одинаковой основе — высвобождаемому благодаря его полезности живому труду, а единица этого сэкономленного труда может служить не менее добротной мерой потребительных стоимостей, чем единица затраченного, овеществлённого в них общественного труда для измерения стоимостей.

Надо лишь иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта.

Величина потребительной стоимости продукта, соответственно, определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобожденного живого труда и объёмом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идёт о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создаёт общее основание для их соизмерения. Сведённые к нему различные потребительные стоимости становятся количественно сравнимыми. Их нельзя выразить количеством воплощённого в них труда. К ним применяется другое мерило, которое лежит вне природы продукта как меновой стоимости. «В качестве потребительной стоимости, — отмечал К. Маркс, — предложение вовсе не измеряется овеществлённым в нём рабочим временем, а к нему применяется такое мерило, которое лежит вне его природы как меновой стоимости»[17].

Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является, повторяем, сэкономленный, незатраченный труд, т. е. совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя своей функции созидающей продукт субстанции, тем не менее не могут уже составлять меру его потребительной стоимости. Высвобождаемый последней труд должен быть больше затрачиваемого. Нарушается, следовательно стоимостное равенство. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления. Соответственно, на практике мы должны вести хозяйство так, чтобы результаты производства

[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 389.

росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая практика подчиняется закону потребительной стоимости.

Обсуждённый выше закон потребительной стоимости выражает предпосылки результата движения потребительной стоимости с общей, сущностной стороны. Сущность же, как известно, выступает в формах своих проявлений, которые могут не только не совпадать с сущностью, но и скрывать её, и даже искажать. В своём действительном функционировании закон потребительной стоимости тоже облекается в конкретные формы, далеко не совпадающие с его абстрактно общим определением. Причём эти его формы более известны, чем сущность.

Наиболее адекватной формой движения потребительной стоимости в сфере её производства является экономия труда, выраженная в соответствующем законе. Высвобождаемый труд, проистекающий из повышения потребительной стоимости факторов производства, необходимо предполагает соответствующую экономию применяемого, затрачиваемого труда, в которой в известной мере проявляется закон потребительной стоимости, хотя и в достаточно модифицированном виде.

В этом случае экономия труда, вызываемая возвышением потребительной стоимости, может выступать, во-первых, лишь как экономия затрачиваемого необходимого рабочего времени, реализующаяся в соответствующем увеличении затрат прибавочного труда. Экономия на труде здесь осуществляется за счёт рабочего, а не в его пользу. Во-вторых, экономия принимает форму экономии прошлого труда, т. е. экономии на применении средств производства, сбережения соответствующих затрат с тем, чтобы присвоить большее количество прибавочного труда. И только в третьем случае экономия выступает экономией всего живого труда, что соответствует требованиям закона потребительной стоимости.

В действительности экономия на средствах производства возникает из их функционирования не как стоимостных, а как потребительностоимостных факторов, т. е. как производительных сил. В той мере, в какой средства производства входят в процесс производства и функционируют в нём, они выполняют эту свою

роль исключительно со стороны своей потребительной, а не меновой стоимости. Та помощь, которую машины оказывают рабочим, зависит не от стоимости, а от потребительной стоимости машин. Точно так же то количество труда, которое способен впитать предмет труда (сырой материал), зависит не от его стоимости, а от его количества, если не изменяется производительность труда[18].

Экономия, возникающая из концентрации средств производства и применения в массовом масштабе, своим источником опять-таки имеет потребительностоимостные условия, поскольку средства производства функционируют в условиях общественного, общественно-комбинированного труда.

Закон экономии труда в рамках отношений стоимости не выявляет своей настоящей, потребительностоимостной сущности. Наоборот, экономия труда предстаёт как экономия прошлого (овеществлённого) труда, т. е. стоимости, что может дать повод считать источником прибавочной стоимости не дополнительное количество живого прибавочного труда, увеличивающегося за счёт сокращения необходимого труда, а экономию на самой стоимости (прошлого, овеществлённого труда), что противоречит самому понятию экономии. Между тем, в последнее время участились попытки представить закон стоимости конкретизацией закона экономии труда и производительности труда.

Действительная экономия имеет отношение к движению потребительной стоимости, к её повышению. Когда К. Маркс писал о том, что всякая экономия в конечном счёте сводится к экономии времени и что экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остаётся первым экономическим законом на основе коллективного производства и даже законом в гораздо более высокой степени, то он имел в виду не экономию того рабочего времени, которым измеряется меновая стоимость. Он специально подчёркивал, что мера указанной экономии времени «существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем»[19]. Этим пояснением сфор-

[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 91.

[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

мулированного закона К. Маркс отчётливо противопоставляет его закону стоимости, на основе которого нельзя измерить экономию времени, возникающую из повышения потребительной стоимости.

Это обстоятельство следует учитывать и при характеристике другой существенной формы проявления сущности движения потребительной стоимости — закона возвышения производительности труда. Известно, что производительность труда характеризует конкретный труд, производящий потребительную стоимость. По этой причине повышение производительности труда в его собственном смысле состоит в том, что доля живого труда, заключающегося в его продукте, уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда уменьшается, следовательно, количество живого труда сокращается больше, чем увеличивается объём прошлого труда.

Повышение производительности труда — противоположный (минусовый) по отношению к стоимости результат, оно уменьшает последнюю. Все надбавки к стоимости не могут превысить её понижение, вытекающее из уменьшения живого труда, и, следовательно, понижение стоимости не может считаться экономией, если на оплачиваемой части живого труда не сберегается больше, чем прибавляется прошлого труда. Поскольку производительность труда касается потребительностоимостной сущности труда, то её, по существу, нельзя определять и измерять посредством стоимостных категорий, а потому неуместно было бы утверждение о том, что в экономии труда как показателе его производительности должны суммироваться живой и прошлый (овеществлённый) труд, что для этого недостаточно величины экономии живого труда. Прошлый труд, поскольку он уже затрачен, овеществлён, не может быть причислен к сэкономленному труду. Экономия же в применении средств производства может обнаруживать себя лишь в росте несовершенного, неовеществлённого рабочего времени, к чему и сводится суть всякой экономии. Прошлый же труд оказывается на стороне затраченного, а не сэкономленного труда. Сэкономленный труд в этом случае будет на стороне результата, он не суммируется с затраченным трудом, а наоборот, из него вычитается последний.

С этой точки зрения не может быть признано достаточно адекватным закону потребительной стоимости определение

производительности труда через отношение измеренной в натуральных единицах потребительной стоимости к затратам труда на её производство. Когда в результатах оказываются вместо величины высвобождаемого труда тонны, метры, объёмы и т. д. продукции, которые сопоставляются с затраченным на их производство трудом, то мы неизбежно переводим измерение потребительных стоимостей в плоскость затрат рабочего времени, т. е. измеряем их меновой стоимостью. Такой подход не освобождает нас от смешения результатов с затратами (об этом справедливо предупреждал нас В. В. Новожилов), не выводит к оценке производительности труда через его результат, а сводит эту оценку к затратам. Конечно, для этого надо знать, каких затрат стоит производство результата, но этого недостаточно. Надо ещё знать, каким является сам результат труда. Без этого производительность труда оказывается стоимостью его затрат.

Безусловно, этот результат будет представлять собой разность между тем, что труд даёт и тем, что он берёт, т. е. выступает как приращение массы потребительных стоимостей. Но в натуральных единицах эту разность, по мнению В. В. Новожилова, нельзя измерить из-за разнородности потребительных стоимостей и затраченных на них средств производства. Её, утверждает он, можно измерить лишь косвенно, в единицах стоимости или в единицах затрат труда. Нужно лишь, чтобы при измерении производительности труда это косвенное измерение отражало «физический объём» произведённого приращения потребительных стоимостей[20].

Чтобы отказаться от услуг стоимости при определении производительности труда, как раз и нужно представить результат труда как высвобождаемый труд, и на этой основе преодолеть постулируемую несоизмеримость потребительных стоимостей как между собой, так и с затраченным на их производство трудом. Этому, собственно, потребительностоимостному требованию более всего отвечает измерение общественной производительности труда (производительной силы общества) посредством величины сэкономленного, незатраченного в производстве труда

[20] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. С. 269

благодаря использованию потребительной стоимости различных факторов производства.

Функционирование производительных сил на основе потребительной стоимости, их подчинение производству и воспроизводству человека нуждается в адекватной форме производственных отношений — в отношениях общественной собственности.

2. К СОБСТВЕННОСТИ ВСЕХ И КАЖДОГО

По какому пути пойдёт Россия — установится ли в ней господство частной собственности или, наоборот, господствующей вновь станет общественная собственность? Или же эти формы собственности, как думали «теоретики социализма» перестроечного периода, должны совмещаться: социализм соединяется с товарным производством, плановое ведение народного хозяйства — со свободным рынком и т. д. На практике, и это теперь стало очевидно, сочетания названных противоположностей не произошло. Социалистические начала были разрушены благодаря широкому внедрению товарно-денежных механизмов во взаимоотношения между предприятиями, переводу их деятельности, особенно начиная с экономической реформы 1965 г., на показатели прибыли. В итоге рынок вытеснил план, частная собственность — общественную.

Можно ли после всего этого надеяться на возможность возвращения на путь социалистического развития посредством многоукладности в экономике и плюрализма в области собственности, сочетания её общественных и частных форм в условиях сохранения товарного производства. Или же следует согласиться с К. Марксом: «Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развивалась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наёмный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо»[21].

Вопрос о собственности остаётся главной проблемой. Вокруг него ныне сосредоточивается острая практическая и идейная борьба. Индивидуальность и частная собственность объявляются

[21] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 457

гарантом прав и свобод личности. Во имя их защиты многие современные философы и социальные антропологи отказывают обществу и, соответственно, общей собственности в праве на реальное существование. По их мнению, реальным и самодостаточным бытием обладает только индивид как частный собственник.

Чтобы человек не претендовал на общественную собственность, его лишают общественной сущности. В. С. Барулин (а раньше — М. С. Каган и др.), например, обрушивается на определение К. Марксом сущности человека как совокупности общественных отношений, полагая, что подобная трактовка привела к расхождению между основным направлением мировой социально-философской мысли и философией марксизма и «идеально соответствовала определённому политическому режиму, именуемому „социализмом“, и подпитывалась им»[22].

По его мнению, что, по-видимому, соответствует основному направлению мировой социально-философской мысли, «определяющая роль человека в обществе абсолютна и принадлежит к числу его фундаментальных качеств»[23]. Поэтому сущность человека не должна выводиться за пределы его личности и переноситься во вне — в общество. Такой выход к обществу, которое, как известно, является полем для социального развития личности, вроде бы «пахнет» социализмом, ибо последний, по своему определению, служит утверждению общественных, социальных качеств человека, того фундаментального положения, согласно которому только в обществе возможно свободное и полное развитие личности человека. Чтобы не попасть в объятия социалистов, достаточно вроде бы самого индивида принять за сущность общества и общественных отношений. Во имя этого можно отказаться и от прежних симпатий к диалектике. Неважно, например, что, согласно диалектике, принцип бытия всех единичных явлений составляет общее, что оно укоренено в единичном как сущность, что, следовательно, и отдельный человек имеет своей сущностью не самого себя, а общественные отношения, что по своей сущности он — существо общественное. Всё это, по мнению названных авторов, уже не соответствует действительности.

---

[22] Барулин В. С. Социальная философия, ч. II. М., 1993. С. 99.

[23] Барулин В. С. Социальная философия, ч. II. М., 1993. С. 94.

В то же время общество у них лишается статуса реального образования, своей субстанциональности по отношению к составляющим его индивидам. Вполне очевидно, что и общественная, общая собственность в этом случае теряет всякие основания для своего объективного существования, она становится бессмысленной. Полагают, что если под общественной собственностью понимать право каждого индивида на общественное богатство, например, на землю как общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других и общественная собственность становится невозможной. Если же отдельный человек претендует на часть общего достояния, то он становится частным собственником. Соответственно, из конституций выбрасывается право народа относиться к земле, к крупным средствам производства как к общей (общенародной) собственности. Одновременно охотно признается ничем не ограниченное право индивида на частную собственность. Она, в отличие от собственности народа, охраняется законом.

В общем и целом, невозможность общественной собственности доказывается тем, что она якобы несовместима с наличием собственности у отдельного индивида. Этот аргумент несостоятелен, ибо общее в его диалектическом понимании не только не исключает единичное, но и необходимо предполагает его, существует в нём. Их нельзя рассматривать только в качестве противоположных сущностей, исключающих друг друга. Собственность не исчерпывает себя лишь своей частной формой, блага бывают не только частными, но и общественными. В современной экономической науке общественными признаются те блага, использование которых одним человеком не исключает их потребления и присвоения другими людьми, т. е. они обладают свойством неисключаемости.

Нужно, однако, сказать, что и отдельный индивид с его частной собственностью, взятый в виде абсолюта, самостоятельной, обособленной от общества сущности, теряет оправдание своего существования, свою действительность. Достаточно напомнить, что обещание приватизаторов сделать каждого частным собственником не имело под собой никакого реального основания и не могло осуществиться. Все члены общества, получив ваучеры, не могли стать частными собственниками главных условий своего

труда и воспроизводства своей жизни — земли и средств производства. Если бы это случилось, то большинству трудящихся как частным собственникам объективных условий производства не нужно было бы ни продавать свою рабочую силу, ни быть наёмными работниками.

Приватизация может позволить лишь некоторым гражданам стать мелкими товаропроизводителями (фермерами или ремесленниками). Все члены общества таковыми тоже быть не могут, ибо тогда некому будет работать на фабриках и заводах. Большинство же народа лишается собственности на средства производства, для него она сводится к собственности лишь на свою рабочую силу, на свою способность к труду и на жизненные средства, получаемые от продажи своей рабочей силы или других своих природных сил и способностей (своего тела, волос или других частей организма). Подобно тому как римляне, потерявшие собственность на землю, обусловленную их принадлежностью к гражданам Римской Империи, оказались приватизированными (privati), т. е. ограбленными, лишёнными собственности[24] , так и граждане России, переставшие быть носителями общенародной, государственной собственности, превратились в лиц, лишённых собственности на средства производства и землю, т. е. приватизированными.

Итак, из сказанного выше следует, что ни общество и общественная собственность, с одной стороны, ни индивид и частная собственность, с другой стороны, — не могут быть признаны одновременно действительными в качестве обособленных, независимых друг от друга противоположных сущностей. Тогда, быть может, соответствующие утверждения о приоритете общественной или частной собственности представляют собой неразрешимую антиномию, и решение проблемы заходит в тупик.

Чтобы не вставать на эту позицию, надо строго различать, когда общественная (общая) собственность и частная (индивидуальная) собственность выступают: (А) как две противоположные, несовместимые друг с другом сущности, и (Б) как различные, противоречивые стороны одной и той же сущности.

---

[24] В латыни корневое «privo» образует не только «privatus», т. е. частное, но и «privatio», «privationis»: (1) лишение, отнятие; (2) освобождение, избавление; (3) отрицание, отсутствие (см.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 618).

В первом случае речь идёт о собственности на землю и средства производства, основанной на собственном (коллективном, индивидуальном) труде людей, и о противоположности ей по сущности собственности, базирующейся на чужом труде, т. е. на отчуждении труда и его результатов. Один тип собственности имеет законом своего функционирования тождество труда и собственности: с неё начинает свою историю человеческое общество, она долгое время остаётся господствующей, принимая форму непосредственно общей, общинной восточного (славянского), античного (греческого) вида, частной собственности германского крестьянина или ремесленника, не эксплуатирующих чужого труда.

В нашей стране в советское время она существовала в виде колхозно-кооперативной собственности. Другой вид собственности основывается на чужом труде, законом её функционирования и развития является отделение собственности на условия и результаты труда от самого труда, превращение последнего в наёмный труд. Применительно к рабочему это означает, что купленная его рабочая сила и продукт его труда отчуждаются, становятся чужой собственностью. Очевидно, указанные противоположные по сущности типы собственности не могут образовать некую общую, дуалистическую сущность, они отрицают друг друга: первоначальная общественная собственность, базирующаяся на собственном труде работника, сменяется собственностью, основанной на чужом труде, т. е. капиталистической собственностью, а последняя — социалистической.

Во втором случае имеются в виду различные, противоречивые стороны одного и того же вида собственности, которые не составляют самостоятельных сущностей, а характеризуют с противоположных сторон ту же самую сущность. Каждый из названных типов собственности внутри себя содержит индивидуальные, коллективные, государственные и иные формы, которые предполагают друг друга, находятся при всех своих различиях в определённом единстве. Капиталистическая частная собственность, например, может существовать в формах индивидуальной, коллективной (акционерной), государственной собственности. Все эти формы имеют общее начало — отчуждение работника от условий, средств и результатов труда.

Разграничение общественной и частной собственности как двух противоположных сущностей и как сторон одной и той же сущности позволяет установить различные способы их взаимодействия и разрешения противоречий между ними. Когда речь идёт о противоречии между собственностью, основанной на своём труде, и собственностью, отделённой от труда, то в ходе истории она разрешается устранением одной из этих сущностей, и следовательно, установлением другой в качестве необходимой и действительной сущности. Капитализм разрушает общинную собственность, основанную на собственном труде работника, а социализм предполагает устранение нетрудовой капиталистической собственности.

Удалось ли социализму выполнить эту задачу и развить общественную собственность на её собственной основе до необходимого и достаточного уровня? Если нет, то почему и как это сделать?

В России после Октябрьской революции оставшейся капиталистической собственности первоначально была противопоставлена общественная собственность в форме непосредственной собственности каждого работника (коммуна). Общий продукт, произведённый коммуной, был непосредственной собственностью каждого её члена. Была сделана попытка прямой государственной организации производства и распределения продукта путём продуктообмена, без частной торговли.

В дальнейшем эта форма реализации общественной собственности как непосредственно общей собственности подвергается отрицанию со стороны другой, противоположной ей формы — опосредованной частной собственности. Её опосредованность развивалась в двояком отношении. С одной стороны, государственная собственность на крупные средства производства и землю всё более приобретала статус особого отношения и тем самым отдельный человек или производственный коллектив в своих отношениях к крупным средствам производства и земле опосредствуются государством как высшим собственником, т. е. отдельный человек или коллектив сами по себе не являются их собственниками, они — лишь их владельцы, а собственниками выступают только как члены (органы) общества и государства. С другой стороны, и это, пожалуй, самое главное — общественная собственность

в ряде важных аспектов стала реализовываться посредством товарно-денежных механизмов, которые используются государством и опосредствуют отношение отдельного человека к общенародной собственности. Государство по отношению к своим подданным становится торговцем, главным образом через товарно-денежные механизмы оно обеспечивает граждан предметами личного потребления, регулирует отношения классов и социальных групп в области обмена и распределения. Первоначальное допущение мелкотоварного производства как способа реализации условий существования крестьян и средства развития сельского хозяйства неизбежно требовало «одеть» в соответствующую товарную форму и продукцию рабочего класса, и, следовательно, внедрить хозяйственный (коммерческий) расчёт на государственных промышленных предприятиях. В дальнейшем, после ликвидации частнокапиталистических предприятий и проведения коллективизации, товарные механизмы сохраняются, но выполняют другую функцию — реализуют отношения между государством как высшим собственником и членами общества как со-хозяинами этой собственности.

Дальнейшая реализация общественной собственности зависела от того, в какой мере исчерпала свои возможности товарная форма её реализации и какова была степень её подготовленности к переходу к новой форме. То, что ею должна была быть высшая форма — непосредственно общественная собственность, вытекало из развития труда как непосредственно-общественного, продукта тоже как непосредственно-общественного продукта, а производственных отношений — как непосредственно общественных отношений. Были осуществлены соответствующие преобразования и в области присвоения предметов личного потребления: значительная их часть, предназначенная для совместного удовлетворения потребностей, стала объектом непосредственной собственности. Имеются в виду приобретаемые из фондов общественного потребления бесплатные блага: среднее образование для всего населения и высшее — для его значительной части; услуги участковых врачей и специалистов; государственный автотранспорт для инвалидов, пенсионеров, детей, и т. д. Производственными предприятиями из коллективных фондов предоставлялись бесплатные путёвки в санатории и дома отдыха, дети

работающих обеспечивались бесплатными яслями и детскими садами, некоторые предприятия брали на себя бесплатное коммунальное обслуживание своих работников.

Однако продвигаться дальше по этому пути помешали товарно-денежные механизмы, из-за которых основную часть предметов потребления (необходимый продукт) трудящиеся присваивали посредством их обмена на стоимость своей рабочей силы, хотя этот обмен принимал форму присвоения по труду. В этом случае рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, т. е. он получает лишь ту часть созданного им продукта, которая необходима для воспроизводства своей рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в меновый эквивалент. Понятно, что из такого «эквивалентного» обмена ему не получить ни приращения своего умственного и физического потенциала, ни прибавки к его благосостоянию.

Распределение путём эквивалентного обмена труда на продукт лишь на поверхности представляется присвоением посредством труда, т. е. даёт рабочему только формальное право собственности на свой продукт. В действительности же обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществлённый в продукте) уже сам по себе предполагает разрыв между трудом и собственностью, отсутствие собственности у непосредственных работников, а потому и объективную возможность присвоения части их труда без эквивалента. «Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен овеществлённого труда как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям, — а потому и к создаваемой самим трудом объективности — как к чужой собственности: отчуждение труда»[25].

За пределами простого товарного производства отношение меновой стоимости, одной из сторон которого является рабочая сила, есть, по существу, отношение присвоения труда. Оно заложено в самой социальной природе труда как созидателя стоимости, поскольку в последней заключён прибавочный труд.

---

[25] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 507.

Отношение стоимости (меновой) неизбежно закрепляется в определённых формах собственности. Ими являются: с одной стороны, собственность рабочего на свою рабочую силу, а с другой, обратной, — собственность нанимателя рабочей силы на средства производства, будь эта собственность государственной, коллективной (групповой) или частной. Нанимателю нет нужды в собственности на свою рабочую силу, но необходимо отчуждение рабочего от собственности на средства производства, ибо тот, кто нанимает рабочего, достоянием которого является только рабочая сила, неизбежно получает право на часть продукта рабочего.

Оценивая создавшуюся ситуацию в данной области, следует сказать: основная задача по изменению системы распределения жизненных благ за годы после Октябрьской революции не была должным образом решена; способ распределения этих благ не был приведён в соответствие с обобществлением собственности на материальные средства производства. Если за это время собственность формально, т. е. в виде государственной собственности, была обобществлена применительно к средствам производства, то по отношению к предметам, предназначенным для индивидуального потребления, этого не произошло. Их основная масса присваивалась непосредственными производителями на базе величины их необходимого труда, стоимости рабочей силы, т. е. на деле реальное обобществление не состоялось.

Принцип присвоения по количеству необходимого труда, возникший из недр мелкобуржуазного социализма и сформулированный его теоретиками, в условиях сохранившегося товарного обмена оказался средством сохранения и утверждения наёмного характера труда. В результате частно-хозяйственный способ распределения жизненных благ оказался в явном противоречии с общественным способом их производства. Не разрешённое обществом противоречие с каждым новым расширением товарно-денежных отношений в сфере распределения жизненных благ обострялось. В этом противоречии и состоит сущность и главная причина современного кризиса. Наёмный характер труда, превращение непосредственного производителя в наёмного работника, подёнщика привели к деформации общественной собственности и всего социализма, к потере интереса рабочих и крестьян к труду и его результатам, к падению производительности труда,

относительному обнищанию рабочего класса. Всё это — следствие расширения товарного производства.

Раньше считалось, что при наличии общественной собственности на средства производства и сохранении государственной власти в руках рабочих и крестьян товарное производство и обращение не могут привести к возрождению наёмного характера труда и функционированию рабочей силы в качестве товара, к образованию рынка капиталов, безработице и другим неизбежным спутникам товарно-рыночных отношений.

Действительность опровергла прежние представления. Подобно тому как перевод предприятий на хозяйственный расчёт и показатель прибыли в первые годы нэпа привёл к взвинчиванию цен и экономическому кризису, так и расширение товарно-денежных отношений, переход к производству прибыли в 1960-е гг. привели экономику к кризису. Произведённые поправки в заложенном реформой стоимостном механизме на время задержали этот процесс (застойный период), но не смогли остановить. Последующая «радикальная» реформа, ориентированная на стоимостные показатели («вал» и прибыль), приблизила кризис, а переход к свободному рынку привёл к экономическому краху. Этот переход не мог быть ничем иным как переходом к рынку капитала и рабочей силы, ибо другие формы рынка, в частности рынок потребительских товаров, у нас существовали и раньше.

Выйти из кризиса и разрешить указанное противоречие можно лишь на основе преодоления наёмного труда, передачи собственности на создаваемые рабочими и крестьянами доходы в их собственные руки и утверждения принципа присвоения по потребительной стоимости. Вместо стоимости рабочей силы должна вступить в действие её потребительная стоимость, а основанием распределения жизненных благ становится потребительная сила труда.

Потребительную стоимость своей рабочей силы работник реализует в живом труде. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, состоит в том, что она предполагает доставление большего количества труда, чем затрачивается на производство жизненных средств рабочего. Их потребление хотя и не входит непосредственно в процесс труда, тем не менее через реализацию рабочей силы в труде, а труда — в созидании продукта, приводит к созданию дополнительной потребительной

силы общества и человека. Работник, следовательно, может с полным основанием претендовать не только на тот объём жизненных средств, который равен (эквивалентен) стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. Тем самым отпадает главный ограничитель благосостояния и развития трудящихся — способ распределения по затратам необходимого труда, осуществляемый пропорционально стоимости приобретаемых ими жизненных средств, т. е. стоимости их рабочей силы.

Главное, коренное преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости продукта или полезности, состоит в том, что работники получают право присваивать не только необходимый, но и прибавочный продукт своего труда. Тогда масштаб их потребления уже не ограничивается затратами, стоимостью их рабочей силы, а необходимо предполагает приращение благосостояния тружеников, возможность «прибавочного» их развития. Тем обстоятельством, что они постоянно получают часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, работники обязаны уже не только своему труду, но и общественной собственности на средства производства, благодаря которой они превращаются в работающих собственников. Следовательно, воспроизводство работника определяется не одним только трудом. Его отношение к объективным условиям труда как своей собственности выступает не результатом его труда, а предпосылкой[26]. Нормой же, по которой продукт распределяется между работающими собственниками, будет отношение потребительной стоимости совокупного общественного продукта к затратам труда.

Принцип распределения, основанный на потребительной стоимости, чаще всего трактуется как распределение по производительности (эффективности) труда: фонд заработной платы на предприятии и оплату труда работника предполагается формировать в соответствии с коэффициентом эффективности труда как отношением полезного результата труда к затратам на его производство. Этим, однако, ограничиваться нельзя. Дело в том,

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 507.

что производительную силу труда надо сначала выразить в его потребительной силе. Если полезный результат берётся в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости и сопоставляется с затратами, то это будет классическим определением производительности труда.

К тому же условия производства продукции и условия её реализации существенно отличаются друг от друга. Если первые замыкаются на производительности труда, то реализация продукта зависит ещё от ряда обстоятельств: прежде всего — от достигнутой пропорциональности отраслей народного хозяйства, от их соответствия структуре общественных потребностей, затем от потребительной силы общественного труда и от того, сколько потребителей будет приходиться на данное количество производителей. Сама потребительная сила общества, в свою очередь, определяется потенциалом существующего способа производства.

Для решения проблемы надо, во-первых, выразить потребительную стоимость (полезность) продукта количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемый объём экономии, замещения; во-вторых, необходимо перевести исчисляемую таким образом производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т. е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она, с нашей точки зрения, будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое, с одной стороны, становится мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, а с другой, — мерой развития рабочего.

Распределение, следовательно, базируется здесь на законе экономии времени, который, согласно К. Марксу, становится первым экономическим законом на основе коллективного производства. Измерение посредством сэкономленного рабочего времени, отмечает К. Маркс, существенно отличается от измерения меновых стоимостей продуктов затраченным рабочим временем[27]. Очевидно, что распределять жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счёт более высокой потребительной

[27] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда.

Итак, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, необходимо сказать следующее: альтернатива в моделях собственности человека существует лишь между собственностью, основанной на своём труде, и собственностью, основанной на чужом труде. Мы не отрицаем того, чтобы каждый стал собственником, мы лишь против того, чтобы быть собственником за счёт чужого, наёмного труда, за счёт эксплуатации другого человека. Общество призвано на деле воссоединить личность и собственность, восстановить индивидуальную, личную и в этом смысле «частную» собственность каждого на самой широкой основе — на базе обобществлённого, коллективного труда всего общества. Как бог дан в трёх ипостасях, так и человек должен быть собственником в трёх лицах, в трояком отношении.

Во-первых, каждый должен быть собственником как индивид, носитель непосредственной индивидуальной собственности на продукт своего труда. Индивидуальная собственность такого рода может основываться не только на частной собственности на средства производства, но и на общей, коллективной собственности. В этом случае восстанавливается индивидуальная собственность, но не как частная собственность, а как собственность индивида на базе кооперации и общего владения землёй и произведёнными общим трудом средствами производства.

Эта база, с одной стороны, позволяет часть предметов, произведённых общим трудом общества, превратить в личную собственность каждого и в этом смысле их индивидуализировать, сделать достоянием каждого работника, его индивидуальной (частной) собственностью. Кроме того, с другой стороны, посредством этой формы собственности присваивается труд в виде той части продукта, которая необходима не для коллективного, совместного потребления, а для индивидуального потребления.

Можно ли данную задачу в наше время выполнить посредством индивидуальной (частной) собственности, основанной на собственном индивидуальном труде? Практика показывает, что этого сделать нельзя. Фермерам приходится трудиться 14–16 часов в сутки, и ни о каком развитии их индивидуальности речи идти не может. Если кто и развивает свою личность и своё

благосостояние, так это та часть общества, которая существует за счёт чужого прибавочного продукта — продукта непосредственных производителей, в том числе и фермеров.

Частная собственность на средства производства и землю, даже если она базируется на собственном индивидуальном труде и оправдывается обществом, в современных условиях исключает возможность использования громадных сил всеразвивающегося обобществления труда и производства, которые не могут принадлежать отдельному работнику — носителю обособленного труда и обособленной собственности. В этом случае он лишается могучих потенций современной кооперации труда, без которых невозможно достигнуть нормального развития личности работника.

К этому нужно добавить ещё один довод: те, кто связывают свободу личности и её развитие с частной собственностью, почему-то не задумываются над тем, что все члены общества не могут быть частными собственниками средств производства. Большинству в этих условиях всё равно придётся оставаться частными собственниками одной только своей рабочей силы, а вовсе не средств производства и земли, собственником которых окажется небольшая часть населения. Собственник же только своей рабочей силы, оставаясь в этом смысле индивидуально-частным собственником, не может получить из результатов своего труда больше, чем затрачивает труда на воспроизводство своей рабочей силы. Эквивалентный обмен его рабочей силы на продукты и услуги, необходимо вытекающий из частно-индивидуальной собственности на рабочую силу, ограничивает развитие работника. Причём стоимость его рабочей силы может упасть настолько, что он окажется за чертой бедности. Ни о каком развитии ему думать не приходится, ему лишь бы выжить.

Во-вторых, кроме собственности на продукт своего индивидуального труда каждый должен иметь в собственности средства и продукт совместного труда, поскольку он является членом определённого трудового коллектива. По отношению к средствам производства член коллектива выступает их совладельцем и одновременно их производительным потребителем. Функция владения ими и использования их в труде дают ему основание претендовать на часть прибавочного коллективного продукта и реализовать его как индивидуальную собственность в личном потреблении

посредством отчуждения этого продукта или же получать услуги коллективного пользования, например, услуги заводской поликлиники, дома отдыха, и т. д. В итоге члены коллектива присваивают часть коллективного дохода в качестве собственников (совладельцев и потребителей средств производства), поскольку основные и оборотные средства могут быть продуктом труда других поколений и рабочих других предприятий.

В отличие от предпринимателя, получающего прибавочный продукт на основе частной собственности на средства производства, труженик приобретает его как работающий собственник, осуществляющий производительный труд. Если предприниматель обращается к услугам собственности для получения предпринимательского дохода, то рабочий тем более не должен отказываться от этого права. Причём он имеет все основания претендовать не только на ту часть прибавочного продукта, которая идёт на личное потребление и отчуждается им, но и на ту часть, которая предназначена для производственного накопления и используется для обновления оборудования. Соответствующий процент от накопления (с его участием) средств производства должен отчисляться и в том случае, если рабочий выходит на пенсию.

В-третьих, каждый труженик выступает собственником принадлежащих всему обществу, всему народу средств производства, земли и других форм богатства. Основанием для реализации общенародной собственности как собственности каждого, т. е. для её персонификации, служит опять-таки то, что эти средства производства являются условиями, используемыми членами общества в их производстве, т. е. они относятся к ним как к им принадлежащим и используемым ими в их трудовой деятельности. Вместе с тем индивидуализация общей собственности в виде общих средств производства не предполагает их отчуждения отдельными работниками. В то же время отношение отдельного члена общества к общим условиям своей деятельности не может не входить в структуру общей собственности. Всякое отдельное так или иначе включается в общее, предполагает это общее как свою основу, поэтому общая собственность может и должна реализоваться как собственность каждого, как общественно-индивидуальная собственность. Это может осуществляться путём систематического снижения розничных цен.

Конечным звеном этой реализации выступает потребление части общественного продукта каждым членом общества. Это вынуждены были формально признать и при проведении чековой приватизации: каждому гражданину выплачена определённая сумма денег по специальному приватизационному чеку, т. е. выдана как бы его доля из принадлежащего всему обществу дохода. Важно, чтобы он получал такую долю постоянно, ежедневно.

В итоге трудящийся человек, чтобы посредством распределения и потребления мог реализовать себя как собственника во всех трёх измерениях, должен: (*а*) как индивид — получать доход от применяемого им индивидуального труда, присваивая часть продукта своего труда; (*б*) как член коллектива — присваивать часть коллективного дохода на основе производительного использования средств производства и совместного владения ими; (*в*) как член общества — присваивать долю национального дохода на основе того, что он участвует в его создании и является владельцем общенародного достояния. Его доход, следовательно, складывается с учётом его собственности на все факторы производства и основывается на общественном труде как источнике доходов, а не ограничивается лишь заработной палатой наёмного рабочего, равной стоимости лишь необходимой части его продукта и эквивалентной стоимости сдаваемой им в наём рабочей силы.

3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Закон потребительной стоимости, как и все экономические законы, представляя прежде всего движение производства, одновременно является ***законом распределения***. То, что производство делает своей ***конечной целью***, распределение должно сделать ***результатом*** производства, т. е. оно выступает способом реализации цели производства.

Наиболее очевидно действие названного закона в сфере распределения условий производства и труда: их распределение между отраслями народного хозяйства в конечном счёте осуществляется в зависимости от потребностей в различных благах,

т. е. удовлетворение разнообразных потребностей людей требует приложения соответствующего количества различных видов труда и производства различных количеств продуктов. Это требование является условием функционирования любого производства в той мере, в какой конечным результатом производства являются потребление и воспроизводство самого человека. Всем известно, «что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определённые массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта ***необходимость распределения*** общественного труда в определённых пропорциях никоим образом не может быть уничтожена ***определённой формой*** общественного производства, — измениться может лишь форма её ***проявления***. Законы природы вообще не могут быть уничтожены»[28].

Наиболее основательно этот закон может выявить себя при социализме, в котором производство должно находиться под действительным, предопределяющим это производство общественным контролем. Обществом создаётся связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство какого-либо определённого предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета, т. е. на основе планового распределения устанавливается надлежащее соотношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями.

К сожалению, планирование этих пропорций в нашей стране не учитывало требования закона потребительной стоимости, оно базировалось на затратном, стоимостном принципе, что не могло не привести к серьёзным диспропорциям в распределении средств производства и труда, с одной стороны, и удовлетворения потребностей надлежащим количествам жизненных благ — с другой. Дальнейшее расширение затратного принципа в сфере распределения не могло не сопровождаться углублением разрыва между производством и потреблением, нарастанием кризисных явлений в этой области. Отсюда — настоятельная необходимость в преодолении затратных основ распределения средств производства и труда и перевода распределения на потребительностоимостную основу.

---

[28] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 460, 461.

Закон потребительной стоимости является ***регулятором распределения*** не только труда и условий производства, но и предметов индивидуального потребления. Однако его применение к сфере распределения жизненных благ вызывает наибольшие трудности. По какому критерию они распределяются — во многом остаётся тайной тайн социализма. По этому вопросу мы не находим чёткого ответа в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

На поверхности общественной жизни, если отвлечься от распределения через общественные фонды, незыблемым «социалистическим» принципом выступает ***распределение*** жизненных благ ***по труду***. Редко кто задумывался над тем, что это значит по существу, по какому труду осуществляется распределение. Если речь идёт об абстрактном труде и имеются в виду его общественно необходимые затраты на производство жизненных средств или результаты труда в виде стоимости этих средств, то их распределение происходило на практике по стоимости рабочей силы, по ***затратному принципу***. Соответственно, рабочая сила воспроизводилась в ***сфере распределения***, как и всякий товар, — по ***закону стоимости***. Рабочий, получая ***эквивалент*** общественно необходимых затрат своего труда, не мог рассчитывать на приращение своего благосостояния и развития: полученным продуктом он лишь возмещал бы затраты своего труда. Эквивалентный и тем более неэквивалентный обмен стоимости рабочей силы и жизненных средств этого не допускает. Эта практика вошла в противоречие с тем, что в социалистических условиях рабочая сила теряет свойства товара, а труд перестаёт оплачиваться по стоимости рабочей силы. Тогда оставался открытым вопрос, по какому закону осуществляется распределение жизненных благ, как трактовать принцип распределения по труду.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не считали возможным распределение при социализме по стоимости рабочей силы, по затратам абстрактного труда. Вместе с тем они не исключали труд из критериев распределения. Проводя параллель с простым товарным производством, К. Маркс считал, что рабочее время должно служить ***мерой*** не только индивидуального участия в совокупном труде, но и в индивидуально потребляемой части совокупного продукта[29].

[29] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 89.

Он допускал обмен трудовыми эквивалентами: то же самое количество труда, которое рабочий дал обществу в одной форме, он получает (после соответствующих вычетов) обратно в другой форме[30].

Эта аналогия может быть рационально понята в случае, если здесь иметь в виду под трудом конкретный труд, т. е. рассматривать труд со стороны его роли созидателя не стоимости, а потребительной стоимости. К. Маркс, как потом разъяснил Ф. Энгельс, не мог принять тезис Е. Дюринга, что в будущем социалистическом обществе, сохраняющем якобы товарное производство, «не только продукт труда, но и самый труд должен непосредственно обмениваться на продукт: час труда — на продукт другого часа труда»[31]. В более или менее развитом товарном производстве этого не может быть, ибо в таком случае продукт труда был бы товаром (стоимостью), а стоимость рабочей силы определяется вовсе не ею произведённым продуктом, а воплощённым в ней трудом. При подобном положении вещей, когда происходит только обмен труда на труд (в форме живого труда или его продукта), предполагается отделение работника от собственности и превращение продукта в стоимость. Обмен труда на труд, хотя и кажется условием наличия собственности у работника, на деле же имеет своей предпосылкой отсутствие собственности у работника на объективные условия труда.

Если же рабочая сила (труд) обменивается на свой (полный) продукт (одного часа труда на продукт другого часа труда), то обмен труда происходит уже не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. Предпосылкой такого обмена будет не просто труд, а собственность работника на материальные условия своего труда. Там, где у К. Маркса или Ф. Энгельса встречаются формулировки, похожие на принцип распределения по труду применительно к социализму, имеется в виду потребительностоимостная, а не стоимостная природа труда. К сожалению, они не всегда чётко проводили это разграничение в вопросах распределения и в молодости (Ф. Энгельс) допускали возможность потребительностоимостного выражения стоимостного обмена. Этим самым они давали повод отождествлять

[30] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 18.

[31] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 323

обмен ***стоимостных эквивалентов*** — стоимости рабочей силы на стоимости жизненных средств — с обменом ***трудовых эквивалентов***: час труда на продукт другого часа труда.

В потребительностоимостной трактовке распределения учёт труда нужно рассматривать не с позиций того, сколько среднего труда затрачено по условиям производства на жизненные средства, а по затратам труда, связанным с условиями их потребления, т. е. с той точки зрения, что удовлетворение определённых потребностей требует затраты определённого количества труда. Именно этот труд — труд по условиям потребления — должен учитываться в качестве меры участия как всего общества, так и отдельного человека в индивидуально потребляемой части продукта: чтобы получить определённую долю продукта для потребления, нужно затратить определённое количество труда.

Труд учитывается не только с точки зрения затрат на производство продукта, но и с точки зрения потребления, если общество не в силах обеспечить своих членов благами по потребностям. В той мере, в какой обмен потребительными стоимостями определяет смысл ***простого товарного производства***, правомерно проводить аналогию между распределением по труду на основе потребительной стоимости и распределением в условиях простого товарного производства.

Другой, не менее важный аспект состоит в следующем: обществу и людям недостаточно знать, что количеством затрат общественно необходимого труда определяется стоимость жизненных средств и, следовательно, уровень платёжеспособного потребления; надо ещё знать, чем определяется величина того живого труда, который они должны затратить, чтобы получить то или иное количество жизненных благ. Люди должны знать, сколько надо трудиться, чтобы получить определённое благосостояние и развитие, а не наоборот — сначала трудиться, а потом ждать, насколько повысится их благосостояние. Эта задача не может быть решена на основе закона стоимости, она решается на базе противоположного принципа — закона потребительной стоимости. Если воспроизводство рабочей силы по её стоимости (иначе говоря, зарплата) определяется общественно необходимыми затратами труда на производство потребляемых рабочим жизненных благ, то сами эти затраты (затраты труда на их производство)

определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ. Последние потребляются не как меновые, а как потребительные стоимости. Как стоимости они лишь обмениваются, продаются и покупаются. Именно потребительная стоимость жизненных средств «определяет издержки производства рабочей силы»[32], и соответственно «доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, т. е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу»[33], потребительной стоимостью продукта.

Затраты конкретного труда по условиям потребления не могут быть определены в рамках закона стоимости. Согласно этому закону стоимость жизненных средств определялась бы тем, сколько на них затрачивается необходимого труда, а сами эти затраты труда — стоимостью жизненных средств, т. е. мы не смогли бы выйти из замкнутого логического круга: стоимость жизненных средств определяется необходимым трудом на их производство, а необходимый труд — стоимостью обмениваемых на него жизненных средств. Мы, таким образом, повторили бы то определение стоимости А. Смитом, в котором он делал «мерой стоимости товаров ***меновую стоимость*** труда, фактически — ***заработную плату***; ибо заработная плата равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определённого количества живого труда, или равна тому количеству труда, на которое может быть куплено определённое количество товаров… Здесь масштабом стоимости и основанием для её объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг»[34].

Выйти из этого круга можно лишь обратившись к потребительной стоимости жизненных средств и самой рабочей силы. Подобно тому как закон стоимости не объясняет возникновения прибавочной стоимости, так он не объясняет, сколько обществу надо затрачивать конкретного труда, чтобы так или иначе удовлетворять потребности людей. Потребительная стоимость жизненных средств не имеет никакого прямого отношения к общественно необходимым затратам труда по условиям производства продукта.

---

[32] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 293.

[33] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 46.

[34] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 43, 44.

Рабочее время может определять стоимость жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочего, но не наоборот: стоимость этих средств не может определять рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочего. Это время определяется уже другим фактором — ***потребительной стоимостью жизненных средств*** и стоящими за ними потребностями. Реализуется же потребительная стоимость жизненных благ в потребительной стоимости самой рабочей силы, а последняя — в живом труде, в его созидательных качествах, в способности производить больше, чем надо для содержания рабочего. Отсюда следует, что стоимостному принципу распределения жизненных благ с самого начала противостоит другой способ распределения — потребительностоимостной. В рамках закона потребительной стоимости исходным в распределении выступает уже не стоимость рабочей силы, а её потребительная стоимость. Соответственно этот способ распределения исходит из необходимости непосредственного удовлетворения жизненных потребностей и воспроизводства человека как носителя труда и субъекта общественных отношений. В этой плоскости лежат критерий и мера потребительностоимостного распределения.

Для обеспечения существования человека, восстановления и воспроизводства его жизненных сил этот критерий можно установить, исходя из обычаев и привычных потребностей. В первобытных обществах, не достигших высокого развития производительных сил, основой распределения как труда, так и жизненных благ, служили потребительная стоимость продуктов и потребности человека. И в наше время мерой для обычного содержания человека являются расчёты прожиточного минимума, рационального потребительского бюджета, исходящие из потребительской «корзины», из суммы продуктов и промтоваров. Именно ими определяются минимальная заработная плата и денежное (стоимостное) выражение жизненных средств, а не наоборот.

Таким же способом можно установить максимальные для данного периода потребительские бюджеты и соответствующие им уровни возможных доходов. Они определялись бы не источником доходов (зарплата для наёмных работников, предпринимательский доход и процент — для нанимателей рабочей силы и т. д.), не игрой цен, а потребностями развития личности и нужным для этого уровнем благосостояния. Да и само развитие производства

больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности.

Способ распределения на основе потребительной стоимости жизненных средств позволяет установить количество труда, необходимого для удовлетворения соответствующих потребностей. Однако в этом случае труд будет необходим не по условиям производства стоимости, не тем трудом (рабочим временем), который реализуется во вновь созданной в течение данного года стоимости, а трудом, необходимым по условиям потребления, который реализуется в годовом продукте как в потребительной стоимости. Его (труд) можно рассчитать по следующей формуле:

$$Ф_р = У_п \cdot Н_ч \cdot З_н,$$

где $Ф_р$ — годовой фонд рабочего времени; $У_п$ — уровень потребления продукта; $Н_ч$ — численность населения; $З_н$ — нормативные затраты труда.

Расчёты показывают, что, например, в 1988 г. по условиям потребления на производство зерна было затрачено 450,7 млн. ч., картофеля — 744,0 млн. ч., мяса — 5 510,0 млн. ч., молока — 7 144,6 млн. ч., овощей — 1 563,7 млн. ч. Весь объём затрат живого труда на перечисленные продукты составил 15 413,0 млн. ч., при 245 рабочих днях в году, 8-часовом рабочем дне.

Рабочее время, затраченное на производство некоторых продуктов в 1988 г. по условиям потребления

Наименование продукта	Трудовые затраты на 1 ц., чел.-ч.	Душевое потребление в год, кг	Фонд потребления, млн. т	Фонд рабочего времени, млн. чел.-ч.
Зерно	1,2	131,0	37,6	450,7
Картофель	2,6	99,0	28,4	744,0
Овощи	5,4	101,0	28,96	1 563,7
Мясо	29,0	66,0	18,9	5 510,0
Молоко	7,0	356,0	102,1	7 144,6

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1988 году. М., 1989. С. 18, 118, 426, 531, 542; Сошнева Е. Б. Свободное время в системе социалистического воспроизводства. Дисс. канд. экон. наук. Л., 1990. С.68.

Для обеспечения существовавшего уровня потребления названных продуктов при сложившемся уровне производительности труда и соответствующих трудозатратах нужно было иметь 7,8 млн. годовых работников (15 413/(245 · 8) = 7,8).

Зная научно установленные нормы питания, техническую вооружённость труда (его производительность), урожайность полей, продуктивность скота и т. п., можно рассчитать нужное количество конкретного труда для всей потребительской «корзины», а также труда для производства соответствующих средств производства по их потребительной стоимости. Если же исходить из стоимостных расчётов, то легко нарушить всякую пропорциональность между потреблением и затратами труда по условиям потребления. Как бы не повышались цены на продукты, их производство, доставка и реализация оказываются не под силу обществу: оно не способно выделить для этого нужное количество труда. Стоимость и абстрактный труд оказываются бессильными. Общество вынуждено обращаться к непосредственному обмену потребительных стоимостей.

Соответствие труда по ***условиям потребления*** труду по ***условиям производства*** выражает лишь самое простое и очевидное требование закона потребительной стоимости, выступающее условием функционирования стоимости в простом товарном производстве. Необходимый по условиям потребления труд содержит в себе потенциал не только для обеспечения обычного существования человека на основе обмена трудовыми эквивалентами, но и для его свободного развития, расширенного воспроизводства его способностей и благосостояния. Это последнее обстоятельство связано с тем, что потребительная стоимость жизненных средств, эффект их потребления всегда являются большими, чем затраты на их производство.

Затраты на воспроизводство рабочей силы и, соответственно, на производство её жизненных средств бывают всегда меньшими, чем высвобождаемый этой рабочей силой труд. Если, например, 7,8 млн работников обеспечивают потребности остальной части населения в зерне, картофеле, овощах, мясе и молоке, то тем самым они освобождают от участия в их производстве громадное число людей.

Именно поэтому мерой потребительной силы труда, вырастающей из потребительной стоимости жизненных средств, является отношение ***сэкономленного*** рабочего времени к рабочему времени, ***используемому*** в их производстве (по условиям потребления). Высвобождаемое, ***сэкономленное*** в производстве рабочее время не может быть равным ***затраченному*** рабочему времени, первое всегда больше второго. В этом состоит социально-экономический смысл полезности как всех создаваемых человеком средств, так и естественных сил природы, используемых обществом.

Получать жизненные блага по потребительной силе своего труда — не значит распределять их по затратам труда, даже если они берутся как затраты конкретного труда. Это вернуло бы распределение к стоимостному принципу, к тому, что экономия рабочего времени в производстве жизненных средств неизбежно снизила бы стоимость рабочей силы, уменьшила бы стоимостной объём потребления работников.

Это явление вполне объяснимо, ибо в стоимостной плоскости требования закона потребительной стоимости могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы по мере уменьшения затрат труда удешевлялись жизненные средства и за счёт этого рабочие смогли бы увеличить своё потребление. Однако в настоящее время надеяться на снижение цен пропорционально росту производительности труда и экономии рабочего времени не приходится. Жажда прибыли подавляет всякую возможность снижения цен.

Распределение не по эффективности затрачиваемого труда, не по его производительной, а по потребительной силе, существенно изменяет способ распределения жизненных благ. Рабочий получает возможность через экономию рабочего времени превращать возросшую производительную силу в свою новую дополнительную потребительную силу — не только содержать себя, но и приобретать условия для своего развития. Он получает экономически обоснованное право на часть им же сэкономленного рабочего времени в виде сокращения рабочего дня и увеличения продолжительности своего свободного времени.

Что же касается распределения по эффективности, производительности труда, то в лучшем случае рабочий может надеяться на приращение своего материального благосостояния за счёт

роста массы производимых предметов потребления в тех же рамках рабочего времени. Несмотря на привлекательность принципа распределения по эффективности труда, по его производительности, без перевода производительной силы труда в форму его потребительной силы этот принцип не срабатывает, поскольку он непосредственно не содержит в себе ***критерия распределения*** и ***потребления***. Если производительность труда определяется сопоставлением его полезного результата в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости с трудоёмкостью, то это говорит лишь о том, что при более высокой производительности труда выпускается больше продуктов за ту же единицу времени. Из этого, однако, автоматически не следует повышения благосостояния работника.

Условия производства продукта и условия его реализации не совпадают. Если первые зависят лишь от производительной силы труда, то вторые опосредуются достигнутой пропорциональностью в развитии различных отраслей народного хозяйства и потребительной силой общества. Последняя же определяется не абсолютной производительной и не абсолютной потребительной силой людей, а потребительной силой, ограничиваемой данными отношениями распределения, т. е. в зависимости от способа распределения.

При потребительностоимостном способе распределения необходимо сначала выразить полезность продукта труда количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемую величину экономии. Затем следует таким образом измеренную производительную силу труда перевести на язык его потребительной силы, определив потребительную стоимость рабочей силы. Так, для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое осуществлено в ней самой.

Мы полагаем, что ***распределять*** жизненные средства на основе сэкономленного труда можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда. На индивидуальном уровне ***нормой распределения*** для рабочего было бы отношение сэкономленного им труда к затраченному, а по аналогии с товарным производством и на более привычном языке — его прибавочного

труда к необходимому, взятыми в их общеэкономическом смысле. Прибавочный труд рабочего в этом случае представлял бы собой сэкономленный труд тех, кто не участвует в материальном производстве, т. е. без этого труда рабочих они вынуждены были бы участвовать в производстве своих жизненных средств. Что значит распределять жизненные блага по этой норме?

Во-первых, она предполагает, что распределение с самого начала происходит с учётом не просто и не только затрат необходимого труда, как это вытекает из принципа «Каждый по способностям, каждому по труду», а по всему, в том числе прибавочному (в указанном смысле), труду. Продукт труда достаётся самим трудящимся, а произведённый ими излишек над их собственным содержанием (над жизненными средствами для их собственного сохранения, воспроизводства) служил бы для развития самих рабочих, для того чтобы они могли равноправно пользоваться всеми приобретениями науки и культуры.

Во-вторых, благосостояние рабочего определялось бы не просто стоимостью его рабочей силы, общественно необходимыми, усреднёнными, уравнёнными для данного периода затратами на её воспроизводство, но и уровнем прибавочного продукта, который, в свою очередь, определяется отношением этого продукта к той части продукта, в которой выражается только необходимый труд. Соответственно, степень богатства рабочего измерялась бы относительной величиной потребляемого им прибавочного продукта. В стоимостном же измерении, как это происходит ныне, ***норма прибавочного продукта*** скорее свидетельствует об изъятии у рабочего прибавочного продукта.

Проблема состоит в том, чтобы норму прибавочного продукта, рассматриваемую по аналогии со стоимостным механизмом распределения, превратить из ***нормы изъятия прибавочного продукта*** у рабочих в ***норму получения ими своих доходов***, т. е. сделать так, чтобы рабочие распределяли между собой производимый ими продукт так же, как это делали капиталисты — по норме прибавочного продукта или по её модификации — ***средней норме прибыли*** (рентабельности).

Подобную перестройку, например, осуществили в своём хозяйстве работники дагестанского Союза собственников «Шукты». Каждый работник, имея на своём счету заработанную им долю

из коллективного богатства, не только возмещает из своего дохода затраты на средства своего существования, но и получает определённый процент прибыли. Что же касается служащих, управленцев и других непроизводственных работников, то их существование и благосостояние ставятся в зависимость от доходов производственников, — они получают определённый процент от этих доходов. Например, благосостояние зоотехника находится в прямой зависимости от доходов доярок, от результатов их труда[35].

На уровне всего общества потребительностоимостной механизм распределения претерпевает существенную модификацию. Последняя обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что общественные производительные силы труда, возникающие из общественных комбинаций труда, из его соединения с наукой дополняются общественной потребительной силой труда. Эта сила реализуется в ***надындивидуальном потреблении***, за которым стоят совместно удовлетворяемые потребности людей в образовании, здравоохранении и защите окружающей среды, благах культуры т. д. Очевидно, что только по этой причине норма общественного прибавочного продукта будет иной, чем норма индивидуального прибавочного продукта рабочего. Первая будет выше второй, поскольку общественные производительные силы труда реализуются в дополнительной массе общественного продукта как потребительной стоимости. Соответственно, общественная потребительная сила труда будет не вычетом, а плюсом к его индивидуальной потребительной силе.

Кроме того, подлежащий распределению продукт в его потребительной форме будет совсем иным, чем продукт в своей стоимостной форме. И не только потому, что первый является результатом конкретного труда, а второй — абстрактного. Так, присоединённый в течение года абстрактный труд воплощается лишь во вновь созданной стоимости, не представляющей всего годового общественного продукта: она меньше стоимости годового продукта. Главное же состоит в том, что без выделения потребительной формы общественного продукта невозможно объяснить

[35] На пути к экономической демократии. Международный опыт. Кн. 1. Экономическая демократия. М., 1994. С. 96–108.

расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния, возвышение их потребностей. Ведь если исходить из распределения продукта как вновь созданной стоимости, то по мере повышения производительной силы труда эта стоимость должна уменьшиться. Вследствие этого и потребление, определяемое (в этих стоимостных рамках) необходимым временем труда, неизбежно должно сокращаться. Согласно ***закону возрастания органического строения производства*** (C/V) всё большая часть общественного рабочего времени будет затрачиваться на производство средств производства, а всё меньшая его часть — на производство жизненных благ. При сохранении стоимостных рамок невозможно будет поднять уровень потребления рабочих. Наоборот, их потребление, определяемое необходимым рабочим временем и стоимостью необходимого продукта, неизбежно должно сокращаться.

Принципиальное решение этой проблемы опять-таки возможно лишь на потребительностоимостной основе. Расширенное воспроизводство потребительной силы трудящихся может осуществляться не на базе затрат их необходимого рабочего времени, а посредством присвоения сэкономленного времени, всё более растущего свободного времени общества. Эта экономия зависит от повышения потребительной стоимости средств производства и рабочей силы, а вовсе не от соотношения времени, затрачиваемого на производство средств производства и на производство жизненных благ, т. е. не от отношения C/V. Наоборот, чем больше экономится живого труда, тем выше будет потребительная сила трудящихся.

Иные формы приобретает ***распределение*** сэкономленного рабочего времени. Вместо ***нормы прибавочного труда*** (отношение прибавочного к необходимому рабочему времени) главным способом её распределения выступает ***норма свободного времени общества*** (отношение незанятого в материальном производстве времени к занятому рабочему времени). Если на индивидуальном уровне (у рабочего) эта норма в настоящий период характеризуется отношением его 2–3-часового свободного времени к его 7-часовому рабочему времени и составляет 30–40%, то для занятых в непроизводственной сфере она будет

намного выше — 130–140%. В зависимости от этих норм распределяются условия развития между разными группами населения: у одних членов общества они оказываются минимальными, у других — максимальными.

Что же касается количественных соотношений между работниками производительного и непроизводительного труда, то они зависят от разных обстоятельств. Число живущих на доход по сравнению с численностью производительных рабочих может быть велико потому, что значительная часть годового продукта идёт на потребление, а не на воспроизводство материальных условий производства. Или же потому, что высока производительность труда производительных рабочих, позволяющая иметь достаточно большой объём прибавочного продукта и содержать значительное количество непроизводительных работников. Существенное значение имеют и развитость потребностей, и потребительная сила общества: если они низки по уровню своего развития, то меньшим количеством прибавочного продукта можно содержать большее количество непроизводительных работников.

Перевод распределения на потребительностоимостную основу существенным образом изменил бы весь современный механизм и порядок формирования доходов, базирующихся на разделении доходов на заработную плату, прибыль (процент) и ренту. Дело в том, что общественный продукт, рассматриваемый как результат конкретного труда, например, масса потребительных стоимостей, произведённых в течение года, далеко не совпадает со вновь созданной в данном году стоимостью, распадающейся на указанные виды доходов. Так, вновь произведённая стоимость, отнесённая к предметам индивидуального потребления и подлежащая распределению как таковая, меньше стоимости всей массы предметов потребления, поскольку в них содержится ещё и стоимость превращённых в продукт средств производства и сырья.

Главное же состоит в том, что без выделения ***потребительной формы*** общественного продукта, без его деления (не стоимостного) на предметы индивидуального и производственного потребления нельзя обосновать реальный процесс воспроизводства общества, в частности, расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния. Ведь распределение продукта в его

стоимостной форме предполагает, что рамки индивидуального потребления рабочего совпадают со стоимостью необходимого продукта и с затраченным на её производство необходимым рабочим временем, которые по мере роста производительности труда должны сокращаться. Вот почему и потребление, определяемое этими стоимостными формами, неизбежно должно уменьшаться. Потребительностоимостная формула позволяет избежать этого, а расширенное воспроизводство рабочей силы и, следовательно, индивидуальное потребление здесь ставятся на первое место при распределении общественного продукта. Тем самым преодолевается остаточный принцип, согласно которому продукту, предназначенному для индивидуального потребления, в распределительной схеме отводится последнее место.

К сожалению, в этом духе, т. е. в стоимостном смысле, в литературе чаще всего трактуется порядок распределения общественного продукта, содержащийся в «Критике Готской программы». Упускается из виду, что К. Маркс при перечислении вычетов из общественного продукта ставит на последнее место часть предметов потребления, распределяемых между индивидуальными производителями, исключительно для того, чтобы опровергнуть тезис Ф. Лассаля о «неурезанном трудовом доходе», чтобы доказать, что этот доход действительно урезается. Из этого не следует, что К. Марксом отрицается необходимость первоочередного развития подразделения производства, создающего предметы потребления и приоритет воспроизводства самого производителя по сравнению с воспроизводством средств труда. Наоборот, в схемах воспроизводства, отражающих движение потребительной формы продукта, на первое место ставится подразделение, производящее предметы индивидуального потребления.

Да и в самом тексте «Критики Готской программы» чётко разграничиваются два смысла «***трудового дохода***» — доход как ***продукт труда*** и как ***стоимость*** этого продукта (в последнем случае должны различаться вся стоимость продукта и её вновь созданная часть). К. Маркс, говоря о распределении в будущем обществе, имел в виду не стоимость, а потребительную стоимость распределяемого совокупного общественного продукта. В таком случае распределение предметов индивидуального потребления должно быть осуществлено до фазы производства. Иначе человек

не может вступать в производство: его индивидуальный труд должен непосредственно, с самого начала существовать как составная часть совокупного труда и вознаграждаться тоже непосредственно. Этого не происходит, если производители обменивают свои продукты в качестве стоимостей.

Лишь после того, как распределением выполнено первое условие производства — обеспечено надлежащее содержание производительного работника и его семьи (воспроизводство рабочей силы общества), может идти речь о распределении другой части предметов индивидуального потребления, необходимых для удовлетворения совместных потребностей и для развития личности. Когда выполнены условия воспроизводства самих людей, решается вопрос о восстановлении средств и материалов труда и расширенном их воспроизводстве, о дальнейшем обеспечении роста благосостояния и развития членов общества.

И ранее, и ныне у нас распределение предметов индивидуального потребления по труду осуществляется на базе старого принципа — на основе личной (частной) собственности рабочего на свою рабочую силу, сдаваемую в наём. Рабочая сила находится на положении товара, а труд — на положении наёмного труда. В результате собственность на рабочую силу как на товар и частно-товарный способ распределения предметов индивидуального потребления вошли в непримиримое противоречие с общественной собственностью на материальные средства производства: непосредственные производители всё более отчуждались от общественной собственности, становились безразличными к ней и враждебными к её реальным распределителям — государственному управленческому аппарату.

Социальная справедливость оказалась перед дилеммой — как осуществлять распределение: либо по труду, который равен стоимости жизненных средств, рабочей силы, либо по труду, определяемому потребительной стоимостью жизненных средств. В первом случае мы имеем дело со ***стоимостной формой*** реализации принципа распределения по труду, т. е. рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, он получает лишь ту часть созданного им же продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в этот эквивалент, а присваивается

другими. Это означает, что исключается сама возможность развития и роста благосостояния рабочего.

При господстве системы найма практически весь прибавочный продукт забирает наниматель — таков закон отношения найма, закон поведения нанимателя. Отношение стоимостей при обмене труда на продукт выступает по существу отношением эксплуатации. Собственность рабочего на свою рабочую силу неизбежно предполагает наёмный труд, отчуждение рабочего от прибавочной части продукта своего труда — его эксплуатацию. Если наниматель не присваивает прибавочный продукт рабочего, то рабочий ему просто не нужен. В свою очередь, рабочий, имей бы он такую же собственность, как и наниматель, не стал бы вступать с ним в отношения найма.

Нужен ***новый курс*** реального обеспечения социальной справедливости. ***Квинтэссенция его*** — распределение жизненных средств по законам потребительной стоимости. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, в отличие от её стоимости, состоит в том, что реализация первой предполагает доставление рабочим большего количества труда, чем затрачивается на производство его жизненных средств. Рабочий может с полным основанием претендовать не только на тот объём жизненных средств, который равен стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. То, что рабочий получает часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, он обязан уже не только своему труду, но и своей собственности на средства производства, тому, что он является работающим собственником. Здесь главное в том, что собственность на средства производства есть условие собственности на продукт своего труда.

Если общественная собственность ограничивается в своей реализации (аренда, кооперативы), то многие общие блага, предназначенные для совместного потребления (образование, медицинское обслуживание), перестают быть достоянием каждого члена общества, его непосредственной собственностью, переходят в разряд платных услуг, равное пользование которыми общество уже не обеспечивает. Рост объёма платных услуг рассчитан на имущественную дифференциацию граждан, на ещё большую социальную несправедливость для трудового народа.

Всякое преимущество в собственности, предоставленное отдельному коллективу, человеку, неизбежно наносит вред другим коллективам. Вот почему необходимо, чтобы коллективная собственность выступала как индивидуальная, т. е. как собственность каждого. Нет никакой нужды раздавать средства производства, передавать их в частную собственность, для этого достаточно предоставить право самим трудящимся распоряжаться тем продуктом, в который они превращают средства и предметы труда, право претендовать на долю дохода от собственности на средства производства, задействованные в создании продукта. Чтобы не оказаться в кризисе, необходимо было бы разрешить противоречия, вызвавшие кризис, а именно, — противоречие между обобществлением производства, общественной собственностью на его материальные средства, с одной стороны, и наёмным характером труда, приводящего их в действие, с другой. Социализма не будет, если рабочая сила останется и впредь товаром, а рабочий — собственником лишь своей рабочей силы. В условиях рынка рабочей силы, т. е. дальнейшего углубления наёмного характера труда, невозможно гарантировать освобождение и от другого следствия наёмного труда — безработицы. Без преодоления самого наёмного труда невозможно гарантировать и право на труд — это реальное завоевание народа. Наличие наёмного труда — не принцип социализма, а государственно-бюрократическая форма организации труда, присущая государственному капитализму, когда наймом занимается не отдельный предприниматель, а государство как орган управления, представляющий всех нанимателей.

Избавиться от всего этого рабочие смогут, если, осуществляя свою власть, откажутся вступать в отношения купли-продажи своей рабочей силы, активно выступая против рынка рабочей силы. Они вполне обоснованно могут отказываться от участия в работе предприятий, в которых частные собственники явились бы хозяевами, а рабочие — их наёмной рабочей силой. Рабочие коллективы могут сами взять на себя функции коллективного собственника и превратить данное предприятие в народное, собственное предприятие. Они могут не согласиться и с тем, что переход к отношениям рынка рабочей силы и к массовой безработице неизбежен, что им нет альтернативы.

Глава III

К НАРОДНОЙ ВЛАСТИ НА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Анализ уроков становления, развития и временного поражения социализма в России показывает, что важнейшими причинами ослабления социализма и временной утраты его завоеваний были следующие.

Большинством правящей партии и большинством народа не был осознан советский принцип организации власти как власти, формируемой в трудовых коллективах. Так что в этом плане народ на поверку оказался не вполне советским, хотя в целом оправданно так назывался. Советский характер власти был вроде бы юридически закреплён, но лишь по форме, а не по существу. Слово Советы стояло и в Конституции РСФСР 1918 г., и в Конституции СССР 1924 г., однако избрание депутатов через трудовые коллективы, что только и делает избираемые органы **Советами**, не было в этих основополагающих документах закреплено.

Организация власти не была увязана с организацией экономической жизни общества таким образом, чтобы с развитием экономики социализма соответственно укреплялись бы и материальные основы участия непосредственных производителей в формировании и осуществлении своей власти.

В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. фактически действовавший принцип избрания и отзыва депутатов трудовыми коллективами был заменён территориальным. Сохранилось лишь выдвижение коллективами кандидатов в депутаты.

Экономической реформой 1965 г. принцип работы на общество и удовлетворения потребностей всех его членов был заменён принципом максимизации прибыли отдельных производственных единиц. Тем самым стала размываться и подрываться

экономическая основа Советской власти. Этим во многом объясняется недостаточность масштабов активного сопротивления ликвидации народной власти.

Социализм разрушился в конечном итоге из-за того, что был взят и стал последовательно осуществляться так называемый курс на рынок и приватизацию. Этот по сути антисоветский и антипартийный курс, принятый апрельским пленумом ЦК КПСС 1991 года, привёл к ликвидации КПСС и СССР.

К чести советской экономической науки следует отметить, что данный губительный для страны курс не был одобрен ни одним крупным экономическим совещанием и ни одной научной экономической конференцией. Более того, достаточно громко и отчётливо звучали голоса тех экономистов, кто отстаивал непосредственно общественный характер социалистического производства и предупреждал, что попытки построить социализм на товарной основе равносильны его уничтожению. Это достаточно ясно было показано в работах Н. В. Хессина, А. М. Ерёмина, Н. А. Цаголова, Н. А. Моисеенко, А. К. Покрытана, А. А. Сергеева, В. Я. Ельмеева, В. Г. Долгова, Р. И. Косолапова и других. Вот почему предательская горбачёвско-яковлевская верхушка партии могла опереться только на отдельных проходимцев от экономической науки, чтобы попытаться навязать партии и стране разрушительный курс, помимо его хотя бы внешнего научного обоснования. Принятие XXVIII съездом партии курса на рынок пришло в вопиющее противоречие с её коммунистической природой и означало по существу её самоубийство. Вследствие этого незаконная приостановка деятельности КПСС президентским указом по существу лишь подвела итог её перерождения. Тем более что подписал указ выросший в недрах партийного аппарата махровый номенклатурщик, бывший первый секретарь сначала Свердловского обкома, затем Московского горкома, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

На горьком опыте разрушения страны и обнищания народа осознаётся теперь ошибочность представлений, что на основе товарного производства и закона стоимости можно якобы построить социалистическое общество. А ведь разжёвывал же К. Маркс и не раз ту мысль, что на основе стоимости и денег невозможен контроль объединённых индивидов над своим производством, что

речь должна идти о производстве, диаметрально противоположном товарному[36]. Энгельс высмеивал попытки Дюринга построить социализм на основе «справедливого» обмена товарами и конституированной стоимости[37]. В. И. Ленин в замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» не случайно подчёркивал, что продукт при социализме идёт в потребление не через рынок[38]. В «Наказе от СТО местным советским учреждениям» он разъяснял, что государственный продукт, продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестаёт быть товаром[39].

После осуществления коллективизации у нас стало не две собственности, а две формы одной, общественной собственности и встречное движение общественного продукта между городом и деревней уже нельзя было, строго говоря, подводить под категорию обмена, который есть **взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения**. Сущность производства стала противоположной товарной. Она стала непосредственно общественной, и в каких бы являющихся формах, заимствованных во многом из товарного прошлого, эта сущность ни выступала, производство в целом нельзя было уже характеризовать иначе как **непосредственно общественное**, продукт которого и труд в котором **не посредством обмена**, **а непосредственно**, с самого начала выступают и являются общественными[40].

И. В. Сталин в целом придерживался этих марксистско-ленинских позиций. Он развил их в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Однако в этой книге он проявил и непоследовательность. Так, подчеркнув, что средства производства не являются товарами, он объявил товарами предметы потребления. Но тогда получалось, что сущность социалистического производства — дуалистическая, нетоварно-товарная.

---

[36] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 104.

[37] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 294.

[38] Ленинский сборник, т. 40. С. 417.

[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43. С. 276.

[40] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 320–321.

Если предположить, что предметы потребления — товары, то они, выходит, производятся не для удовлетворения потребностей, а для обмена. Работник же в обмен на идущий к нему в потребление товар может дать только свою рабочую силу. Его рабочая сила тогда тоже товар. А такое товарное производство, при котором рабочая сила является товаром, называется капитализмом. Переход к капитализму поэтому логически следует из посылки о том, что предметы потребления при социализме — товары. Ошибочно и утверждение, что при социализме действует закон стоимости. Ведь закон и сущность — категории однопорядковые. Поэтому утверждение о действии при социализме закона стоимости равносильно утверждению о товарной сущности социалистического производства. Не случайно, что Кронрод, Либерман, Ракитский, Петраков, Абалкин и другие певцы товарного производства при социализме ухватились именно за эти отступления от строго выдержанной марксистской теории, имевшиеся у Сталина, возвели их в принцип и в рамках экономических дискуссий готовили ликвидацию социализма.

Таким образом, либо мы имеем социализм как непосредственно общественное производство — производство потребительных стоимостей, регулируемое законом потребительной стоимости, либо имеем дело с производством стоимости, т. е. с товарным производством, естественным развитием которого является товарно-капиталистическое производство. Можно, конечно, говорить о том, что и при социализме есть товарное производство в виде производства на колхозный рынок. Это так. Но цены на колхозном рынке регулируются не пресловутым законом стоимости, а ценами на продукцию государственных предприятий. Цены же на продукцию государственных предприятий определяются планомерно на основе затрат на производство с учётом потребительной стоимости непосредственно общественных продуктов.

Социалистическое производство есть непосредственно общественное производство, производство потребительной стоимости, а не стоимости. Это научная истина. Попытка построить социалистическое товарное хозяйство, т. е. вернуться к производству стоимости, неизбежно ведёт к уничтожению социализма. Теперь это не только научно установленный, но, увы, и опытным путём исторически проверенный факт.

Социализм, следовательно, — непосредственно общественное хозяйство. Это не производство товаров, стоимостей, а производство непосредственно общественных продуктов, потребительных стоимостей. Соответственно и регулятором социалистического производства является не закон стоимости, а закон потребительной стоимости.

Что это означает применительно к социалистической власти? Это означает, что поскольку **цель социалистического производства — обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества**, развитие трудящихся как членов общества входит в цель производства. Если капиталистическое товарное производство как производство прибавочных стоимостей требует отнимать у трудящихся свободное время и другие условия их свободного развития, то социалистическое непосредственно общественное производство требует достигнутую за счёт технического прогресса экономию рабочего времени превращать не только в дополнительные материальные блага для работников, но и в **дополнительное свободное время** для их всестороннего развития, в том числе и для развития их как участников государственной жизни и государственного управления. А этого-то в последние десятилетия существования СССР как раз не происходило.

Задача социализма состоит вовсе не в том, чтобы лишь провозглашать власть трудового народа, а в том, чтобы трудовой народ имел реальную, практическую возможность осуществлять эту власть. А если рабочий 8 часов стоит у станка и может принять участие в управлении государством только по окончании рабочего дня, когда закрываются двери советов и исполкомов, райкомов и горкомов, то тогда народная власть лишь провозглашается, и остаётся лишь надеяться на то, что наёмный аппарат государственных служащих будет всё же (почему-то) действовать именно в интересах рабочего класса и всего общества в целом. Однако будучи бесконтрольным, аппарат управления неизбежно перерождается и из средства управления в интересах трудящихся превращается в свою противоположность, что мы и видим на примере печальных и трагических событий в нашей стране.

Размышляя теперь о путях возрождения Советской власти, мы не можем думать только о том, как возродить Советы

и восстановить Советскую власть. Можно поставить вопрос и по-другому. А стоит ли её устанавливать, если она вновь переродится во власть номенклатуры, а народ, пожив какое-то время по-человечески, вновь будет ввергнут в пучину лишений и нищеты какими-нибудь новыми горбачёвыми. Если уж возрождать Советскую власть, то на такой экономической основе, которая бы укрепляла Советскую власть, способствовала бы усилению Советского государства, а тем самым, с расширением участия трудящихся в государственном управлении и отмиранию всякого государства вообще, переходу к коммунистическому общественному самоуправлению.

Вопрос об участии трудящихся в осуществлении своей, Советской власти, мы должны ставить не как идеалисты, а как материалисты. Дело не в том, чтобы призвать трудящихся к участию в государственном управлении, а в том, чтобы у них для этого было время (и не за пределами рабочего дня), притом время, оплачиваемое по среднему. Вот это и будет выражением того, что трудящиеся — не наёмные работники у стоящего над ними государства, а полноправные собственники общественных средств производства.

История революции и контрреволюции в России показала, что прогресс в развитии производительных сил, в росте производительности труда должен сопровождаться не уменьшением численности непосредственных производителей и соответственным увеличением численности работников непроизводственной сферы, а увеличением свободного времени рабочих и крестьян, в том числе времени, свободного для участия в государственном управлении. Численность рабочих и крестьян может вообще не уменьшаться вплоть до полного уничтожения классов, вплоть до полного коммунизма. Важно лишь, чтобы с развитием производства росло не только материальное богатство общества, но увеличивалось бы **свободное время** всех работников как время для их свободного развития. И как только свободное время в количественном отношении превысит рабочее время, определяющим для человека будет не то, что он делает в своё рабочее время, а то, что он делает в своё свободное время. Это и будет означать полное уничтожение классов, т. е. разделения людей на группы в зависимости от положения в производстве.

Таким образом, для развития социализма и укрепления Советской власти нужно не такое производство, которое пожирало бы свободное время работников и производило стоимость, а такое, которое бы производило потребительную стоимость, в своём развитии обеспечивало бы экономию рабочего времени и предполагало бы превращение сэкономленного времени в свободное время непосредственных производителей. Цель такого производства — обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Эта цель социалистического производства не случайно была записана и в первой, и во второй программе партии, пока живы были марксистско-ленинские традиции в партии, пока ещё действовали идеалы социальной справедливости. Исчезла ленинская формулировка цели социалистического производства при составлении третьей — хрущёвской ревизионистской программы партии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г. На арену выходил уже взращённый в недрах партии класс номенклатурных собственников.

В непосредственно общественном хозяйстве при производстве предметов потребления и средств производства имеются существенные различия. И те и другие, и предметы потребления, и средства производства суть не товары, а непосредственно общественные продукты, но их общественная роль неодинакова — производство предметов потребления создаёт материально-вещественные условия всё более полного развития членов общества и сокращения социального неравенства между ними, а производство средств производства напрямую служит экономии рабочего времени и может рассматриваться как производство свободного времени для свободного развития всех членов общества. По отношению к предметам потребления сокращение затрат труда на их производство выступает как результат внедрения трудосберегающей техники, а само свойство сберегать труд — это полезное свойство техники, её потребительная стоимость.

Можно сказать, что техника, с экономической точки зрения, больше ни для чего не нужна, кроме как для экономии рабочего времени или, другими словами, всякая экономия, которую она даёт, сводится к экономии рабочего времени. Средства производства в социалистическом непосредственно общественном хозяйстве производятся не для того, чтобы их продать и получить

стоимость, а для того, чтобы сэкономить труд тех, кто будет применять эту технику, т. е. труд её потребителей. Потребительная стоимость техники — это экономия труда тех, кто работает с этой техникой, кто заменил этой техникой прежние, менее трудосберегающие экземпляры.

Экономия труда у потребителей техники позволяет им распорядиться этой экономией двояко — не только выпустить дополнительное число предметов потребления, но также при этом сократить рабочее и увеличить свободное время.

Не исключена ситуация, когда непосредственные трудозатраты на производство техники возрастают. Но действительно новой, прогрессивной техникой можно по критерию её потребительной стоимости считать только такую, которая даёт у потребителей экономию труда большую, чем возрастают затраты на её производство. Другими словами, итоговая, результирующая, чистая экономия в результате замены техники, т. е. валовая экономия за вычетом затрат труда на производство и эксплуатацию техники, должна быть положительной.

Можно сказать, что по пути производства потребительной стоимости так или иначе, но в настоящее время идёт и товарно-капиталистическое производство, которое является непосредственно производством прибавочной стоимости. Но в том-то и дело, что это имеет место не в соответствии, а в противоречии с его товарной, стоимостной сущностью. Капиталист непосредственно стремится к увеличению стоимости производимого продукта ради увеличения прибавочной стоимости, а как производство абсолютной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится поглотить всё время непосредственных производителей. Как производство относительной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится передвинуть границу между необходимым и прибавочным трудом таким образом, чтобы увеличивалась прибавочная стоимость, и делает это путём развития производительных сил на основе технического прогресса. Но экономию труда капитализм стремится использовать не для увеличения свободного времени всех членов общества, а для увеличения стоимостного богатства и свободного времени собственников средств производства — капиталистов. Рабочим же сокращения их рабочего времени и увеличения свободного

приходится добиваться стачечной борьбой. Что они с успехом и делают. На повестке дня в Европе 35-часовая рабочая неделя.

Укрупнение монополий означает, что расширяются те острова в море рыночной стихии, где не действует стоимостной принцип и господствует потребительностоимостной. Так что товарно-капиталистическое производство по мере своего развития постепенно втаскивается в иной — потребительностоимостной мир, хотя в целом остаётся миром господства стоимости. Прогресс производительных сил в рамках капитализма, подспудно идущая работа по экономии общественного труда создают предпосылки для того, чтобы рабочий класс вместе со своими союзниками сначала вернул себе достаточно свободного времени для организации революционной борьбы, затем взял власть и использовал её для экономического переворота — для перехода от производства стоимости к производству потребительной стоимости и для закрепления потребительностоимостной ориентации производства.

Критерием деятельности государственных предприятий при социализме должна быть не прибыль, а противоположная ей величина — экономия труда. Показателем оценки работы предприятий, выпускающих предметы потребления, должна стать сумма снижения цен на выпущенную продукцию. Предприятия же, производящие средства производства, должны оцениваться по той экономии, которую получают потребители выпускаемой ими техники.

Производители предметов потребления тогда будут материально поощряться за удешевление продукции и увеличение её количества и всякий новый предмет потребления, лучше удовлетворяющий данные потребности или удовлетворяющий новые потребности, как только производство его будет освоено, также попадёт в поле снижения цен и увеличения количества производимых продуктов. **Производители средств производства** будут поощряться в прямой зависимости от той экономии, которую получают потребители их продукции в процессе её применения. И пусть богатеют производители, но за счёт обогащения общества, всех его членов.

Если будет расти богатство общества и увеличиваться свободное время его членов, основа для участия в формировании и осуществлении Советской власти будет становиться более прочной.

Сама экономика будет способствовать усилению и укреплению Советской власти.

Таким образом, экономической основой развивающейся и укрепляющейся Советской власти является непосредственно общественное производство — производство потребительной стоимости.

2. ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ — ОСНОВНЫЕ ЯЧЕЙКИ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Контрреволюционные события в России, временная потеря власти трудящимися заставляют к вопросу возрождения народной власти подходить несколько по-иному, чем ранее. Какой должна стать власть трудящихся, чтобы её было труднее расшатать и разрушить? Вот как теперь стоит вопрос. Причём, какой она должна быть, чтобы её нельзя было разрушить не только в ближайшее время после её установления, но и через десятки лет, чтобы не повторился в очередной раз контрреволюционный переворот тогда, когда, казалось бы, сама возможность его ушла в глубокое прошлое.

Социалистическая власть должна быть по сути своей диктатурой пролетариата. Это общий ответ на поставленный вопрос. И этот ответ классики марксизма ставили себе в особую заслугу. По этому вопросу проходит водораздел между марксистами и ревизионистами. И отказ от признания диктатуры рабочего класса равносилен отказу от марксизма и социализма. История подтвердила эту истину вполне, в том числе и история Советского Союза. Ревизионистский переворот произошёл на XXII партсъезде, выбросившем из партийной программы коренное положение марксизма — о диктатуре пролетариата.

Можно сказать, что в настоящее время после периода всеобщего ревизионистского заражения, катализатором которого послужил хрущевизм, во всём мире успешно идёт становление новых коммунистических и рабочих партий, которые извлекли урок из попыток отказа от главного в марксизме и положили учение о диктатуре пролетариата в основание своих программ и всей своей теоретической и практической политической деятельности.

И всё же, как говорится, радоваться рано. Само по себе признание диктатуры пролетариата ещё недостаточно. Надо ещё признать и ту форму, которая ей соответствует и благодаря которой диктатура пролетариата не разрушается, а укрепляется и развивается в коммунистическое общественное самоуправление, обеспечивая уничтожение деления общества на классы, а вместе с ним и отмирание государства как организованного насилия одной части общества над другой.

История показала, что соответствующей диктатуре рабочего класса формой государственной власти является власть, формируемая в трудовых коллективах, а не избираемая по территориальным округам. Когда во Франции в 1871 г. впервые в истории была установлена диктатура пролетариата, адекватная диктатуре пролетариата форма власти себя ещё не проявила. Сущность диктатуры пролетариата как власти класса городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих явила себя в Париже в 1871 г. впервые и, не успев закрепиться в соответствующей форме, исчезла с исторической сцены как пролог другой, Великой Октябрьской социалистической революции в России 1917 г., установившей диктатуру рабочего класса **в форме Советской власти**.

Российская революция явила собой достойный подражания образец длительной исторической работы рабочего класса и его партии в недрах старого строя над созданием новой власти. Сначала в 1905 г. в итоге забастовочный борьбы иваново-вознесенских рабочих были открыты Советы. Не только как органы руководства забастовочной борьбой, но и как органы народной власти, являющейся по сути своей диктатурой рабочего класса. Если бы рабочий класс России не сделал этого всемирно-исторического открытия, дело социалистической революции, дело создания и развития социализма было бы делом безнадёжным.

Суть в том, что единственной материальной основой социализма является крупная машинная индустрия, и, если народная власть не связана с ней, не базируется на ней, не черпает прямо и непосредственно из неё силы для своего укрепления и развития, она рано или поздно будет сметена превосходящими силами классового противника. И напротив, если она прочно базируется на фабриках и заводах, если она растёт и укрепляется вместе

с развитием экономики, дело Советской власти, дело диктатуры рабочего класса, дело социализма становится делом исторически непобедимым.

Диктатура рабочего класса, таким образом, является противоположностью диктатуры буржуазии не только по существу, но и по форме своей организации.

Буржуазия организует свою власть по видимости как всенародную, осуществляет избрание депутатов в парламент на основе всеобщего избирательного права, но по территориальным округам, где господствует власть денег. И хотя избрание отдельных представителей трудящихся в парламент и при такой форме власти удаётся осуществить, власти трудящихся при такой системе организации выборов достичь невозможно.

На философской стороне этого вопроса стоит остановиться. Исторический материализм учит, что **общественное бытие определяет общественное сознание**. Это означает, что экономический строй общества определяет его идеологическую надстройку. Буржуазному господству в сфере экономики соответствует и господство буржуазной идеологии в общественном сознании. Голосуют же люди, руководствуясь своим сознанием, так что при всеобщем избирательном праве и всеобщем голосовании большинство голосов будет отдано кандидатам буржуазии. Опыт подтверждает это практически без исключений. И этот же опыт говорит, что если вдруг избирательная машина даст сбой, то в ход будут пущены иные, в том числе силовые средства, ибо они также в руках господствующего класса и он их без ожесточённой борьбы иному классу, конечно, не отдаст.

Как же быть в этой ситуации? Значит ли это, что нужно отказаться от участия в выборных компаниях и избирательной борьбе? Нет, не значит. Другое дело, что на участие в выборах в представительные органы и в их деятельности надо смотреть как на одно из средств организации трудящихся, ведя дело к созданию Советов на фабриках и заводах, к поддержке их деятельности не только с помощью профессиональных союзов и партии рабочего класса, но и с помощью депутатов, имеющих право и возможности работы в трудовых коллективах по созданию Советов. Однако избирательная и парламентская деятельность не может быть ядром политической деятельности действительно

революционной партии. Ядром её работы должна быть организация Советов на предприятиях как будущих органов новой, социалистической власти, а в настоящем как органов коллективного самоуправления трудящихся, органов их борьбы за самые насущные интересы.

Только тогда, когда на крупнейших предприятиях будут функционировать Советы, сформированные из представителей коллективов подразделений, когда они будут связаны друг с другом в масштабах городов и областей через городские и областные Советы, а масштабах России — через Российский комитет рабочих, объединяющий представителей рабочих организаций, когда они создадут свои органы поддержания порядка и противодействия насилию — рабочие дружины, только тогда вопрос о переходе власти к Советам может встать в практической плоскости. Без этого все разговоры об изменении характера власти — пустая болтовня.

Характерно, что в России в 1917 г. одновременно шли два избирательных процесса — выборы в Учредительное собрание и в Советы. Выборы в Учредительное собрание дали большинство мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров, а выборы в Советы — большевикам, партии рабочего класса. Большевики правильно делали, что не отказывались от выборов в буржуазный парламент и от использования возможностей выборной кампании для своей агитации, но агитировали они прежде всего за создание власти Советов и затем — за переход к Советам всей власти.

Опыт нашей революции учит, что социалистической революции предшествует период двоевластия, когда одновременно существуют орган буржуазного господства — **буржуазный парламент** — и органы будущей новой власти — **Советы**, съезд которых, собрание или комитет представителей призваны установить новую власть.

При наличии Советов как органов будущей власти, готовых к исполнению функций нового государственного аппарата, всеобщая политическая стачка, о которой много пишется и говорится, может послужить переходу власти от буржуазии к рабочему классу, от буржуазного парламента к власти Советов. Если же Советов, поддержанных рабочими дружинами, нет, а в ходе забастовки выдвигается требование об отставке правительства,

президента или того и другого, то даже если такая отставка произойдёт, это не изменит сути власти. Ведь смена лиц не означает смены класса у власти. Разъясняли же и даже разжёвывали Маркс, Энгельс и Ленин как для маленьких детей, что нельзя просто взять старую государственную машину и пустить в ход для новых целей. Надо её сломать, разбить и построить новый государственный аппарат, способный осуществлять интересы рабочего класса. Советы, избираемые в трудовых коллективах, и представляют собой этот новый государственный аппарат, приходящий на смену старому, буржуазному.

Однако эти истины очень трудно внедряются в умы и очень многие по-прежнему верят в сказки об избрании нового, хорошего президента и назначение нового, хорошего правительства. Что же касается самих парламентариев, то их наиболее распространённая болезнь — парламентский кретинизм, выражающийся в наивной вере, что в стенах парламента можно решить коренные вопросы жизни народа. На самом же деле коренные вопросы жизни народов всегда решались за рамками парламентов, самой ожесточённой классовой борьбой, а то и гражданской войной. И чем меньше предаются парламентским иллюзиям рабочие и крестьяне, создающие свои Советы, чем лучше они организованы и подготовлены, чтобы сломить неизбежное сопротивление буржуазии, тем меньше опасность гражданской войны. Наоборот, если озаботиться тем, как разоружить рабочих и как убаюкать их сказочками о добропорядочных и честных буржуа, неизбежно самое зверское избиение народа. Это вполне подтвердили события в Чили и в России.

Таким образом, диктатура рабочего класса в качестве своей адекватной формы имеет власть Советов, избираемых в трудовых коллективах. Это проявляет себя не только в период установления и утверждения новой власти, но это верно и применительно ко всему периоду социализма до полного уничтожения классов и отмирания государства. В разработанной В. И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б) Программе партии было записано: «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)»[41].

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. С. 426.

Как это организовать практически? Например, так. В коллективах предприятий по подразделениям выбираются Советы коллективов с правом отзыва и замены их членов в любое время по инициативе избравшего их коллектива подразделения. Из представителей Советов предприятий образуются городские, областные советы также с правом отзыва и замены в любое время представителей Советов предприятий по инициативе направившего их Совета. Съезд Советов или Комитет представителей городских и областных Советов образует высший законодательный орган власти, назначающий правительство и определяющий внутреннюю и внешнюю политику страны.

Как при этом обеспечить равное представительство? Численность трудовых коллективов ведущих предприятий может быть взята за масштаб для установления единой для города нормы представительства. Скажем, если от 1 тыс. работников направляется в городской Совет 1 человек, то при численности трудового коллектива в 5 тыс. человек он избирает 5 депутатов. И наоборот, если численность коллектива менее тысячи человек, он объединяется с другими малыми коллективами до размеров тысячного производственного округа.

Неработающие граждане при этом могут либо включаться в какой-либо производственный округ (по месту прежней работы, например, или по принципу территориальной близости), либо направляют представителей от комитетов неработающих граждан по единой норме представительства, чтобы каждый такой депутат представлял, скажем, 1 тыс. неработающих граждан. Тем самым обеспечивается всеобщее избирательное право.

При этом если Совет основной ячейки государственного строительства, завода или фабрики, отзывает своего представителя из городского Совета, то он автоматически лишается соответствующего мандата, а, заодно и права представлять городской совет в высшем органе государственной власти, если такое право ему было дано. Практическая осуществимость и лёгкость отзыва депутатов, избранных трудовыми коллективами, позволяет вести эффективную борьбу с карьеризмом и бюрократизмом и постепенно, на основе не только программ и обещаний, но, главное, практического опыта отбирать наиболее соответствующих власти рабочего класса членов представительных органов государственной власти.

Желательно депутатов сделать полуосвобождёнными. Если рабочий из 5 рабочих дней 3 дня в неделю будет депутатствовать, он уже не будет рабочим, оторвётся от коллектива, но не станет и интеллигентом, профессионалом, превратится в объект для манипулирования со стороны прожжённых политиканов. Если депутат-рабочий вообще не будет иметь свободных дней для своей депутатской деятельности, он превратится в свадебного генерала — депутата, которого по праздничным дням сажают за стол президиума, чтобы он олицетворял единение власти с народом. Самое же правильное, чтобы депутат, **оставаясь работать по своей специальности**, имел достаточно времени для приобретения профессиональных навыков в области государственного управления. Скажем, если рабочий 3 дня в неделю стоит за станком, а 2 дня занимается организацией трудящихся как депутат Совета, то он и от коллектива не оторвётся, и постепенно освоит премудрости управленческого труда, включая и пользование ЭВМ и современными средствами связи. Разумеется, эти 2 дня, которые рабочий не занят материально производительным трудом, должны ему оплачиваться.

Между прочим, уже и в практике современного капитализма имеется нечто подобное. Законом «О правовом режиме предприятия» в ФРГ предусмотрено, что на каждом предприятии с числом работников не менее пяти избирается производственный Совет, деятельность в этом Совете совершается в рабочее время с оплатой по среднему. Передовая буржуазия понимает, что в настоящее время, когда определяющим в экономике является внедрение достижений научно-технического прогресса, без заинтересованного участия в этом процессе непосредственных производителей научно-технический прогресс, а следовательно, и экономика будут буксовать. Другое дело, что в ФРГ производственные Советы в своей компетенции строго ограничены узкопроизводственными задачами и не имеют выхода ни к аналогичным Советам других предприятий, ни к какому-либо единому координирующему органу.

Потребительностоимостная основа производства позволяет и предполагает предоставление депутатам трудовых коллективов времени для осуществления управленческих функций.

Но если такое время есть лишь у депутатов, они всё равно отрываются от коллективов, а коллективы не могут играть основополагающую роль: ведь надо контролировать своих депутатов, надо давать им наказы и надо своевременно отзывать тех, кто не выполняет волю избравшего их коллектива. Всё это предполагает время, причём время рабочее и оплачиваемое по среднему. Такое время должно предоставляться каждому работнику как минимум для участия в ежемесячном собрании коллектива с отчётом депутата.

Только тогда, когда будут налажены контроль избирателей за своим избранными, участие непосредственных производителей в деятельности государственных органов, Советская власть с полным правом сможет называться властью рабочих и крестьян. А если деятельность самих рабочих, крестьян, интеллигентов будет подменена деятельностью наёмников — профессионалов, без которых, конечно, ни в коем случае обойтись нельзя, тогда мы вновь можем получить такую ситуацию, что реальную власть будут иметь не законодательные, а исполнительные органы и Советы явятся своего рода ширмой, прикрытием для тех, кто за ними или от их имени обделывает свои делишки. Тогда возможен очередной рецидив восстановления частнособственнических порядков, от которых теперь страдает наш народ.

Отсюда следует, что расширяющиеся с развитием производства потребительных стоимостей возможности в плане создания всё более благоприятных материальных условий для участия всех членов общества в государственном управлении должны эффективно использоваться, а это, в свою очередь, будет способствовать развитию потребительностоимостного производства. Главное богатство общества — свободное время — будет всё время расширяться и справедливо распределяться, не будучи узурпировано управленческой или интеллектуальной элитой. Вот тогда и будет идти процесс постепенного уничтожения классов и приближения к тому состоянию, когда все члены общества являются работниками, причём каждый уникален, и каков он, определяется не тем, чем он занимается в рабочее время, а тем, что делал и делает в свободное время. Вот это и будет действительный скачок из царства необходимости в царство свободы.

3. ПУТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Известна истина о том, что есть три вида рабов. Один раб — это просто раб, он влачит своё жалкое существование, повинуясь воле судеб. Другой настолько свыкся со своим рабским положением, что у него даже слюнки текут по поводу того, какой у него хороший хозяин, хороший господин. Это не просто раб, это холоп, хам. И есть третий вид раба — тот, который поднялся на борьбу со всей системой рабства и, хотя рабство ещё не уничтожено, он уже не раб, он — революционер. До сих пор мы говорили о материальных условиях и основаниях участия трудящихся в управлении и самоуправлении, об устройстве Советской власти, но, разумеется, никто не даст нам избавленья от старой буржуазной власти, ни бог, ни царь и ни герой. Дело освобождения трудящихся — это дело самих трудящихся. На стороне их справедливой борьбы и общая логика исторического прогресса, и наиболее просвещённые деятели науки и культуры. Однако без борьбы Советской власти ни создать, ни удержать нельзя, невозможно ни создавать, ни развивать экономику социализма.

И вот тут уместно будет вспомнить, чем научный социализм отличается от всех других видов социализма. Все другие критикуют, отрицают капитализм, но остаются сами в рамках капитализма, не выводят и не могут вывести из него трудящихся. Социализм-утопизм рисует красивые и даже во многом правильные и заманчивые картины, но не указывает пути к этому светлому будущему. И только научный социализм, почему он и называется научным, соединяет цель и путь её достижения, указывая на главное средство и орудие этого исторического переворота. А таким средством и орудием является рабочий класс. И никакие разговоры о новом этапе, об НТР, об информационном взрыве и т. п. не отменяют этой решающей роли главной материальной силы социалистического переворота. Рабочий класс сам себя отменяет, приводя общество к полному уничтожению классов. Но не раньше. А до этого все попытки принизить роль рабочего класса тождественны попыткам затормозить общественно-исторический прогресс, законсервировать деление общества на классы и связанное с этим социальное неравенство, задержать историческое наступление на социальную несправедливость.

Разумеется, сказанное не должно пониматься столь примитивно, что каждый отдельно взятый рабочий прогрессивнее, например, любого отдельно взятого интеллигента. В. И. Ленин даже специально подчёркивал, что в рабочий класс ещё нужно внести сознание, внести пролетарскую идеологию, а сам он по материальным условиям своей жизни, по недостатку времени для научного освоения накопленных духовных богатств не может выработать в условиях капиталистического рабства пролетарскую идеологию. С другой стороны, одиночки-интеллигенты, поднявшиеся до осознания всемирно-исторической роли рабочего класса, могут повлиять на ход исторических событий только встав сознательно на службу рабочему классу. Вот это соединение борьбы передовых рабочих с передовой идеологией, соединение рабочего движения с научным социализмом образует партию рабочего класса, его сознательный авангард и без неё рассчитывать на победу рабочего дела абсолютно нереально.

Ныне в России сегодня сложилась уникальная в своём роде ситуация: правящий класс хочет вроде бы создать добропорядочный буржуазно-демократический строй. Но этот строй предполагает участие в государственной жизни политических партий, без которых в политике никакого успеха достичь нельзя. В любой буржуазной стране одна из буржуазных или мелкобуржуазных партий при этом является правящей. Наши же доморощенные политики вознамерились управлять огромной страной вообще без правящей партии, а лишь командой, в которой они постоянно меняют игроков. Но политика — не футбол. Здесь «командой» не обойдёшься. Не связанные ни идейно, ни организационно представители правящего класса в государственном аппарате при всеобщем экономическом, политическом и юридическом хаосе, набивают себе карманы, стреляют друг в друга и расползаются в разные стороны. Но если в России нет правящей партии, то это ещё не значит, что никакая политическая партия не правит в России. Просто правит политическая партия другой страны, и это положение вполне устраивает тех, кто хочет раздробить и ослабить Россию, вывести её из числа экономических и политических конкурентов и избавиться при этом от коммунистической опасности для грабящей весь мир буржуазии.

На другом классовом полюсе картина только по видимости лучше. Вроде бы имеется много коммунистических партий. Но коммунистическая партия по своему понятию — это авангард рабочего класса. А авангард класса — это не просто организация, объявившая себя партией, это такая организация, за которой класс идёт. Однако рабочий класс в России пока на борьбу за свои интересы должным образом не поднялся, ни за какой группой с чётко очерченной политической программой ещё не идёт, а потому и партия рабочего класса в России может считаться только находящейся в становлении. Многие рабочие полагают, что обойдутся без политики, но кто сознательно не участвует в политике, тот становится её жертвой, ибо увернуться вообще от политики, которая есть отношение классов, невозможно. Многие интеллигенты радуются, что можно не ходить на партийные собрания, не выполнять никаких общественных поручений, не платить партийных взносов, а тем временем их лишают самой возможности их интеллигентского труда, наплевав на весь их опыт, знания и уникальные возможности. К власти пришли алчные люди, двоечники, неудачники, и проявить себя эти хапуги могут только в разрушении созданного народом, в присвоении и распродаже народного имущества и в предательстве своей Родины.

Положение в России и России в мире продолжает ухудшаться, и это заставит всё большее число людей искать средства спасения. Правда, многие уповают на астрологию, на бога, на колдунов, на предикторов и прочую чепуху. Но умные и серьёзные люди, как из рабочих и крестьян, так и из интеллигентов, рано или поздно осознают, что для того, чтобы спасти себя и свою страну, первое, что нужно сделать, это создать политическую партию рабочего класса и способствовать её организующей деятельности.

Разумеется, при этом надо извлечь уроки из перерождения КПСС.

Прежде всего, надо освободиться от искажений и извращений марксизма-ленинизма, вроде гнилой идеи об общенародной партии и общенародном государстве или ревизионистской концепции развитого социализма. Необходимо работать над развитием марксистско-ленинской науки, тем более что карьеристы с этого поля убежали и теперь создались для развития марксизма-ленинизма прекрасные условия.

Партия рабочего класса, возглавляющая борьбу трудящихся за установление и осуществление Советской власти и социализма, должна ставить своей задачей обеспечение не своей власти, а власти рабочего класса, организованного в Советы, в деятельности которых марксистско-ленинская партия призвана играть организующую и направляющую роль, действуя через депутатов-членов партии, избранных от трудовых коллективов. Для этого партия в своей жизни должна последовательно проводить следующие принципы: во-первых, обеспечение большинства рабочих (как промышленных, так и сельскохозяйственных) в организациях и органах партии как в списочном составе, так и при принятии решений, и, во-вторых, направление партийных средств прежде всего на частичное освобождение рабочих от их основной деятельности для партийной работы по организации Советов в трудовых коллективах. Функцию содействия в борьбе с карьеризмом будет выполнять партмаксимум, устанавливаемый на уровне зарплаты хорошего рабочего.

Необходимо, чтобы партия работала в профсоюзах над решением жизненных проблем трудящихся — зарплата, условия труда и т. п. Без этого никогда класс за партией на серьёзную борьбу не пойдёт. Профсоюзы имеют материальные условия (помещения, связь, взносы) для организации трудящихся в Советы.

В настоящее время главное, чему партия должна научить рабочий класс России, — это вести организованную борьбу за свои интересы. Так, например, Рабоче-Крестьянская Российская партия, стараясь следовать указанным выше принципам, разработала для этого Азбуку забастовочной борьбы, типовой текст коллективного договора, проект Трудового Кодекса России. Функционирующий при её поддержке Российский комитет рабочих позволяет представителям рабочих организаций координировать свою борьбу в масштабах России независимо от партийной принадлежности участвующих в работе Российского комитета рабочих. Главное, чтобы делегировались рабочие, представляющие действующие организации, чтобы можно было обменяться опытом борьбы и выработать рекомендации на будущее.

Необходимо подчеркнуть, что именно стачечные комитеты являются зародышем и прообразом будущих органов Советской власти. Во-первых, это органы, созданные в коллективах самими

трудящимися. Во-вторых, это органы властные, которые в состоянии руководить коллективом и поддерживать необходимый порядок. В-третьих, эти органы рождаются не в процессе голосования билетиками, а в ходе стачечной борьбы с администрацией, пытающейся ущемить интересы коллектива. И только такие, отстоявшие себя в борьбе органы, и способы в перспективе взять власть.

В настоящий момент рабочий класс России находится в начале этого пути. Пока он ещё не может отстоять даже своих прав продавца рабочей силы, которую можно использовать и месяц, и два, и три, вообще за неё не заплатив. А рабочим бесплатно никто ничего не даёт. Но обучение в условиях реальной полуголодной жизни идёт быстро и дело только за тем, чтобы этому процессу содействовать, помогать.

При общем движении страны к капиталистическому старому под лицемерные крики «к старому возврата не будет», при общем контрреволюционном откатывании назад постепенно набирала и набирает силу положительная, прогрессивная тенденция организации коммунистических сил России.

В 1989 году в Ленинграде усилиями обществоведов, объединённых в Общество научного коммунизма, рабочих и партийных работников, входящих в городской совет политклубов рабочих, был создан Объединённый фронт трудящихся России.

Объединённый фронт трудящихся выдвинул и при активной помощи газеты «Советская Россия» отстаивал принцип выборов в Советы через трудовые коллективы. Он добился на заседании Верховного Совета РСФСР внесения поправки в действовавший в то время Закон о выборах. На её основе была проведена организация выборов в двух районах Москвы по производственным округам. Объединённый фронт трудящихся России вёл активную кампанию за избрание президентом России альтернативного Ельцину кандидата и в ходе этой кампании способствовал сплочению социалистических сил.

Из партийных групп Объединённого фронта трудящихся выросло Инициативное движение коммунистов России, которые собирались на свои, инициативные съезды, вырабатывали программные документы и принимали резолюции, нацеливавшие здоровые силы партии на противодействие ревизионистской деятельности горбачёвско-яковлевской предательской верхушки КПСС.

Инициативное движение коммунистов содействовало созданию Советов рабочих в Ленинграде, Москве, Нижнем Новгороде и других городах.

Оргбюро инициативного движения коммунистов боролось за сохранение здорового ядра КПСС, собирало решения партийных организаций об исключении из партии, проводящей антинародную политику антикоммунистической фракции Горбачёва. Инициативное движение коммунистов представило свой проект Программы КПСС, противостоящий ревизионистскому проекту партии, изданному официально, опубликовало его в «Нижегородской правде», брошюрой и в газете «Молния» и выступило с ним на заседании Программной комиссии, предварительно проведя пикетирование здания ЦК КПСС.

Под давлением Инициативного движения коммунистов России была учреждена Коммунистическая партия РСФСР, в разработке программы действий которой участвовали члены Оргбюро Инициативного движения коммунистов. Представители Инициативного движения коммунистов, входящие в движение рабочие приняли активное участие в работе Учредительного съезда Компартии РСФСР, выступили на нём и направили своих представителей в Центральный комитет. Инициативное движение коммунистов добилось создания газеты «Народная правда», сыгравшей выдающуюся роль в пропаганде патриотических, коммунистических идей в самый тяжёлый для страны период и в организации прогрессивных сил для противодействия надвигавшемуся фашизму. «Народная правда» обеспечила становление Российской коммунистической рабочей партии, опубликовав её программу, проекты Конституции РСФСР и Закона о выборах и отзыве депутатов, где закреплялся принцип выбора депутатов через трудовые коллективы.

Члены Оргбюро движения коммунистической инициативы выступили на XXVIII съезде КПСС и добились того, что треть делегатов проголосовала против курса на рынок как курса антисоциалистического, разрушительного для страны и губительного для КПСС.

На всю страну прозвучал со страниц «Советской России» голос Нины Андреевой, предупреждавший трудящихся о надвигающейся беде.

Приостановка деятельности КПСС в июле 1991 года и хвастливые заявления Ельцина во время его нахождения у хозяев за океаном об уничтожении коммунизма в России не могли остановить организации коммунистических сил. Уже осенью 1991 года были учреждены Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия, Российская партия коммунистов и Союз коммунистов.

Российская коммунистическая рабочая партия отмежевалась от ревизионистской концепции развитого социализма и, согласно своей Программе, взялась за преодоление главного недостатка КПСС — отрыва от рабочего движения. Комиссия ЦК РКРП по рабочему движению сосредоточила работу на организации Советов рабочих. Эта главная линия деятельности получила в дальнейшем своё организационное оформление в Рабоче-Крестьянской Российской партии, учреждённой рядом членов РКРП в 1993 году.

В ответ на попытки мэра Санкт-Петербурга Собчака развернуть гонения на газету «Народная правда» решением Совета рабочих Ленинграда и при активном участии членов РКРП была организована блокада мэрии и прекращён вход в Смольный работникам мэрии и мэру Собчаку. Предводитель «демократов» вынужден был отступить, а «Народная правда» в 1996 г. сыграла активную роль по смещению проворовавшегося Собчака с поста главы администрации Санкт-Петербурга.

По решению Российского исполнительного комитета съезда Советов рабочих в 1992 году силами Советов рабочих Ленинграда, Москвы и Смоленска был опечатан и на один день закрыт Фонд Горбачёва, что привело к лишению его здания на Ленинградском проспекте, за ним сохранились лишь отдельные помещения, была вскрыта и обнародована идеологически диверсионная деятельность Фонда как центра империалистического влияния в России.

РКРП организовало массовое народное движение «Трудовая Россия», которое многотысячными акциями выразило широкий протест антинародным реформам в России и вместе с другими патриотами выступило на защиту Дома Советов, противодействуя фашизации режима.

Силой разогнав высший орган законодательной власти, режим продемонстрировал свою преступность и доказал, что добровольно

с исторической сцены не уйдёт. Ни шествия, ни походы, ни выборы не заставят его отдать власть народу. Народ призван повторить подвиг 1917 года, создать органы народной власти — Советы, сетью Советов охватить Россию и рабочими дружинами подкрепить их авторитет. Нам предстоит вновь пережить период двоевластия, когда старый режим будет пытаться остановить возвышение органов новой народной власти, но не сможет этого сделать. Двоевластие завершится переходом всей власти в руки Советов и тогда Россия вновь продолжит шествие по пути социального прогресса.

А пока в недрах общества идёт борьба за сохранение отечественного производства и трудовых коллективов как ячеек возрождения России. Аграрный союз при поддержке всех прогрессивных движений отстоял коллективные формы хозяйствования на земле и успешно противостоит при содействии фракции КП РФ Государственной Думы попыткам пустить с молотка народную кормилицу — землю. Ширится забастовочное движение рабочих. У правительства денег на зарплату нет, а есть лишь средства на материальное поощрение бастующих, так что вал забастовок, создающих одновременно и органы самоуправления коллективов — стачкомы, будет нарастать. А организационные формы координации рабочего движения уже имеются. Это прежде всего — Российский комитет рабочих.

Поступь истории неостановима.

СССР был самой грамотной, самой культурной страной в мире и при всём разрушении и разорении Россия таковой остаётся. Исторический долг российских интеллигентов состоит в том, чтобы вместе с рабочими и крестьянами повторить и подвиг создания Советов, а затем утверждения и развития Советской власти. Без этого России не выжить.

Надежда, которая была у многих на то, что Россия будет допущена в клуб развитых буржуазных государств, безжалостно разбита. Сильная независимая Россия никому, кроме трудящихся, не нужна. Как капиталистическая Россия она нормально жить не может, ей этого не дадут крупные и сплочённые империалистические хищники.

Выжить Россия может только как Советская Россия, и другого пути у народов России нет. Пойдут ли они по этому пути сознательно и быстро или только под давлением чрезвычайных

обстоятельств — это во многом будет зависеть от образованных людей, интеллигентов. Подлецы из интеллигентов уже показали и разоблачили себя, а масса порядочных и действительно знающих людей свои силы и энергию на общее дело спасения России ещё не направила. Скоординировать свои усилия можно не только идя в партию, но и в рамках Фонда Рабочей Академии, ставящего своей уставной целью содействие обучению рабочих в самом широком смысле.

Ситуация в России не такова, что народ боролся и потерпел поражение. Наш народ в постперестроечный период по-настоящему ещё не боролся. Он находится в шоке, и из этого состояния надо помочь ему выйти. Но уж если русский народ начнёт по-настоящему бороться и развернёт свои силы, не найдётся такого препятствия, которое он не сможет преодолеть, не найдётся такой силы, которую он не сможет сломить.

Разбитые армии, как известно, хорошо учатся. Если есть польза в поражениях, то она как раз в том, чтобы извлечь уроки из этих поражений и подготовиться к новой, более успешной борьбе. И такая подготовка в России идёт и в умах, и в сердцах миллионов, и в их общественно-политической практике.

Преодолено запугивание коммунизмом, сталинизмом, репрессиями.

Преодолеваются надежды на личное обогащение и спасение в одиночку. Идёт на практике обучение коллективной забастовочной борьбе. Выходят рабочие газеты, имеются органы, координирующие рабочее движение.

Создаются новые рабочие профсоюзы и революционизируются старые профсоюзные организации. Имеющие в своём распоряжении помещения, средства связи и другие материальные средства, охватывающие трудящихся почти поголовно, профессиональные союзы призваны не только защищать, но и организовывать трудящихся на осуществление ими своей, Советской власти, прежде всего через создание и налаживание работы советов трудовых коллективов.

Осваивается и внедряется исторический опыт создания Советов.

Медленно, но идёт процесс складывания партии рабочего класса.

Таким образом, постепенно создаются все необходимые предпосылки и условия возрождения Советской власти. А старик Гегель говорил, что, когда для какой-либо сути дела созданы все условия, она вступает в существование.

А. В. Золотов, М. В. Попов

ФИЛОСОФИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первоначальная рукопись книги, предлагаемой вниманию читателей, была подготовлена М. В. Поповым в первой половине 70-х гг. XX века. При этом ставилась задача осветить ту внутреннюю согласованность, которая существует между основной посылкой исторического материализма и рядом важнейших положений политической экономии. Исторический материализм и учение о производительном труде, исторический материализм и трудовая теория стоимости, исторический материализм и взаимосвязи материальной и нематериальной сферы, науки и производства на современном этапе — вот те вопросы, которые рассматривались в работе. На этой основе в настоящее время авторы решили исследовать проблему производительного труда более многогранно, с учётом современных теоретических разработок.

Сегодня отечественные исследования по данной проблематике находятся под мощным влиянием представлений, характерных для западной, прежде всего, неоклассической экономической мысли. Это направление экономической теории рассматривает в качестве производительного всякий труд. Вместе с тем в науке по-прежнему представлена и позиция, берущая начало в работах классика политической экономии — А. Смита, который обосновал критерии разграничения производительного и непроизводительного труда.

О том, насколько острой является данная проблема для экономической теории, можно судить хотя бы по её оценке известным историком экономической мысли М. Блаугом, который пишет: «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введённое Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли. Но при всём критическом отношении к изложению этой идеи у Смита

нельзя не признать, что она ни в коем случае не двусмысленна и не нелепа»[1]. Последователи же критикуемого классика и его великого восприемника К. Маркса, разделяя мысль о недвусмысленности данной идеи, могут с не меньшим основанием утверждать о «пагубности» отказа от разграничения собственно производительного и непроизводительного труда. Безусловно, более чем двухвековая дискуссия по этому вопросу не окончена и требует от её участников дальнейшей аргументации.

При доработке книги, осуществлённой, в основном, А. В. Золотовым, были, прежде всего, учтены положения трудовой теории потребительной стоимости. Эта теория, сформированная в 80-е гг. XX века в работах В. Я. Ельмеева и В. Г. Долгова, представив экономию производительного труда в качестве важнейшей потребительно-стоимостной характеристики средств производства и предметов потребления, позволила полнее охарактеризовать роль производительного труда в непосредственно общественном производстве. Она способствовала более глубокому осмыслению связи материальной и нематериальной сферы общества, так как раскрыла значение экономии труда как основы непроизводственной деятельности.

Были критически осмыслены представления современной институциональной теории об изменении роли производительного труда в «информационном обществе», «обществе знаний».

Коренное преобразование социально-экономического строя, произошедшее в стране на рубеже 80–90-х гг., потребовало специально остановиться на проблеме эволюции социально-экономической формы производительного труда с тем, чтобы раскрыть прогрессивные и негативные тенденции в такой эволюции. На этой основе выявляется перспектива производительного труда в современной России.

Таковы замысел и история создания книги, представленной вниманию читателей.

Авторы надеются, что книга будет полезна для всех, кого интересуют актуальные методологические и теоретические проблемы экономической науки.

---

[1] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ., 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994. С. 48.

Глава I

ОСНОВНАЯ ПОСЫЛКА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ЕЁ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Диалектический материализм различает: 1) материю; 2) сознание как свойство высокоорганизованной материи и 3) собственно высокоорганизованную материю, обладающую сознанием — человека.

В соответствии с этим все виды общественно полезной деятельности, то есть труда в широком смысле, подразделяются на три вида:

1. Деятельность, непосредственным и основным результатом которой являются вещь, энергия или перемещение вещей, энергии в пространстве — материально производительный труд, или труд в узком, политэкономическом смысле слова.
2. Деятельность, непосредственным и основным результатом которой являются идея, информация, образ — научная деятельность, труд деятелей искусства и т. п.
3. Деятельность, непосредственно воплощающаяся в человеке, который выступает по отношению к этому виду деятельности в качестве предмета труда — услуга, в частности, труд врачей, учителей, организаторов и т. д.

Отмеченные три вида деятельности играли и играют в жизни человеческого общества неодинаковую роль. Это обусловлено тем, что, в соответствии с основным тезисом исторического материализма, определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство непосредственной жизни.

Открытие Марксом и Энгельсом определяющей роли производства и воспроизводства материальных благ во всей жизни человеческого общества совершило подлинный переворот во взглядах на человеческую историю. Это гениальное открытие развилось в учение о том, что корни всех общественных явлений следует

искать в материальном производстве, и создало тем самым фундаментальную методологическую основу для исследования общественных явлений.

История стала рассматриваться не как творение героев-одиночек и не как проявление всемирной воли всевышнего, а как естественно-исторический процесс[2]. Всё многообразие общественных форм на основе изучения их экономической структуры было обобщено и сведено к нескольким типам общественно-экономических формаций, каждая из которых в результате социальной революции уступает место высшей с такой же неизбежностью, с какой старый способ производства уступает место новому.

Бесконечное разнообразие действий личностей в пределах каждой такой общественно-экономической формации было подвергнуто систематизации с точки зрения места этих личностей и роли в исторически определённой системе общественного производства и представлено в виде действий больших групп личностей — классов.

История, за исключением первобытной, выступила как история борьбы классов, интересы которых, являясь объективной характеристикой положения класса в системе общественного производства, проявляются во всех сферах общественной деятельности, далеко за пределами сферы материального производства и играют определяющую роль. Самостоятельное значение

---

[2] «Люди, — писал К. Маркс, — не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретёнными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую и создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27. С. 402–403.

всех других сфер общественной деятельности, развивающейся на базе материального производства, проявляется в тех границах, которые определены сферой материального производства. Все другие сферы активно воздействуют на сферу производства материальных благ, но её роль является, в конечном счёте, решающей.

Чем дальше идёт общественное развитие, чем сложнее становится сеть общественных отношений, тем выше значение историко-материалистического подхода, дающего надёжный ключ к изучению самых сложных общественных явлений. В связи с прогрессом непроизводственной сферы актуальной задачей становится историко-материалистическое объяснение и предсказание её развития[3]. Необходимо иметь в виду, что именно от состояния сферы материального производства зависит, какую часть своего времени общество может посвятить другим видам деятельности. Сокращение времени, затрачиваемого в сфере материального производства, при прежнем уровне или росте производства материальных благ является свидетельством роста общественного богатства. Определяющим при этом является материальное производство.

Весьма содержательная характеристика определяющей роли материального производства в жизни общества дана В. И. Мишиным: «***Во-первых***, материальное производство абсолютно необходимо, незаменимо ***для обеспечения жизни абсолютно всех людей***, в том числе и самых убеждённых идеалистов: виртуальным обедом нельзя накормить человека, информацией о бензине автомобиля не заправишь и т. д.

Во-вторых, материальное производство абсолютно необходимо, незаменимо и для ***развития всех людей***. Существование и развитие здравоохранения, образования, науки, искусства, спорта, даже религии требует солидных и непрерывно растущих материальных предпосылок…

---

[3] Е. Ю. Фаерман бурное развитие сферы науки почему-то воспринял как сигнал и повод для пересмотра тезиса об определяющей роли производства. Заменяя словом «эвристическая» слово «научная», он пишет: «От эвристической деятельности зависит прежде всего то, как быстро будут достигнуты уже осознанные практические цели. Но, кроме того, ею (!) определяются и направления дальнейшего движения человечества, характер новых целей, которое оно себе поставит». — Фаерман Е. Ю. Проблемы долгосрочного планирования. М.: Наука, 1971. С. 172.

В-третьих, в процессе материального производства создаются не только вещи, нужные людям. Здесь создаются ***основы их образа жизни***. В зависимости от уровня и характера производительных сил складываются между людьми их производственно-экономические отношения»[4].

Чтобы держаться посылки исторического материализма, нужно, следовательно, всегда ясно различать, что есть идея, мысль, образ, услуга[5], духовное благо и что есть вещь, энергия, перемещение вещей, энергии. В частности, отграничение сферы материального производства от всех прочих требует и отделения перевозки вещей (грузовой транспорт) от перевозки людей (пассажирский). Водители грузовых машин и автобусов могут делать совершенно одинаковые операции. Но дело не в операциях. Дело в той объективной роли, которую водители выполняют в обществе. Одни оказываются занятыми в сфере материального производства, другие — нет.

Заметим, что хотя по отношению к подавляющему большинству сфер общественной деятельности ясно, являются ли основным продуктом этой сферы вещи или идеи, бывают и случаи, когда такое различение провести сложно. Это лишь другое выражение тесной взаимосвязи двух сфер и свидетельство того, что есть граница, где одна переходит в другую и которая состоит из пограничных переходных видов труда.

Из того факта, что идея имеет материальный носитель, нельзя, конечно, заключать, что производство идей есть материальное производство. Вполне понятно, что нет идей, которые бы не имели материального носителя, которые «перескакивали бы из мозга в мозг» без помощи бумаги, звука, света и т. д. Но осознание этого реального факта не мешает нам видеть в живописи и музыке передачу образов, настроения, а не мазню и не сотрясение воздуха.

Одну и ту же идею, скажем, проект нового станка, можно изложить с помощью чертежа, с помощью киноленты, с помощью

---

[4] Мишин В. И. Ленинская методология социального познания. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2003. С. 14–15.

[5] Услуга рассматривается здесь как труд, по отношению к которому предметом выступает не природа, не вещь, а человек.

макета, словами, наконец. От этого она не перестаёт быть идеей. Она не приносит поэтому новых продуктов до тех пор, пока не материализуется в металле и не включится в общественный процесс производства.

Идей не прибавится ни на йоту, если вместо одного высокопроизводительного станка будет установлен миллион таких станков, идея уже сделала своё дело, но только массовое применение новых станков, новых технологических способов в производстве может поднять производство на качественно иной уровень. Общество останется бедным, если будет иметь лишь идеи или единичные экземпляры станков и технологических способов, хотя бы и самых высокопроизводительных, и станет богатым, если материализует хотя бы часть передовых технических идей, но действительно в широких масштабах.

Именно теперь, когда наука стала играть такую большую роль, особенно важно не обманывать себя в отношении действительного роста богатства общества, ибо с ростом сферы науки, с ростом материальных затрат на её развитие возрастает и необходимость обеспечивать быструю и широкую материализацию её идей. Не отличая идею от её материального воплощения, от её массового распространения уже не как идеи, а как определённой вещественной потребительной стоимости, невозможно по-настоящему активно способствовать техническому прогрессу.

Не случайно, что понятие стоимости Марксом рассматривалось только для материальных благ. Только в этом случае движение стоимости верно изображает движение материальных благ в процессе их производства, обмена, распределения и потребления, и только в этом случае теория стоимости является материалистической теорией, помогает изучать отдельно отношения в сфере материального производства, не путать их с отношениями в сфере духовной, идеологической и т. д.

Кстати сказать, выражение «создавать стоимость» является фигуральным. Если понимать его буквально, то оно будет означать «создавать трудности», а их надо бы уменьшать, а не создавать. Экономическим законом является закон экономии труда, закон уменьшения, а не увеличения стоимости производимых продуктов. Указанное выражение правильно понимать лишь в смысле «создавать материальные блага, имеющие стоимость».

В интерпретации некоторых экономистов стоимость не является выражением производственных отношений людей, проявляющихся как вещи, различие между сферой производства материальных благ и нематериальной сферой стирается[6]. В действительности же необходимо рассматривать общественные отношения, прежде всего, в сфере производства, изучать их вещную оболочку и за вещной оболочкой стараться обнаружить общественное отношение по поводу вещей (а не по поводу идей). Расширение определения стоимости за рамки отношений по производству вещей, изучение отношений людей и по поводу вещей, и по поводу идей одновременно, ведёт к неправомерному отождествлению отношений различного рода. Именно таков итог «неузкого» определения стоимости.

Расчёт национального дохода, вытекающий из материального понимания стоимости, необходим, чтобы отделять производство материальных благ от всех видов деятельности, чтобы иметь материал для изучения внутренних пружин развития человеческого общества, и, следовательно, для того, чтобы предсказывать его дальнейшее развитие. Сказанное, разумеется, не снижает значимости количественной оценки услуг, а также учёта труда, затрачиваемого в научной сфере.

Тот, кто отклоняет идею примата материального производства, вольно или невольно отказывается и от использования метода материалистической диалектики при исследовании общественной

---

[6] М. В. Солодков писал, например: «Учёный своим абстрактно-человеческим трудом создаёт стоимость». — Солодков М. В. Сущность и всеобщие формы производительного труда при капитализме // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1970, № 2. С. 78. Столь же нематериалистично понимали стоимость Вальтух К. К. (Общественная полезность продукции и затраты труда на её производство. М.: Мысль, 1965), Глязер Л. С. (Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1968), Олдак П. Г. (Экономические проблемы повышения уровня жизни. М.: Экономиздат, 1963) и некоторые другие. Э. М. Агабабьян следующим образом определял стоимость: «Стоимость есть исключительно социальная форма существования нематериального продукта как сгустка общественно необходимого труда» // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1967, № 2. Исходя из этого определения, придётся заключить, что стоимость создаётся в нематериальной сфере и не создаётся в материальной.

жизни. Так, А. Бузгалин и А. Колганов, разделяя представление о «закате эпохи доминирования материального производства»[7], соответственно характеризуют и методологию научного исследования: «…Диалектический метод не претендует на абсолютную метасистемность (в отличие от постмодернизма, возводящего свой плюрализм-равнодушие в абсолютную ***догму***), он историчен. В частности, диалектический метод наиболее адекватен для эпохи „экономической необходимости“ и может быть снят в методе диалогического, „полифонирующего“ сотворчества как более адекватном для царства свободы»[8].

В действительности же диалектико-материалистический метод как адекватный метод познания истины образует основу научного исследования социально-экономических процессов в рамках любой исторической эпохи. Он позволяет раскрывать противоречия, образующие источник развития каждого способа производства с выявлением как позитивных, так и негативных тенденций. Отказ от него ведёт к эклектическому «примирению» сторон противоположностей — «полифонии», по сути, ничем не отличающейся от методологического «плюрализма-равнодушия». Разумеется, исследователи выбирают методологию по своему усмотрению. Но какое отношение подобная «полифония» — «диалогия» имеет к потенциалу марксистского метода, когда общеизвестно, что живую душу марксизма образует именно диалектика?

Итак, согласно материалистическому пониманию, определяющим в человеческой истории является, в конечном счёте, производство и воспроизводство материальных благ. Исторический материализм выделяет из всех сфер общественной жизни и изучает, прежде всего, сферу материального производства, так как именно в ней заложены внутренние пружины общественного развития, именно ею определяется, в конечном счёте, поступательное движение общества вперёд. Для того, чтобы пользоваться

---

[7] Бузгалин А., Колганов А. Потенциал марксистского метода: новые ответы на вызовы социально-экономических проблем XXI века. М.: Экономический факультет МГУ, 2004. С. 14.

[8] Бузгалин А., Колганов А. Потенциал марксистского метода: новые ответы на вызовы социально-экономических проблем XXI века. С. 10.

историко-материалистической методологией, необходимо, следовательно, отделять производство материальных благ от производства услуг и идей.

Важнейшим инструментом такого разграничения является понятие производительного труда. В необходимости такого разграничения содержится объяснение, почему производительный труд определяется как материально-производительный труд.

Глава II

ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК СРЕДСТВО ОТДЕЛЯТЬ ПРОИЗВОДСТВО МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ ОТ ПРОИЗВОДСТВА УСЛУГ И ИДЕЙ

Всякое определение выполняет в науке служебную роль.

Сформулировать определение отнюдь ещё не означает прибавить знаний о предмете или явлении. Наоборот, только на основе изучения предмета или явления оно может быть определено. Причём, первое, что требуется от всякого определения, — выделить предмет или явление из всех остальных для последующего более глубокого его исследования, для того, чтобы перейти от определения предмета к его понятию[9]. Определение производительного труда выделяет, следовательно, труд «производительный» из всех остальных видов труда, отделяет его от прочих видов общественно полезной деятельности.

2.1. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И УЧЕНИЕ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Формально ничего не стоит причислить к производительному любой вид труда. Достаточно лишь дать производительному труду соответствующее определение. Но поможет ли такое определение в исследовании? Будет оно способствовать или препятствовать применению научно выверенной методологии? Где провести грань между производительным и непроизводительным трудом? Нужно ли вообще проводить эту грань?

---

[9] «Определённость есть отрицание, положенное как утвердительное, — это и есть положение Спинозы: Omnis determination est negation (всякое определение есть отрицание). Это положение имеет бесконечную важность». — Гегель. Соч., т. V. С. 106. Определение есть отрицание. Оно отрицает другие предметы, явления как не подходящие под данное определение, чтобы выделить данный, исследуемый.

Само собой разумеется, что если на последний вопрос дать отрицательный ответ, т. е. считать всякий труд производительным, то прибавление слова производительный к слову труд явится излишним и будет только засорять язык. Оно столь же нелепо тогда, как и прибавление к слову жар слова горячий, к слову богатырь слова сильный и т. д. Из предыдущего вытекает, однако, что грань между производительным и непроизводительным трудом проводить нужно. Деление на производительный и непроизводительный труд необходимо для того, чтобы успешно пользоваться методом исторического материализма. Это деление нужно провести так, чтобы оно помогало выделению производительного труда из всех сфер деятельности и изучению сферы материального производства. Из всех видов труда необходимо, следовательно, выделить труд по производству материальных благ. Соответственно этому производительный труд должен быть определён как материально-производительный труд.

Итак, мы получаем следующее определение производительного труда.

Производительный труд — это труд, непосредственным и основным результатом которого являются вещь, энергия или перемещение вещей (энергии) в пространстве. Слово «непосредственный» означает здесь, что между человеком и вещным предметом труда не стоит ни один человек, разделяет их только средство труда[10]. Труд, основным результатом которого являются идея, образ и вообще духовное благо, или тот труд, который в качестве предмета труда имеет человека, не овеществляясь предварительно в предмете, — это труд непроизводительный. Он непроизводительный в том смысле, что производит блага иного рода, не материальные и, если участвует в производстве материальных благ, то не непосредственно, а опосредствованно, через других людей, косвенным образом[11]. Во избежание

[10] «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средство производства, а самый труд — как производительный труд». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 192.

[11] «Косвенно участвующий в производстве труд…мы и называем непроизводительным трудом». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 289. «Непроизводительные виды труда непосредственно не участвуют в образовании материального богатства». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 199.

недоразумений К. Маркс специально подчёркивал: «…то обстоятельство, что все другие виды деятельности в свою очередь воздействуют на материальное производство, и наоборот, абсолютно ничего не меняет в необходимости такого различения»[12].

Производительный труд определяется как материально-производительный труд именно с той целью, чтобы сделать возможным применение научно выверенной методологии. Ясно, что если бы деления на производительный и непроизводительный труд ещё не было или если бы это деление проходило не по границе материально-производительного труда, а отсекало бы часть труда материально-производительного или присоединяло к нему другие виды труда, то рано или поздно подобное деление было бы осуществлено.

При этом неважно, как назывались бы эти две группы, на которые разделился весь общественный труд. Суть осталась бы той же — отделение труда, непосредственным результатом которого являются вещь, энергия или их перемещение, от труда, непосредственным результатом которого являются идея, образ, мысль, услуга. Что касается самого термина «производительный труд», то он имеет лишь то преимущество, что предполагает известный уровень знаний для понимания его экономического смысла.

Наряду со своим непосредственным результатом (вещью, энергией и их перемещением) производительный труд высвобождает время для иной, социальной деятельности: труд изначально настолько производителен, что позволяет создавать материальные предпосылки, необходимые для жизни человека, не поглощая всего времени его жизнедеятельности вне рамок времени удовлетворения естественных потребностей.

Труд формирует человека, образуя специфически общественную деятельность, выделяющую человека из животного мира. Человек становится общественным существом, когда создаёт средства производства для производства других средств производства. Обезьяна может использовать палку для того, чтобы достать плод, но она не в состоянии создать топор, чтобы изготовить палку. Именно средства производства для производства средств производства выступают основным предметным воплощением социального.

---

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 449.

Производительный труд требует от человека концентрации внимания, волевого напряжения, целеустремлённости — всего того, что отличает собственно человеческую деятельность от инстинктивной.

В соответствии с сущностью потребности как выражения зависимости человека от внешних условий его существования труд сам становится человеческой потребностью.

Жизнедеятельность человека не сводится к труду. Человек должен удовлетворять свои естественные потребности. Он нуждается в общении и в удовлетворении других социально обусловленных потребностей. Всё это — необходимые моменты воспроизводства человека, влияющие на его способность к труду.

Вместе с тем удовлетворение всех отмеченных потребностей предполагает непосредственно производительную трудовую деятельность. Предмет потребления создан трудом. Даже в том случае, когда речь идёт о присвоении данного природой — это присвоение опосредствуется трудом. Удовлетворение социально обусловленных потребностей происходит в рамках времени, высвобождённого трудом, представляющего его экономию. То, что удовлетворение естественных потребностей осуществляется по-человечески, а использование нерабочего времени происходит осмысленно, также обусловлено сущностью человека как труженика.

Таким образом, производительный труд образует основу, субстанцию всего социального. Это означает, что всё социальное производно от него, несёт на себе его отпечаток, что воспроизводство общественного с необходимостью включает в себя воспроизводство труда, что потребность в труде — основополагающий элемент системы человеческих потребностей.

Производительный труд, обеспечивая удовлетворение потребностей людей, общественно полезен (в соответствии с пониманием полезности как способности удовлетворять человеческие потребности). Поскольку такой труд образует субстанцию всего социального, то и социальная деятельность, не являющаяся производительным трудом, обретает способность быть общественно полезной.

Общественно полезная деятельность за рамками производительного труда воспроизводит целенаправленность, берущую своё начало в целесообразности труда, она нередко требует

значительных физических и интеллектуальных усилий. Без развития такой деятельности невозможен прогресс общества, включая прогресс работника как главной производительной силы. Всё это нередко порождало и порождает представление о тождественности любого вида общественно полезной деятельности с производительным трудом.

На протяжении долгого отрезка истории, со времён А. Смита существует критика определения производительного труда как труда материально-производительного, и в течение всего этого времени сторонники расширительной концепции пытаются убедить остальных исследователей расширить своё «узкое» определение. Однако не удавалось и не удастся убедить экономистов, понимающих историко-материалистический смысл деления на производительный и непроизводительный труд и умеющих пользоваться соответствующей методологией, принять расширительную трактовку производительного труда.

Предложения отказаться от «узкого» определения производительного труда и включить в состав производительного не только материально-производительный, но и целый ряд других видов труда или даже все их, сопровождаются выдвижением иных определений. Разумеется, дать другое определение несложно. Проблема в том, чтобы с этим определением добиться позитивных для науки результатов, вот тогда с ним можно будет считаться.

Так, А. Маршалл — сторонник расширительной концепции производительного труда полагал возможным «определить *труд* как всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы. И если мы хотим заново рассмотреть проблему, то лучше всего считать производительным всякий труд, за исключением того, который не достигает поставленной цели, а, следовательно, не создаёт никакой полезности»[13].

Отметим, что процитированный английский экономист справедливо рассматривал производительный труд как целесообразную деятельность, целью которой является не только она

[13] Маршалл А. Принципы экономической науки, т. I / Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. С. 124.

сама, но и достижение другого результата. Отмеченные признаки, действительно, присущи труду. Но в приведённом положении не учитывается определённость предмета человеческой деятельности и соответственно её результата. Так, например, уход за больными — деятельность, приносящая результат, требующая физических усилий, сама по себе не всегда приятная, но не тождественная производительному труду. По определению же А. Маршалла, она подпадает под понятие производительного труда, что и свидетельствует об отождествлении такого труда данным автором с любой полезной деятельностью.

Однако столь широкое определение не удовлетворяло этого экономиста, когда он осуществлял более конкретное рассмотрение процесса производства, требующее учитывать реально существующее различие между производительным и непроизводительным трудом. Определяя, например, труд как фактор производства, он вынужден был сделать следующую оговорку: «Такая работа головой, которая не направлена прямо или косвенно на то, чтобы способствовать материальному производству, например, решение школьником задач, не принимается в расчёт, когда мы рассматриваем производство в обычном смысле этого термина»[14].

Оговорка вполне обоснованная. Однако, как же быть с определением труда, сформулированным самим А. Маршаллом? Ведь решение школьником задачи, безусловно, представляет собой «умственное усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата». Одно из двух: либо, следуя данному этим автором общему определению, надо посчитать решение задачи за труд производительный, как и всякий другой; либо — отказаться от столь широкого определения производительного труда в пользу согласующегося с приматом производства. Абсурдность первого предположения — ещё одно свидетельство необходимости отклонить широкое определение производительного труда.

Для теоретического направления неоклассиков, к которому принадлежал этот известный экономист, и которое не придерживалось примата материального производства, не удивительна

[14] Маршалл А. Принципы экономической науки, т. I. С. 208.

склонность к расширительному определению производительного труда. Но подобную склонность проявляли и проявляют некоторые авторы из числа тех, кто декларировал свою приверженность марксизму. Как они пришли к такому результату?

Исходя из марксистской идеи о том, что производительный труд создаёт стоимость, они объявляют производительным ещё какой-либо вид труда и тогда национальный доход, то есть вновь созданная стоимость, сразу становится больше. Ну как после этого не посчитать труд, если не всех, то хотя бы расширяющих определение производительного труда экономистов, производительным, как не присоединиться к расширительной концепции и как не выступить за максимально возможное расширение определения производительного труда!

Подобные «открытия» заставляют специально остановиться на разъяснении того, почему лишь материально-производительный труд создаёт стоимость. В предыдущей главе было подчёркнуто, что историко-материалистическая методология требует выделения и отдельного изучения производства материальных благ как основы общественного развития. Поэтому и вопрос о стоимости правомерно ставить только по отношению к материальным благам. Стоимость в этом случае выступает как мерило материального богатства общества, и движение стоимости даёт не только качественную, но и количественную характеристику движения материальных благ. Только при таком построении теории стоимость создаётся в производстве и является отношением по поводу вещей, прикрытым вещной оболочкой, а не по поводу идей или услуг. Только в этом случае теория стоимости является материалистической и согласуется с принципом примата производства.

Раз понятие стоимости применимо только по отношению к материальным благам, как очевидное следствие получается вывод, что только труд, непосредственно создающий материальные блага, то есть материально-производительный труд, создаёт нечто, имеющее стоимость, и, следовательно, все другие виды труда стоимости не создают. Выражение «труд, создающий стоимость», расшифровывается, следовательно, следующим образом. Это — труд, в качестве конкретного труда непосредственно создающий материальные блага и в качестве абстрактного

выступающий мерилом затрат общечеловеческой рабочей силы на производство этих материальных благ.

К выводу о том, что не только материально-производительный труд создаёт стоимость, приходят те экономисты, которые вольно или невольно отрицают материалистическое содержание теории стоимости. Б. В. Ракитский, например, давал стоимости такое определение, которое буквально лишает её связи с производством материальных благ. Он писал: «Стоимость — это экономическое отношение, складывающееся по поводу косвенной оценки общественной производительности, полезности и эффективности экономически обособленных видов труда. Спрашивается теперь, возникает ли такое отношение по поводу всего общественно организованного труда или же только по поводу труда, производящего материальные блага?»[15]. Несомненно, налицо отказ от материалистического построения трудовой теории стоимости. К тому же данное положение не учитывает, что экономическое отношение, по определению, есть отношение по поводу вещей, а не по поводу косвенной оценки чего бы то ни было.

Определение производительного труда как материально-производительного К. Маркс считал основополагающим определением, и труд в этом определении фигурировал в его произведениях как «производительный труд вообще»[16]. Однако, будучи капиталистически организованным, производительный труд не мог выступать только в своей основной форме, в форме материально-производительного труда. Для того, чтобы быть трудом, производящим материальные блага, он должен был в то же самое время быть трудом, производящим прибавочную стоимость. Производительный труд

---

[15] Ракитский Б. В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 54.

[16] «Только буржуазная ограниченность, — писал Маркс, — считающая капиталистические формы производства единственными, может смешивать вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, тем самым есть уже производительный труд». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 400.

при капитализме выступает, следовательно, ещё и в превращённой форме, в форме труда, производительного с точки зрения капитала.

Маркс отмечает, что при капитализме «понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и её полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала»[17]. С точки зрения капитала «лишь тот труд производителен, который производит непосредственно прибавочную стоимость, и лишь тот применяющий свою способность к труду есть производительный рабочий, который производит непосредственно прибавочную стоимость»[18].

Поскольку для того, чтобы производить прибавочную стоимость, труд должен производить стоимость и поскольку стоимость производится трудом производительным вообще, т. е. материально-производительным трудом, постольку прибавочная стоимость создаётся лишь материально производящим трудом. Поэтому вызывает удивление высказывание о том, что в «марксистской модели понятие труда, например, связывается не с вещественными действиями человека, а с созданием меновых стоимостей…»[19]. Ведь нельзя создавать меновых стоимостей, не преобразуя вещество природы (или не производя энергии).

Вместе с тем не всякий, а лишь капиталистически организованный материально-производительный труд создаёт прибавочную стоимость. Имея в виду это обстоятельство, К. Маркс в XIV главе I тома «Капитала» указывал, что сформулированное им в V главе определение производительного труда, выделенное из самой природы материального производства, суживается под влиянием капиталистических производственных отношений[20].

Создаётся прибавочная стоимость материально-производительным трудом, но приносить её капиталисту может отнюдь

---

[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 517.

[18] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII). М.: Партиздат, 1933. С. 127.

[19] Цвылев Р. И. Информационная сущность экономических процессов // Информационное общество и Россия / Под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осьмовой. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. С. 53.

[20] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 517.

не только материально-производительный труд. Капиталистически организованная непроизводственная сфера порождает, следовательно, ещё одну форму производительного труда, когда производительным считается всякий труд, ***приносящий*** капиталисту прибавочную стоимость, независимо от того, создаёт он её или не создаёт. Труд, непроизводительный с точки зрения капитала, может поэтому быть производительным с точки зрения отдельного капиталиста, вложившего свой капитал в непроизводственную сферу: «Актёр, например, и даже клоун, является в соответствии с этим производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренёра), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы»[21].

В глазах отдельного капиталиста совершенно потеряна основа — производство материальных благ — и имеет значение лишь тот факт, приносит или не приносит ему данный труд прибавочную стоимость. Поэтому с этой точки зрения «один и тот же вид труда может быть как производительным, так и непроизводительным»[22]. Труд в сфере обращения, например, результатом которого является смена форм стоимости товаров, является производительным для торгового капиталиста, ибо он увеличивает стоимость его капитала[23], но с точки зрения промышленного капиталиста этот труд является непроизводительным, ибо он непосредственно не связан с процессом производства материальных благ — процессом, где происходит реальный метаморфоз стоимости[24]. И как бы подчёркивая ещё раз, что во всех этих случаях речь идёт не о производительном труде вообще и не о труде производительном с точки зрения общественного капитала, хотя бы точка зрения промышленного капиталиста и совпадала с ней, а о труде, производительном с точки зрения отдельного капиталиста, Маркс пишет: «Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда со стороны владельца денег, капиталиста»[25].

---

[21] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 139.

[22] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 410.

[23] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 331.

[24] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 306, 331.

[25] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 139.

Когда начинается становление непосредственно общественного производства, прекращается абсолютное господство тех превращённых форм производительного труда, которые тесно связаны с капиталистическими производственными отношениями. В результате возникает новый критерий производительного труда как труда, производительного с точки зрения непосредственно общественного производства, т. е. такого материально-производительного труда, который организован социалистически и затрачивается на социалистических предприятиях.

В переходный период, следовательно, наряду с основной формой производительного труда (основной в том смысле, что она лежит в основании всех остальных) и определяемой как материально-производительный труд, существовало ещё три формы производительного труда: 1) труд, производительный с точки зрения общественного капитала (сужающий определение производительного труда вообще до границ материального-производительного труда, создающего прибавочную стоимость); 2) труд, производительный с точки зрения владельца денег, капиталиста (означающий всякий труд, приносящий капиталисту прибавочную стоимость); 3) труд, производительный с точки зрения нового способа производства (такой материально-производительный труд, который организован социалистически и затрачивается на социалистических предприятиях).

В период многоукладности экономики определение труда, производительного с точки зрения коммунистического способа производства, было гораздо более узким определением, чем основное определение производительного труда, так как значительная часть материально-производительного труда затрачивалась в капиталистически организованных, мелких крестьянских или патриархальных хозяйствах.

С преодолением многоукладности определения производительного труда, связанные с капиталистической формой ведения хозяйства, теряют свою реальную основу в экономической жизни. В социалистической экономике корни имеют лишь два определения производительного труда: труд, производительный вообще, т. е. материально-производительный труд и возникший на основе этого определения и определяемый господствующей общественной формой производства труд, производительный с точки зрения

данного способа производства, т. е. материально-производительный труд в социалистически организованной системе народного хозяйства.

Расхождение между этими двумя определениями состоит лишь в том, что, согласно определению труда, производительного с точки зрения непосредственно общественного производства, производительным не является материально-производительный труд, затрачиваемый в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

Оба определения своей главной функцией имеют отделение производства материальных благ от производства услуг и идей. С отмиранием материально-производительного труда в личном подсобном и домашнем хозяйстве эта функция становится единственной, и определения сливаются. В применении к высшей стадии коммунистической формации определение труда, производительного вообще, оказывается одновременно и определением с точки зрения господствующей формы производства. Оно регистрирует степень общественного разделения труда между трудом, непосредственно производящим материальные блага, и трудом, непосредственным и основным результатом которого являются идеи, мысли, образы, услуги.

Главный вывод, который вытекает из предыдущего — необходимость разделения всех видов общественно полезного труда на две группы, производительного и непроизводительного, диктуется историко-материалистической методологией и неразрывно связана с ней. Понятие производительного труда служит важным средством отделять производство материальных благ от производства услуг и идей и в этом своём качестве является одним из важнейших инструментов экономического анализа.

2.2. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РАСШИРИТЕЛЬНЫХ ТРАКТОВОК ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Подавляющее большинство советских экономистов к теории производительного труда подходили с пониманием необходимости и причин указанного деления на производительный

и непроизводительный труд. Среди них Е. Каганов и В. Штипельман[26], Д. Правдин[27], Н. А. Цаголов[28], Т. Полякова[29], В. Лозовой[30], Д. И. Росин[31], А. Г. Корягин[32], П. И. Багрий[33] и др. Среди тех, кто не придерживался основной посылки исторического материализма, давая определение производительному труду, т. е. не проводя деление на труд производительный и непроизводительный, — В. А. Медведев[34], Э. М. Агабабьян[35], Б. В. Ракитский[36], Л. С. Глязер[37] и некоторые другие. Л. С. Глязер вообще отказался от такого деления, объявляя всякий труд производительным.

П. И. Багрий писал о предтечах расширительной концепции: «Что же касается духовных отцов этой расширительной концепции, то, как мы уже упоминали, у её истоков ещё в XVII в. стояли В. Петти, Г. Кинг, П. Буагильбер и др. Её же широкому воскрешению не столько способствовал Ж. Б. Сэй (который наряду с другими также выступал против материальной концепции А. Смита),

---

[26] Каганов Е., Штипельман В. Границы производительного труда // МЭиМО, 1970, № 12.

[27] Правдин Д. Непроизводственная сфера при социализме // Правда, 1971, 21 сентября.

[28] Курс политической экономии / Под ред. Н. А. Цаголова. Т. I. М.: 1963. С. 483.

[29] Полякова Т. К вопросу о разграничении производительного и непроизводительного труда // Экономические науки, 1970, № 3.

[30] Лозовой В. Против крайности в трактовке производительного труда // Экономические науки, 1970, №3.

[31] Для блага человека. О росте общественных фондов потребления в период перехода к коммунизму. (Сб. статей.) 1962. С. 21.

[32] Корягин А. Научно-техническая революция и пропорции социалистического воспроизводства. М.: Мысль, 1971.

[33] Багрий П. И. Динамика и структура общественного производства при социализме. Киев: Наукова думка, 1971.

[34] Медведев В. А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М.: Экономика, 1968.

[35] Агабабьян Э. М. Экономический анализ сферы услуг. М.: Экономика, 1968.

[36] Ракитский Б. В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966.

[37] Глязер А. С. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1966.

сколько А. Маршалл. По свидетельству П. Студенского, „последний в своей книге «Экономика промышленности», опубликованной в 1879 г., а также в своих последующих работах выступил в поддержку расширенной концепции производства, и благодаря его авторитету все современные экономисты (исключая марксистов) восприняли её“[38]»[39].

Среди отечественных экономистов, формально придерживавшихся марксизма, одними из первых выступили против деления на производительный и непроизводительный труд В. Базаров[40] и А. Богданов[41].

А. Богданов писал об определении производительного и непроизводительного труда: «Производительным трудом мы должны называть всякий труд, направленный к удовлетворению потребностей производственной системы»[42]. Этот автор отмечал также: «Классическая экономия принимала другой критерий для „производительного“ или „непроизводительного“ характера человеческого труда. По её обычному определению, „производителен“ только такой труд, который непосредственно воплощается в материальных продуктах: физический труд большинства современных рабочих, крестьян, ремесленников. Для тех же случаев, когда материальных продуктов из данного труда прямо не получается, а в то же время он данной системе производства объективно нужен, создаётся особая категория — „непроизводительного общественно полезного труда“. Такова, оказывается, работа

---

[38] Студенский П. Доход наций. М., 1968. С. 54.

[39] Багрий П. И. Динамика и структура общественного производства при социализме. Киев: Наукова думка, 1971. С. 12.

[40] В. Базаров писал, что производительным трудом является любой необходимый для общества труд, в том числе и труд, занятый в торговле, банковском деле и даже «переливание воды из пустого в порожнее», если это занятие было бы безусловно необходимым при данном общественном строе для того, чтобы сделать эту воду предметом потребления. См. Базаров В. Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб., 1897. С. 40.

[41] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2, вып. IV, ГИЗ, 1919. С. 16–17. Выпуск написан А. Богдановым.

[42] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 9.

организаторская, педагогическая, транспортная, научная, литературная и т. д.»[43]. А. Богданов с сожалением указывал на то, что «эти воззрения старой политической экономии не были Карлом Марксом подвергнуты той критике, которой они заслуживают: в общем, он сам их поддерживал»[44].

По Богданову «легко показать, насколько подобное разграничение нецелесообразно. Оно искусственно в самой своей основе, потому что органически-целостную систему социального труда оно разбивает на две части, реально одна без другой невозможные и немыслимые»[45]. Приведённый А. Богдановым довод, безусловно, несостоятелен. Если следовать подобному подходу, то, например, анатомия должна покончить с рассмотрением в отдельности головы и тела, поскольку тем самым она «органически целостную систему» «разбивает на две части, реально одна без другой невозможные и немыслимые».

Богданов забыл, что определения для того и существуют, чтобы отделять определяемое от всего остального, а не смешивать с ним, и вот его вывод: «В конечном итоге, разделение общественно полезного труда на „производительный“ и „непроизводительный“ следует отвергнуть, как бесплодное усложнение, способное только запутывать анализ. Всякий труд, удовлетворяющий общественную потребность, и, следовательно, — объективно нужный для данной экономической системы, должен быть признан производительным. Противопоставлять ему надо только социально-бездеятельное существование и разрушительный труд — общественный паразитизм и антисоциальную активность»[46].

В более поздний период рассуждения, подобные рассуждениям А. Богданова и сводящиеся к азбучному «мамы всякие нужны, мамы всякие важны», звучали, конечно, необязательно в столь

---

[43] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 11.

[44] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 12.

[45] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 11.

[46] Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 16–17.

простой и ясной форме. Многие авторы старались придать им ультрасоциалистическое звучание. К. К. Вальтух, например, писал: «Поскольку труд в нематериальном производстве при социализме отвечает общей цели — повышению благосостояния и свободному всестороннему развитию членов общества, он является производительным»[47].

В действительности, различая «материально-производительный труд» и «социалистический труд», можно было бы написать: «Поскольку труд в нематериальном производстве при социализме отвечает общей цели — повышению благосостояния и свободному всестороннему развитию членов общества, он является социалистическим». Подход же К. К. Вальтуха предполагает использование двух понятий для обозначения того, что при социализме труд является социалистическим и препятствует выражению менее очевидной мысли о том, что труд, непосредственно производящий материальные блага, выполняет в процессе общественного воспроизводства иную роль, нежели труд, результатом которого является идея, образ, мысль, услуга.

С позиций марксистской теории, обоснованно положение Г. Д. Подобулкина: «Одной из наиболее существенных ошибок является стремление ряда экономистов отождествить понятия „производительный труд вообще“ и „труд, производящий вообще что-либо полезное“. Эта точка зрения отступает от положения К. Маркса и ведёт к расширительной трактовке производительного труда (С. Г. Струмилин, Арт. Адолин, Вл. Медведев, Л. С. Глязер, Б. В. Ракитский, Я. Певзнер, Л. И. Тыкоцкий и др.). К. Маркс не только не допускал такого смешения, но, напротив, неоднократно резко критиковал взгляды буржуазных экономистов, совершавших эту подмену понятий (Ж. Б. Сэя, Н. Сениора, П. Росси и др.)»[48].

Попытка отождествить производительный труд и другие виды общественно полезной деятельности встречается и в современной философской литературе. Так, В. Г. Комаров, в целом очень

---

[47] Вальтух К. К. Общественная полезность продукции и затраты труда на её производство. М.: Мысль, 1965. С. 66.

[48] Подобулкин Г. Д. Методология исследования производительного и непроизводительного труда. Автореф. дис. канд. экон. н. Ленинград, 1972. С. 7.

содержательно и интересно исследуя проблему труда, утверждал, однако: «Врач восстановил здоровье человека — что воспроизвёл он? Совокупность человеческих функций, способностей — это ли не действительность, не материя и не продукт производительного труда?.. Учитель проделал труд порождения общественной материи, и, стало быть, его труд столь же материальный и производительный, как и труд хлебопашца, шахтёра, пекаря, токаря и т. д.»[49]. Безусловно, человек материален, и его организм выступает материальным предметом деятельности врача. Несомненно, в результате обучения происходит социализация человека, то есть освоение им накопленных человечеством знаний и норм поведения, что способствует превращению биологической особи в общественное существо. Но это не означает, что данные виды общественно полезной деятельности равнозначны предметно-преобразовательной деятельности человека.

Человек как материальное существо отличается от предметной составляющей материального мира. Соответственно деятельность, направленная непосредственно на человека, имеет иное объективное значение, чем предметно-преобразовательная деятельность. В первом случае предполагается сохранение, восстановление или развитие умственных и физических способностей человека, определение порядка его действий, что не является производственным потреблением. Во втором случае предмет труда изменяет свою форму и в качестве продукта человеческой деятельности должен быть потреблён, что означает утрату его предметного бытия или существенных свойств. В таком отношении результаты деятельности шахтёра и токаря принципиально отличаются от результатов деятельности врача, учителя или управленца.

Производительный труд и другие виды труда существенно различаются не только по результатам, но и по содержанию и условиям осуществления. Трудовая деятельность, как взаимодействие человека с природой, подчинена внешней необходимости, когда человек вынужден считаться с природными закономерностями (что, кстати, и обусловливает у человека формирование воли,

[49] Комаров В. Г. Правда: онтологическое основание социального разума. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 370.

концентрацию внимания и т. д.). Нередко использование природных закономерностей в процессе труда сопряжено с их неблагоприятным влиянием на человеческий организм, производственными травмами, профессиональными заболеваниями.

При отношении человека к человеку природная необходимость отступает на второй план. Режимы деятельности чаще всего не имеют здесь такой жёсткой заданности, как в производительном труде. Деятельность может приносить удовлетворение её исполнителю или сама по себе, или от непосредственного выражения ему благодарности, признания, эмоционального отклика со стороны других людей и т. д. Подобная деятельность, как правило, в меньшей степени сопряжена с негативными последствиями для человеческого организма, чем непосредственно производительная.

Так, характеризуя деятельность инженеров, менеджеров, дизайнеров, консультантов, художников и т. д. в капиталистическом обществе, Р. Райх отмечает: «Помимо прочего, такая работа приносит не только деньги. Люди, ею занимающиеся, в качестве своей самой сокровенной тайны хранят секрет того, насколько им нравится их работа. Да и многое из того, что делают, даже нельзя считать работой в традиционном смысле этого слова. Работники традиционного производства и сферы персональных услуг обречены на монотонный труд, от которого устаёт и слабеет тело, уменьшается независимость человека, его возможность распоряжаться самим собой. „Работа“ тех, кто занимается анализом и символами, напротив, связана с разгадкой головоломок, экспериментами, играми, требует широкого общения, и при этом работник часто сам решает, что именно ему следует делать. Мало кто из занятых в традиционном производстве или сфере персональных услуг стал бы работать, если бы не нуждался в деньгах. А многие из тех, кто занимается анализом и символами, готовы „работать“ даже не ради денег»[50]. Хотя указанный автор не отделяет капиталистический труд от производительного труда вообще, но всё же он раскрывает существенные различия между производительным и непроизводительным трудом.

---

[50] Райх Роберт. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 524–525.

Уместно привести и следующее соображение из произведения Марка Твена — писателя, умевшего ярко выразить своё отношение к сложным общественным проблемам: «Умственный „труд“ неправильно назван трудом; это удовольствие, наслаждение, и в нём самом его высшая награда. Самый низкооплачиваемый архитектор, инженер, генерал, писатель, скульптор, живописец, лектор, адвокат, депутат, актёр, проповедник, работая, блаженствует, как в раю. А что сказать про музыканта, сидящего со смычком в руке посреди большого оркестра, в то время как льющиеся струи божественных звуков плещут вокруг него? Он, конечно, трудится, если вам угодно это называть трудом, но, по правде говоря, такое название — издевательство над самим понятием труда»[51].

Можно посетовать, что приведённая мысль не учитывает ответственности, свойственной перечисленным видам общественно полезной деятельности и которая плохо увязывается с «блаженством рая». Можно вспомнить и о напряжении, которое требуется от исполнителя музыкального произведения. Но в ней всё же отражена специфика деятельности, непосредственно обращённой к человеку или служащей, в первую очередь, средством его самовыражения, от производительного труда в собственном смысле слова.

Проводя различие между производительным и непроизводительным трудом, уместно отметить, что импульс в превращении высокоорганизованного животного в человека исходит не из отношений между особями стада, а из его нового отношения к природе, к добыванию средств существования. Прежде, чем поддерживать здоровье человеческого организма или передавать знания, человек должен был сформироваться как человек в процессе преобразования противостоящего ему природного мира. Лишь в меру прогресса такого преобразования, то есть прогресса труда, он обретает способность лечить, обучать, управлять и т. д.

Объём общественно полезной деятельности за рамками собственно труда определяется масштабами экономии труда. Пока труд малопроизводителен, все иные виды социально полезной

---

[51] Твен М. Принц и нищий. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / Пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. С. 370.

деятельности находятся в зачаточном состоянии. Только при достижении высокого уровня общественной производительности труда непроизводственная деятельность получает развёрнутый характер.

Неправомерность попыток выводить производительный характер труда из его важности, полезности, необходимости и т. д. была исчерпывающим образом раскрыта К. Марксом в его полемике против Гарнье. Имея в виду труд работников, в той или иной степени способствующих воспроизводству рабочей силы, т. е. труд врачей, учителей и т. п., Жермен Гарнье (в 1802 г.) утверждал: «И те и другие имеют конечной целью своего труда один и тот же род потребления»[52].

Вот как возразил ему К. Маркс: «Рассуждая так, придётся заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производителен, как и тот, кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т. д., а разве это не также благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смита какой-нибудь возмущённый друг человечества. Во-первых, А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготовляющий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые „производительные работники“ доставляют также продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что, в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто не выполняет никакого труда»[53].

---

[52] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 168.

[53] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 169.

Если бы всякий труд был объявлен производительным, слово «производительный» оказалось бы ненужным и только засоряло бы язык. Такой привесок к слову «труд» мог бы иметь ценность лишь для тех, кто не знает, что труд в широком смысле, уже по самому своему понятию, есть некоторая целесообразная полезная деятельность, «производящая» что-либо, в противном случае она не называлась бы трудом. Действительный смысл предложений считать всякий труд производительным, как это наглядно продемонстрировал А. Богданов, состоит в уничтожении деления на производительный и непроизводительный труд. Такой же смысл имеет любое иное расширение определения производительного труда за рамки труда материально-производительного.

Позицию сторонников расширительной концепции производительного труда можно принять только в одном случае: если считать, что всякое расширение, даже расширение за рамки истины, есть благо. Но, как хорошо известно, понятие о благе есть понятие социально-классовое, и нетрудно определить класс, для которого выгодны отступления от историко-материалистической методологии. С его точки зрения приемлемо любое деление на производительный и непроизводительный труд, вплоть до отсутствия всякого деления, кроме такого, которое проводится по границе между материально производительным и другими видами труда.

В советской статистике труд по перевозке людей и труд по перевозке вещей попадали в разные категории: первый считался непроизводительным и не относился к производственной сфере, второй считался производительным и причислялся к ней. В связи с этим нередко возникал вопрос: «Как же так, ведь люди выполняют совершенно одинаковые операции и вдруг попадают в разные категории?»

Налицо опять забвение того принципа, согласно которому проводится деление на производительный и непроизводительный труд. Ни важность, ни характер операций не имеют к нему никакого отношения. Определяющим является та роль в процессе воспроизводства, которую выполняет данный вид труда, а роль пассажирского и грузового транспорта различны. Первый перевозит людей, второй — вещи, материальные блага. В первом случае имеет место уже акт потребления, а во втором случае продолжается материальное производство. Точно так же труд по передаче

информации, связь, хотя и играет очень важную роль для управления производством, является непроизводительным. При таком определении перемещение идей не смешивается с перемещением материальных благ. А то обстоятельство, что всякая идея имеет свой материальный носитель, не должно служить основанием для отождествления её с вещью.

Предложение объявить труд по перевозке людей производительным нельзя, однако, не признать — весьма многообещающим. Ведь в этом случае значительное увеличение производства личных автомобилей выступает как прямое расширение сферы производительного труда, и каждый владелец автомобиля, отправляясь за город, сможет наполняться гордостью за то, что он тем самым участвует в производстве. Но ничем не хуже автомобилистов мотоциклисты, велосипедисты и просто пешеходы. Всем им тоже понравится подобное расширение определения производительного труда. Ещё бы! Ведь так приятно, прогуливаясь вдоль берега речки, сознавать, что тем самым ты в поте лица трудишься и этим производительным трудом увеличиваешь богатство общества.

Как только из внимания исследователя ускользает главный принцип деления труда на производительный и непроизводительный — принцип примата материального производства — так сразу начинается критериетворчество. Мы уже познакомились с критерием полезности, нужности, с критерием косвенного воздействия на процесс воспроизводства материальных благ. Это были критерии, так сказать, качественные.

К этому списку можно прибавить ещё один критерий, количественный: относить к производительному труду всякий труд, который в ходе общественного развития приобретает всё больший удельный вес[54]. Но если быть последовательным, то в связи с этим следует не только весь труд в непроизводственной сфере объявить производительным, а заодно труд в сфере материального производства непроизводительным. Тот факт, что им долгое

[54] П. Г. Олдак возмущённо спрашивает: «Почему нужно придерживаться концепции, которая ведёт нас к заведомо неправильному выводу, будто по мере развития коммунистического способа производства общественно полезный труд будет всё в большей степени выступать как труд непроизводительный?». — Олдак П. Г. Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки. М., 1966. С. 43.

время было занято большинство работников, не должен нас останавливать, поскольку критерием является изменение удельного веса данного труда в общей массе труда общества, а удельный вес материально-производительного труда уменьшается. Полученное деление труда на производительный и непроизводительный было бы вполне применимо для марксистов: необходимую грань между производством материальных благ и производством услуг и идей оно проводит, хотя и выворачивает марксистское определение производительного труда наизнанку.

Экономисты, пытающиеся обосновать включение труда, затрачиваемого в непроизводственной сфере, в состав производительного труда, иногда ссылаются на то, что Маркс будто бы не учитывал роли науки, так как в его время она ещё не получила достаточного развития. Любопытно, что эти же экономисты вовсю ссылаются на ранние работы Маркса, когда желают обосновать тезис о превращении науки в непосредственную производительную силу.

Маркс, как показывает обращение к его произведениям, отнюдь не упускал из виду той роли, которую призвана играть нематериальная сфера. Отмечая тот факт, что деятельность работников непроизводственной сферы активно влияет на труд производительных работников, Маркс указывал, что этот факт «отнюдь не уничтожает различия между производительным и непроизводительным трудом; напротив, само это различие выступает как результат разделения труда и в этом смысле способствует развитию общей производительности труда — в силу того, что разделение труда превращает непроизводительный труд в исключительную функцию одной части работников, а производительный труд — в исключительную функцию другой части»[55].

Ряд экономистов подходит к решению вопроса о производительном и непроизводительном труде «с позиций экономики будущего». Как можно, спрашивают они, сохранять различие между производительным и непроизводительным трудом или держаться определения производительного труда как материально производительного, если уже недалёк тот час, когда материально производительный труд будет составлять лишь незначительную часть общественного труда?

---

[55] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 293.

На этот вопрос по существу ответил К. Маркс: «Страна тем богаче, чем меньше при одном и том же количестве продуктов производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда»[56]. Различие между производительным и непроизводительным трудом даёт нам в руки, следовательно, инструмент для оценки богатства общества и с ростом общественного богатства значение этого инструмента не падает, а растёт.

Экономисты, рассматривающие проблему производительного труда «с позиций экономики будущего», ошибаются не только в том, что в будущем надо будет отказаться от деления труда на производительный и непроизводительный труд. Они оказываются, к тому же, столь «логичными», что из фактов будущего хотят вывести необходимость расширения понятия производительного труда уже сегодня.

Среди советских экономистов, высказывающихся в пользу расширенной трактовки производительного труда, были и такие, которые понимали, что деление идёт здесь именно на основе материалистического подхода. В. А. Медведев писал: «Труд музыканта, например, также есть воздействие его на природу с помощью определённых орудий труда — инструментов, с целью удовлетворения человеческих потребностей. Подобно тому, как электричество потребляется людьми уже в виде световых волн, музыкальные инструменты в результате труда человека превращают механическую энергию в энергию звука, в звуковые волны, которые и воспринимаются слушателем»[57].

Нечто подобное писал ещё А. Богданов[58]. Снова приходится иметь дело с повторением той банальной мысли, что идеи, образы и т. п. не «перескакивают» прямо из головы в голову, а имеют какой-либо материальный носитель, причём затушёвывается тот

---

[56] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 215.

[57] Мировая экономика и международные отношения. 1969, № 10. С. 105.

[58] «Даже работа специалиста-производителя в мастерской приводит к удовлетворению потребности производства лишь при том условии, что выражается в словесных указаниях его подчинённым, т. е. принимает физическую форму звуковых колебаний воздушной среды». — Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии, том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 12.

факт, что результат одних видов труда — идея, а других — вещь. По аналогии осталось только взять известную марксистскую истину о том, что познание вообще есть свойство высокоорганизованной материи, без материи не существует, и использовать эту истину как аргумент в пользу того, что познание есть акт материального производства.

Очевидно, что аргументация в пользу расширительной концепции производительного труда на удивление легковесная, поверхностная. Это заставляет усомниться в том, что в основе её лежат чисто научные соображения. На эти же мысли наводит и продолжительная история борьбы за расширение определения производительного труда. Не может быть случайным и обилие определений производительного труда, которые выдвинули сторонники расширительной концепции. Перечислим некоторые из них[59].

1. При социализме всякий труд является производительным трудом, если отношения по участию в этом труде являются коллективными, социалистическими[60].
2. При социализме производительным является тот труд, который непосредственно или косвенно создаёт материальные и духовные блага, потребительные стоимости или необходимые услуги для их производства, независимо от того, создаёт он только необходимый или наряду с необходимым и прибавочный продукт[61].
3. Всякий полезный труд в условиях социализма есть труд производительный[62].
4. Весь труд в социалистическом обществе является производительным[63].

---

[59] Подробную классификацию и критику этих определений в своё время давал Бурлов В. О границах производительного и непроизводительного труда в социалистическом обществе. Дис. канд. экон. н. Ленинград, 1971.

[60] Политическая экономия социализма. Курс лекций. Изд. МГУ, 1963. С. 167.

[61] Дарий М. А. К вопросу о производительном и непроизводительном труде при социализме // Межвузовский сборник по политэкономии. №2. Кишинёв, 1963. С. 118.

[62] Вальтух К. К. Общественная полезность продукции и затраты труда на её производство. М.: Мысль, 1965. С. 69.

[63] Глязер Л. С. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1966. С. 57.

5. …производительный труд в социалистическом обществе — это тот труд, который служит формой движения функционирования всеобщих общественных производительных сил, используемых в интересах наиболее полного удовлетворения потребностей всего общества, планомерно организующего производство на основе общественной собственности на средства производства[64].
6. В социалистическом обществе производительным является тот труд, который основан на использовании средств производства, принадлежащих обществу (или кооперативу), непосредственно обобществлён, причём целью его выступает достижение наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. Отсюда весь труд, занятый в сфере услуг, который входит в ассоциированный труд и подчинён этой единой цели, является производительным трудом[65].
7. Производительным трудом при социализме является непосредственно обобществлённый труд на основе социалистической собственности на средства производства, занятый в планомерно организованном производстве потребительских стоимостей для удовлетворения разнообразных потребностей общества и его членов… Это относится к труду, создающему потребительные стоимости как в материальном, так и в нематериальном производстве[66].
8. В социалистической системе хозяйства все виды труда являются работой на общество, и непосредственно общественный труд является производительным трудом[67].

---

[64] Эпштейн Л. Е. О соотношении категорий «производительные силы», «производительный труд», «производительность труда» // Проблемы развития и использования рабочей силы при социализме. Челябинск, 1967. С. 8–9.

[65] Медведев В. А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М.: Экономика, 1968. С. 127–128.

[66] Куликов А. Г. Значение марксисткой теории производительного труда и производительность труда при социализме // К. Маркс и социалистическая экономика. М.: Экономика, 1968. С. 144–145.

[67] Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М.: 1939. С. 37.

Для приведённых выше определений характерно, что они как бы специально придуманы только для того, чтобы включить в состав производительного труда труд непроизводительных работников. Похоже, что их авторы трудились над решением одной и той же довольно простой задачи: сформулировать определение производительного труда так, чтобы весь или почти весь труд в нематериальной сфере оказался производительным.

Разноречивость и пестрота этих определений, которые может объединить лишь неприятие определения производительного труда как труда материально-производительного, заставляет сделать вывод о том, что для их творцов самым важным было расширить определение, а как расширить — это уже не являлось столь существенным. Волей-неволей приходит на ум мысль о том, что в основе «расширенных» определений лежат отнюдь не только, не столько, а часто и совсем не научные соображения. И, действительно, ряд авторов подтвердили это в явной форме.

Я. Певзнер, например, писал, что, по его мнению, «никакие рассуждения о труде „необходимом, но непроизводительном“ не могут скрыть того факта, что признание деятельности лиц, занятых в сфере обслуживания, трудом, не создающим новой стоимости, принижает их значение и может создать у широких слоёв трудящихся ощущение ненужности их усилий»[68]. Может быть, Я. Певзнеру было неизвестно специально направленное против подобных взглядов замечание К. Маркса о том, что «мораль, как и „заслуга“ того и другого не имеют никакого отношения к этому различению»[69].

Вряд ли это высказывание К. Маркса было не известно академику Струмилину. Он, тем не менее, писал: «Не пора ли уж признать, что любой общественно полезный труд не может быть бесплодным? Социалистический принцип распределения требует от всех сограждан работы по способностям и вознаграждения по их труду, независимо от того, в какой сфере их способности используются в плановом хозяйстве. И признание в этих условиях труда какой-либо категории работников, скажем, учителей и врачей, выполняющих свои обязанности по способностям,

---

[68] Мировая экономика и международные отношения. 1969, №3. С. 92.

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 168.

непроизводительным порочит не только этих работников, но и все мероприятия, умножающие и вознаграждающие такой якобы бесплодный труд»[70].

Проводимое с помощью определения производительного труда отделение материально-производительного труда от всех прочих видов труда является научным, политэкономическим делением, необходимым для пользования методом исторического материализма. Следует поэтому подчеркнуть неправомерность подхода к этому делению из соображений, как бы кого не обидеть. Чтобы не обидеть и не отказываться от научного метода, есть только один путь: разъяснять истинный, научный смысл деления на производительный и непроизводительный труд, доказывать, как это и делал Маркс, что «мораль, как и „заслуга“ того и другого, не имеют никакого отношения к этому различению».

Ещё один сторонник расширения определения производительного труда — Б. В. Ракитский, отмечал: «Кое-кто из экономистов никак не может преодолеть того предрассудка, будто „работники непроизводственной сферы сами не создают фонда своего существования, а получают его из фонда удовлетворения общественных потребностей“[71], образуемого при распределении национального дохода, то есть результатов труда работников материального производства. Получается так, будто работники непроизводственной сферы — иждивенцы, нахлебники работников сферы материального производства»[72]. Нет, непроизводительные работники не иждивенцы, поскольку иждивенцами называются люди неработающие и состоящие на содержании у работающих, не нахлебники, поскольку нахлебники — это люди, уклоняющиеся от общественно полезной деятельности. Но фонды своего существования работники нематериальной сферы не создают просто потому, что нельзя жить в услугах, пить идеи и питаться мыслями, потому что ни идеи, ни услуги не являются средствами существования.

---

[70] Вопросы экономики. 1968, №9. С. 17.

[71] Крутиков Б. Д. Общественные фонды потребления в период развёрнутого строительства коммунизма (по материалам УССР). Автореф. дис. канд. экон. н. Киев, 1964. С. 7.

[72] Ракитский Б. В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 62.

Высказывания Я. Певзнера и С. Г. Струмилина, Б. В. Ракитского раскрывают один из корней расширительной концепции. Это — привнесение в науку ничего общего не имеющих с ней критериев. Между тем научный подход требует максимума объективности. Если те или иные представители непроизводственной сферы, имеющие высшее образование, обижаются, узнавая, что их труд — непроизводительный, то отсюда вовсе не следует, что экономической науке нужно защищать заблуждения, превращаемые в критерий при осуществлении экономических исследований. Как справедливо указывал П. И. Багрий, «при социализме всякий труд является почётным и общественно полезным, независимо от того, считается ли он в научных и статистических сводках производительным или непроизводительным. Что же касается того, что ярлык непроизводительного порочит якобы труд некоторых работников непроизводственной сферы (учителей, врачей и т. д.), то лучший ответ на это дают конкретные социологические исследования. Так, по данным новосибирских социологов, непроизводительные („порочащие“) профессии в области просвещения, культуры и здравоохранения по степени привлекательности для молодёжи стоят намного выше других („непорочащих“), производительных профессий, таких, например, как работники промышленности, строительства или сельского хозяйства. Вполне очевидно, что выдвинутый С. Г. Струмилиным аргумент в плане социальной значимости профессий в защиту его расширительной концепции производительного труда не имеет действительной силы»[73].

К сказанному П. И. Багрием можно добавить лишь следующее. Работники, занятые производительным трудом, пользуются у большинства представителей непроизводительного труда особым уважением в силу тех дополнительных тягот, которые при нынешнем уровне развития производительных сил выпадают на их долю. Труд с объективно низким уровнем элементов творчества, труд, монотонный, мало привлекательный, недостаточно развивающий, не требующий особенно больших знаний, труд во вредных для здоровья человека условиях — это чаще производительный, чем непроизводительный труд.

---

[73] Багрий П. И. Динамика и структура общественного производства при социализме. 1971. С. 16–17.

Неравенство в условиях и содержании труда, которое имеет место при социализме, своей отрицательной стороной направлено в сторону производительных работников. Задача ликвидации социально-экономических различий и состоит, в частности, в том, чтобы поднять содержание и условия труда производительных работников до того уровня, который уже теперь имеет значительная часть работников, занимающихся непроизводительным трудом. Сторонники расширительной концепции выражали, следовательно, настроения части представителей непроизводительного труда, которые, не разделяя всех тех тягот, которые выпадают на долю производительных работников, желают, тем не менее, называться производительными работниками.

Сторонники расширительной концепции производительного труда пытались опереться на идею Маркса о совокупном работнике, включающем не только рабочих, но и инженерно-технических работников. Между тем подобное прочтение данной идеи, по сути, некорректно. В научной литературе справедливо отмечалось: «При внимательном изучении высказываний К. Маркса о „совокупном работнике“ (или „совокупном рабочем“) можно убедиться в том, что это понятие использовалось для определения всей совокупности работников, участвующих в производстве материального продукта, всего комбинированного производственного персонала предприятия, который работает в условиях кооперации и технологического разделения труда. Употребляя в этом смысле, а также в качестве олицетворения субъекта производства понятие „совокупный рабочий“, К. Маркс указывал на внутреннюю социальную неоднородность комбинированного производственного персонала предприятия. Рассматривая, например, инженеров в качестве производительных работников, К. Маркс абстрагировался от конкретного содержания труда инженерно-технического персонала, от места и роли этого персонала в общественном разделении труда, в его организации, от различий между ним и рабочими в культурно-техническом уровне, от тех признаков, по которым инженерно-технические работники в социальном отношении отличаются от рабочего класса как один из отрядов интеллигенции[74].

[74] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 410.

К. Маркс прямо указывал на социальную неоднородность тех, кого он относил к наёмным работникам: „Характерную черту капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отрывает друг от друга различные виды труда, а стало быть, разъединяет также умственный и физический труд — или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, — и распределяет их между различными людьми. Это, однако, не мешает материальному продукту быть продуктом совместного труда, овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это разъединение нисколько не мешает также и тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остаётся отношением наёмного работника, отношением производительного рабочего в этом специфическом смысле“[75].

В приведённом высказывании — суть взглядов К. Маркса на то, в каком специфическом смысле можно рассматривать инженерно-технических работников как производительных рабочих и в чём состоит их социальное отличие от рабочего класса по содержанию труда, по месту в общественном разделении труда. Если при характеристике технологического разделения труда Маркс включает инженерно-технический персонал предприятий в состав „совокупного рабочего“ (точнее, „совокупного работника“), то при рассмотрении социального разделения труда он чётко разграничивает его и рабочих, вскрывает существующие при капитализме социальные противоположности и различия между людьми умственного и физического труда»[76].

Оперирование понятием совокупного работника для отказа от точного определения производительного труда связано с элементарными ошибками в логике. Принимая за посылку, что труд совокупного работника является производительным, подобные авторы тем самым как бы признают определение производительного труда как труда, непосредственным результатом которого являются материальные блага. Но затем вывод, сделанный в отношении целого, применяют по отношению к части, недопустимости

---

[75] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 422.

[76] Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Фальсификаторы научного коммунизма и их банкротство // «Коммунист». 1972. № 3. С. 103–104.

чего учат в любой школе. Тем самым они вступают в противоречие с определением, которым они только что пользовались, поскольку ни труд научно-исследовательских работников, ни труд инженерно-технических работников не имеет своим непосредственным результатом материальные блага.

Труд совокупного рабочего производительный не потому, что в состав его входит ИТР и научная интеллигенция, а именно вследствие абстрагирования от этого состава, в силу представления целой совокупности работников, между которыми разделён труд, в виде одного работника. Тогда непосредственным результатом его труда будут являться материальные блага, и на основании определения производительного труда его труд можно считать производительным, но только его как целого, а отнюдь не какой-либо его части.

В своё время давалось следующее весьма важное разъяснение, ставящее заслон спекуляциям с «совокупным рабочим»: «Известно, что немецкое слово „Arbeiter“ имеет двоякое значение: одно из них — „рабочий“, второе — „работник“. В русском переводе „Капитала“ немецкий термин „Gesamtarbeiter“ переведён как „совокупный рабочий“. В то же время в тщательно отредактированном лично К. Марксом французском издании „Капитала“, которое, по его словам, „имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком“[77], термин „Gesamtarbeiter“ во всех случаях переводится как „le travailleur collectif“ („совокупный работник“), а понятие „рабочий класс“ переводится как „la classe ouvriere“»[78].

Пора ответить на вопрос, естественный при следовании научной методологии: «Кому данная идея выгодна?». Идею, таким образом, требуется свести к объективным экономическим интересам классов и абстрагироваться от того, чем руководствуются люди, выдвигающие и поддерживающие эту идею. Необходимо, следовательно, рассмотреть классовое содержание расширительной трактовки производительного труда.

---

[77] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23. С. 26.

[78] Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами / Под ред. П. Н. Федосеева. М.: Политиздат, 1972. С. 15.

Если взять ленинское определение классов, то среди классовых признаков мы найдём «место в исторически определённой системе общественного производства» и «роль в общественной организации труда». Определение производительного труда как труда материально-производительного, разграничивающее людей, производящих данные блага и людей, производящих идеи и услуги, проводит, следовательно, классовую границу между людьми, отделяя, в частности, от рабочего класса слой интеллигенции и служащих. Поэтому попытки расширить данное определение, представить границу между трудом по производству материальных благ и трудом по производству услуг и идей как несуществующую, являются попытками размыть границы рабочего класса, затушевать классовые различия.

Подобные «нововведения» могут быть выгодны какому угодно классу, но только не рабочему, который заинтересован в прояснении социально-классовых различий, ибо он наиболее заинтересованный сторонник построения бесклассового общества, в котором обеспечивается полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества.

Показательно в этом отношении позиция фон Крокова, опубликованная в респектабельной немецкой газете «Die Welt». Противопоставляя нынешнее общество прежнему, в котором «низы» неустанно трудились, а «верхи» — располагали досугом, фон Кроков пишет: «Сегодня всё в точности наоборот. „Вверху“ стоят те, кто жалуются на свою 70-часовую рабочую неделю и деловой календарь, заполненный на месяцы вперёд; в середине находятся те, кому профсоюзы обеспечили 35-часовую рабочую неделю; „внизу“ группируется всё возрастающая армия частично занятых, безработных и трудоспособных пенсионеров»[79].

Итак, если верить автору статьи, основные тяготы современного производства приходятся на «верхи», на крупнейших частных собственников, и тех, кто управляет в интересах таких собственников. Для этого, правда, требуется умолчать о том, что рабочая неделя в 35 часов — это время производительного труда, осуществляемого в интересах не самих работников, а частных собственников средств производства; 70 же часов управленческой

[79] «Die Welt». 30.05.1998. S. 1.

деятельности осуществляются за рамками «царства необходимости», то есть собственно материального производства, и представляют собой использование времени, высвобождённого из сферы материального производства для осуществления более содержательной деятельности в своих частных интересах.

Из сказанного следует, что сторонники расширительной концепции производительного труда, хотят они этого или не хотят, вступают в конфликт с историческим материализмом, игнорируют факт воплощения интересов общественного развития в коренных интересах рабочего класса. Определение же производительного труда как труда материально производительного, т. е. как труда, непосредственным и основным результатом которого являются вещь, энергия или их перемещение, адекватно историческому материализму, даёт ключ к научному пониманию той социальной силы, которая олицетворяет общественный прогресс в современную эпоху.

Глава III

ПРИМАТ ПРОИЗВОДСТВА И ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ

Решающая роль производства материальных благ во всём процессе общественного воспроизводства проявляется по отношению к самым различным явлениям и сферам общественной жизни, в том числе по отношению к сфере обмена.

Выражением этой зависимости сферы обмена от сферы производства является тот факт, что стоимость создаётся в производстве, а обмен, распределение и потребление не могут изменить её величины, за исключением тех случаев, когда имеет место порча или уничтожение потребительных стоимостей, являющихся носителями стоимостей. Выражающая эти факты экономической действительности трудовая теория стоимости является одной из основ марксистской экономической теории, а её истинность — одним из самых твёрдых доказательств справедливости основного тезиса исторического материализма об определяющей роли производства и воспроизводства материальных благ в жизни человеческого общества.

К сожалению, не все экономисты видели, к примеру, ту связь, которая существует между принципом примата производства и трудовой теорией стоимости. В итоге выдвигались предложения по «совершенствованию» этой теории, которые не только не считались с истинным содержанием трудовой теории стоимости, но и были направлены против основной посылки исторического материализма, что лишало экономические исследования надёжной методологической основы.

Что происходит, когда ремесленники берутся подправлять или, чего доброго, дописывать полотна гениальных художников? Реставраторам приходится брать скребок и снимать слой поздних

красок. Впрочем, всякое сравнение хромает: трудовая теория стоимости — не музейный экспонат, а современный метод экономических исследований.

Выше рассматривались попытки отрицать материалистический характер трудовой теории стоимости, пересмотреть её путём применения понятия стоимости не только к материальным благам, но также и идеям, и услугам различного рода, ко всему, что можно считать результатом человеческой деятельности или даже только деятельностью.

Теперь речь пойдёт о таких видоизменениях в построении трудовой теории стоимости, которые делают величину стоимости материальных благ зависящей не только от труда, затраченного в сфере материального производства производительными работниками, но и от самых различных факторов, ничего общего с материальным производством не имеющих. Тем самым разрывается связь теории стоимости с основной посылкой исторического материализма о примате производства материальных благ, трудовая теория стоимости превращается в разновидность теории спроса и предложения, с элементами теории факторов производства.

Здесь мы рассмотрим три направления попыток пересмотреть трудовую теорию стоимости: одно наиболее серьёзное (см. 3.1), одно, связанное с некорректным использованием математического аппарата (3.2), и одно экстравагантное, представляющее подрыв трудовой теории стоимости изнутри (3.3).

3.1. О «НОВОМ» ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ ТРУДА

Введённое Марксом в I томе «Капитала» понятие количества труда, общественно необходимого для производства товара[80], по единодушному признанию экономистов развивалось и в следующих томах этой работы.

[80] «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 47.

Для одних экономистов, однако, это признание означает, что данное понятие в дальнейшем было поставлено в связь с новыми более сложными явлениями и использовано для их объяснения. Была показана роль понятия «общественно необходимый труд» в раскрытии всё более усложняющегося механизма капиталистической экономики и, в частности, его роль в объяснении механизма ценообразования и распределения общественного труда по отраслям общественного производства и т. д. Тем самым углублён и развит качественный смысл понятия при том, что количественной характеристикой этого понятия всегда были и остаются средние затраты.

Для других экономистов признание того, что понятие общественно необходимого количества труда развивалось, равносильно признанию изменения и количественной определённости этого понятия[81]. При этом последние связывают свой отказ от понимания общественно необходимых затрат как средних затрат с тем, что такое понимание якобы не позволяет объяснить некоторые новые факты, в частности, воздействие на производство структуры общественных потребностей.

С учётом сказанного следует показать, что понимание общественно необходимых затрат труда (о.н.з.т.) как средних затрат может быть с успехом использовано для объяснения этих фактов, и напротив, отказ от такого понимания о.н.з.т. ведёт на деле к отказу от трудовой теории стоимости и переходу на позиции теории спроса и предложения.

Величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства. Следовательно, общественно необходимые затраты труда неразрывно связаны с этой категорией. То или иное понимание о.н.з.т. отражается немедленно и на понимании стоимости.

---

[81] См., например, Шрам К. Основы экономической науки. СПб., 1899; Рахмут В. Некоторые теоретические аспекты образования стоимости базы цен при социализме. Revue Roumaine des Sciences Sociales. Serie de Science Economiques, tome 11, №2, 1967. С. 126–127; Ясин Е. Г. Об общественно необходимых затратах труда // Труды Первой Московской конференции молодых учёных. «Экономика». М.: Наука, 1967; Дунаева В. С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969.

Закономерная основа цены — стоимость при простом товарном производстве была центром тяготения цен. Её всестороннее исследование вполне отвечало целям, которые ставил Маркс, работая над «Капиталом»: раскрыть законы возникновения, развития и гибели капиталистического общества. С этих позиций следует рассматривать и категорию о.н.з.т. Следует видеть в о.н.з.т. не величину, определяющую любое колебание цен, а величину, определяющую закономерную основу цен — стоимость[82].

Важные характеристики категории о.н.з.т. можно получить, отталкиваясь от простого примера. Предположим, спрос на обувь в обществе простых товаропроизводителей — 100 тыс. пар, а о.н.з.т. на 1 пару — 10 часов. Что произойдёт, если обуви будет произведено больше или меньше, чем требует спрос? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся другим. Каков смысл выражения «общественный спрос на обувь — 100 тыс. пар»? Ведь если спрос эластичен, то величина спроса зависит от цены предлагаемого товара — чем выше цена, тем меньше спрос, и наоборот, чем ниже цена, тем больше спрос.

Какой же смысл мы вкладываем тогда в выражение «спрос на обувь — 100 тыс. пар»? Мы подразумеваем, спрос не при всякой цене, а при той, которая устанавливается в случае, когда производство пропорционально. Мы подразумеваем, следовательно, спрос при цене, стоящей на уровне стоимости. Говорить же о спросе на товар, не указывая или не подразумевая никакой цены, — бессмысленно. Итак, если уточнить одно из условий нашего примера, оно будет выглядеть следующим образом: по стоимости может быть продано не более 100 тыс. пар обуви.

Предположим, что необходимые пропорции производства нарушены только со стороны производителей обуви и фактически произведено 120 тыс. пар обуви. Известно, что по цене, стоящей на уровне стоимости (о.н.з.т. на одну пару — 10 часов), может быть продано только 100 тыс. пар. Следовательно, вся выпущенная обувь может быть продана только по более низкой

---

[82] Ср. «Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимости, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 195.

цене. Снизить цену заставит производителей конкуренция. Если считать для простоты, что снижение цены происходит пропорционально увеличению предложения, то за все 120 тыс. пар обуви производители смогут выручить лишь столько, сколько бы они выручили при продаже 100 тыс. пар стоимости.

Поскольку 10·120 000 часов труда принесли производителям столько же, сколько могли бы принести 10·100 000 часов (если бы предложение было в размере 100 тыс. пар), то для производителей 10·20 000 часов оказалось затраченным впустую рабочим временем. Правда, отсюда не следует, что это время оказалось затраченным впустую с точки зрения потребителей. Они приобрели обуви на 20 тыс. пар больше и реализуют теперь её потребительную стоимость. Поскольку цена одной пары обуви оказалась $10\cdot\frac{100}{120}=10\cdot\frac{5}{6}$ часов, т. е. всего $\frac{5}{6}$ стоимости, то, хотя о.н.з.т. на одну пару обуви 10 часов, производители выручат лишь $\frac{5}{6}$ этой величины.

Это приведёт к тому, что часть производителей обуви перейдёт в те отрасли, где цены позволяют получать за свой труд сполна, предложение обуви упадёт. Предположим, оно упало до 80 тыс. пар, т. е. всего затрачено 80 000·10 рабочих часов. Мы знаем, что даже 100 тыс. пар может быть продано по ещё более высокой цене. Если считать, что цена увеличилась пропорционально сокращению предложения, то производители повысят цены до $10\cdot\frac{100}{80}=10\cdot\frac{5}{4}$ часов рабочего времени. В этом случае уровень цены поднялся выше общественно необходимых затрат.

Такие колебания будут продолжаться и в дальнейшем. Причём, мы имеем два вида колебаний: цена пары обуви будет колебаться около 10-часового уровня, а общая сумма рабочего времени, затраченного на производство обуви (в первом случае это 1 200 000 часов, во втором 800 000 часов), будет колебаться около необходимого пропорционального количества общественного рабочего времени, «выделенного» обществом на производство обуви — около величины в 1 млн. часов.

Поскольку 10 часов, — средние затраты, — оказываются центром колебаний цен, то по самой сути дела они и должны считаться определяющими величину стоимости (ту величину, около

которой в простом товарном производстве колеблются цены). О.н.з.т. на производство единицы продукта не зависят, следовательно, от потребностей. Зато от потребностей зависит вся сумма рабочего времени, выделенная на производство обуви. Действительно, объём потребностей в товаре является одним из факторов, формирующих спрос на товар (два других важнейших фактора — цены и доходы).

С увеличением потребности в обуви возрастёт спрос на неё, и по стоимости можно будет продать уже не 100 тыс., а, скажем, 150 тыс. пар обуви. Тогда, если общественно необходимые (средние) затраты на 1 пару составляют по-прежнему 10 часов труда, цены снова будут колебаться около этой величины. Но общая сумма рабочего времени, затраченного обществом на производство обуви, будет колебаться уже около $150\,000 \cdot 10 = 1{,}5$ млн. часов, поскольку теперь эти 1,5 млн. часов определяют необходимо пропорциональное количество труда, выделяемое обществом на производство обуви.

С соответствующими модификациями то же рассуждение может быть проделано и для случая капиталистического производства. Там общественный спрос определяется числом товаров, которое может быть продано по цене, стоящей на уровне модификации стоимости. Колебания всей суммы рабочего времени происходит около величины, полученной умножением объёма общественного спроса и величины о.н.з.т. для производства единицы продукта. Цены колеблются не около величины о.н.з.т. на производство товара, а около величины, соответствующей модификации стоимости.

Маркс во втором томе «Капитала» предупреждал от того «ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости и форма стоимости есть сама стоимость; следовательно (согласно этому представлению. — ***А. В. Золотов, М. В. Попов***), товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т. е. если их невозможно действительно обменять друг на друга»[83].

Меновая стоимость выступает как то действительное отношение, в котором обмениваются товары. Если считать, что стои-

[83] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24. С. 122.

мость товара определяется средними затратами труда на его производство, или, иначе, что определением о.н.з.т.[84] служат средние затраты, то совсем не обязательно считать, что меновая стоимость тоже определяется средними затратами.

Меновая стоимость — то отношение, в котором действительно обмениваются товары, может определяться, например, по худшим условиям производства, или, при фиксированном предложении, зависеть от спроса, от потребностей. Меновая стоимость и стоимость относятся друг к другу как явление и сущность. Поэтому неверно было бы переносить свойства меновой стоимости на саму стоимость и ставить стоимость в зависимость от спроса, от потребностей. Это значило бы сойти с позиций сторонника монистической трудовой теории стоимости и сделать шаг в сторону теории спроса и предложения.

Другое дело меновая стоимость или цены. Цены при данном предложении зависят, конечно, от потребностей, от платёжеспособного спроса, и только за достаточно длительный промежуток времени при условии свободного производства материальных благ сводятся к своей основе — стоимости для простого товарного производства или модификации стоимости для капиталистического товарного производства.

В третьем томе «Капитала» Маркс писал: «Если это разделение (труда внутри всего общества. — *А. В. Золотов, М. В. Попов*) пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимости (при дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных

[84] Нельзя отождествлять экономический термин о.н.з.т. и выражение «Затраты труда, необходимые обществу». О.н.з.т. есть субстанция стоимости и определены Марксом в «Капитале» как затраты абстрактного труда в средних общественных условиях. Что же касается необходимых обществу затрат, то ими могут являться одновременно затраты в самых худших условиях производства, и в самых лучших, и в средних. Это выражение имеет тогда лишь тот смысл, что без этих затрат нельзя обойтись, нельзя удовлетворить спрос, обеспечить выпуск продукции в необходимом количестве.

сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[85].

В соответствии с приведённым здесь высказыванием Маркса назовём необходимым пропорциональным количеством продуктов данной товарной группы такое количество, которое производится, когда разделение труда внутри общества пропорционально и на различные товарные группы употреблено необходимое пропорциональное количество всего общественного рабочего времени.

В этом случае продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по их ценам производства). Следовательно, если пропорциональность нарушена за счёт несоответствия производства платёжеспособной потребности только по данной товарной группе, то необходимое пропорциональное количество продуктов данной товарной группы может быть исчислено как максимальное количество продуктов этой группы, которое удалось бы продать по стоимости (по цене производства). Воспользуемся этим замечанием и покажем, что для понимания приведённой выше выдержки из III тома «Капитала» вовсе не требуется отказ от определения о.н.з.т., данного Марксом в I томе.

Рассмотрим сначала простое товарное производство. Обозначим о.н.з.т. на производство некоторого товара (в смысле определения, данного Марксом в I т. «Капитала») через p. Пусть n — наибольшее количество этого товара, которое может быть поглощено рынком по цене, равной p, т. е. n — необходимое пропорциональное количество товара (спрос, соответствующий цене, установленной на уровне о.н.з.т.).

Пусть m — число действительно выпущенных товаров. Если $m \neq n$, то говорим, что наблюдается непропорциональность в производстве товаров и на всю совокупность товаров рассматриваемого вида затрачено больше (при $m > n$) или меньше (при $m < n$) общественного рабочего времени, чем необходимое пропорциональное количество. То есть $pm > pn$ или $pm < pn$, соответственно

[85] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 185.

наблюдается отклонение меновых стоимостей от стоимостей, определённых о.н.з.т. в марксовом понимании (средние затраты).

Это отклонение вынуждает к уменьшению или увеличению объёма производства ***m*** данного продукта до тех пор, пока не будет достигнута пропорциональность, то есть пока ***m*** не станет равным ***n***, (где ***n*** — общественный спрос на продукцию данного вида), и пока меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) не станет равной стоимости — закономерной основе цены. Раз ***m*** станет равным ***n***, то на производство всей массы данного продукта будет затрачено ***pm=pn*** общественного труда, т. е. необходимое пропорциональное количество, отвечающее общественной потребности.

Отклонение меновой стоимости от стоимости происходит всякий раз, когда продукта произведённого больше или меньше, чем необходимо для удовлетворения закономерного спроса (***m>n*** или ***m<n***), то есть когда на всю массу продукта затрачено общественно необходимое количество ***pn***, определяемого платёжеспособной общественной потребностью и затратами труда ***p*** на единицу продукта. Это отклонение вызывает всегда обратное движение цен (посредством сокращения или расширения производства), направленное к устранению первоначального отклонения[86]. Таким образом, общественно необходимое рабочее время ***pm***, затраченное на всю массу продукта, постоянно стремится к необходимо пропорциональному количеству его ***pn***.

В этом смысле и можно говорить что «закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[87].

---

[86] Следует подчеркнуть, что в стихийно регулируемом капиталистическом производстве пропорциональность достигается только через постоянные отклонения от необходимых пропорций.

[87] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 185.

В самом деле, мы видели, что не только на каждый отдельный товар употребляется в среднем лишь общественно необходимое рабочее время (раз о.н.з.т. определяются как средние затраты), но и на различные группы товаров, если взять достаточно большой промежуток времени, употребляется лишь необходимое пропорциональное количество общественного труда. Последнее следует из того, что рабочее время, затраченное на эти группы, как было показано, постоянно стремится к необходимому пропорциональному количеству.

Закон стоимости для простого товарного производства означает, что цена стремится к стоимости. Это обеспечивается стремлением для каждой группы товаров m к n, следовательно, pm стремится к pn, а при $m=n$ для каждой группы товаров $pm=pn$, т. е. «из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[88].

Заметим, что количество товара n, которое может быть продано по цене p, стоящей на уровне стоимости, вообще говоря, зависит не только от интенсивности потребностей в продуктах данного вида и о.н.з.т. на производство единицы продукта. Поскольку речь идёт о платёжеспособном спросе, это количество зависит и от о.н.з.т. на производство всех других продуктов, и от интенсивности потребностей в этих продуктах. Однако при данных затратах о.н.з.т. на все виды продуктов и при данных потребностях в других, когда распределение доходов неизменно, спрос n на рассматриваемый продукт есть функция только потребностей в этом продукте.

Закон стоимости, вынуждая фактически выпущенное количество продуктов m стремиться к n, осуществляет тем самым учёт потребностей. Стремление всего общественно необходимого

[88] Маркс К., Энгельс Ф. Ср. также: «Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нём общественно необходимым трудом, для этого всё количество общественного труда, употреблённого на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платёжеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 211.

труда, затраченного в отрасли, к необходимому пропорциональному его количеству ***pn*** обеспечивает, следовательно, регулирование распределения труда между отраслями в соответствии с потребностями в продуктах этих отраслей.

Как видим, для получения этого вывода нам вовсе не потребовалось отказываться от определения о.н.з.т., данного Марксом в I томе «Капитала». Напротив, мы это определение существенно использовали при нахождении необходимого пропорционального количества труда, которое выделяется обществом для производства продукта в соответствии с общественной потребностью.

Эти выводы получены при рассмотрении простого товарного производства, но почти буквально всё может быть повторено и для другого рассматриваемого Марксом случая, когда имеется модификация стоимости. Пусть о.н.з.т. (в смысле определения, данного Марксом, см. т. I «Капитала») на производство единицы товара равны ***p***, то есть стоимость продукта равна ***p***. Предположим, что ***q*** — закономерный уровень цены, соответствующий модификации стоимости. Обозначим через ***n*** максимальное количество продукции, которое может быть поглощено рынком по цене ***q***. Это ***n*** теперь будет определять необходимое пропорциональное количество ***pn*** общественного рабочего времени, которое может быть употреблено на всю массу рассматриваемого товара в соответствии с общественным спросом. Закон стоимости здесь действует так, что меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) стремится к ***q***. Это осуществляется при стремлении действительно выпущенного количества данного товара к ***n***. Ясно, что вместе со стремлением ***m*** к ***n*** происходит и стремление ***pm*** к ***pn***. И в этом случае закон стоимости проявляется так, что «из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»[89].

Таким образом, утверждение о том, что на каждую сферу производства должно выделяться необходимое пропорциональное количество всего общественного рабочего времени, является прямым выражением закона стоимости. Ведь из утверждения о том, что количество выпущенной продукции стремится к количеству,

[89] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25. С. 185.

при котором цена устанавливается на уровне стоимости (или модификация стоимости), немедленно следует, что общественно необходимое рабочее время, затраченное на всю массу каждого вида продукции, стремится к необходимому пропорциональному количеству. Это количество зависит в свою очередь от величины платёжеспособной общественной потребности и о.н.з.т. на производство единицы продукта.

Выясним теперь, можно ли без ущерба для трудовой теории стоимости считать, что категория о.н.з.т. не только развивалась в качественном отношении, но изменила и свою количественную определённость. Сторонники такой точки зрения считают, что если товара произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, то только та сумма труда, которая затрачена на производство продуктов, количественно соответствующих общественной потребности, создаёт стоимость. В. В. Новожилов пишет, например: «Качественное и количественное соответствие товара потребности в нём есть необходимое условие, чтобы затрачиваемый на него труд создавал стоимость»[90].

Посмотрим, какое же определение в таком случае должен получить общественно необходимый труд, затраченный на производство единицы товара, что за ним стоит. Если товаров некоторого вида произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, то нам предлагают считать труд, затраченный на производство товарного излишка, не создающим стоимости. Тогда стоимость всех выпущенных продуктов данного вида определяется общественно необходимым трудом, затраченным только на необходимое пропорциональное количество товаров.

Разделив так определённую стоимость всех выпущенных товаров на число этих товаров, мы получим стоимость единицы. Стоимость единицы товара в свою очередь определяется общественно необходимым трудом на производство товарной единицы. Следовательно, общественно необходимый труд на производство товарной единицы тоже есть частное от деления общественно необходимого труда, затраченного для производства необходимого пропорционального количества товаров, на общее количество выпущенных

[90] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967. С. 368.

товаров (1). Но общественно необходимый труд, затраченный на производство необходимого пропорционального количества товаров, определяется, с другой стороны, как сумма общественно необходимых затрат на единицу тех продуктов, которые входят в необходимое пропорциональное количество (2).

Мы получили противоречие, так как общественно необходимый труд на производство необходимого пропорционального количества товаров, с одной стороны (см. (1)), равен сумме о.н.з.т. всех товаров, а с другой стороны, (см. (2)) только тех, которые входят в необходимое пропорциональное количество.

От этого противоречия, не отступая от рассматриваемой точки зрения, можно избавиться, если пропорциональность производства мерить с помощью общественно необходимых затрат в том значении, какое им придавал Маркс в I томе «Капитала», но не считать их при этом о.н.з.т. За величину о.н.з.т. тогда придётся принять величину, предлагаемую Е. Г. Ясиным, полученную путём деления общественно необходимого труда в марксовом понимании, затраченного для производства необходимого пропорционального количества продуктов, на количество всех выпущенных продуктов данного вида. Эта величина предлагалась Е. Г. Ясиным[91] в качестве величины, определяющей стоимость. Чтобы понять, к чему приводит такое понимание количественной стороны о.н.з.т., представим выдвинутый Е. Г. Ясиным метод определения о.н.з.т. подробнее.

Обозначим через p — о.н.з.т. на производство единицы продукта, т. е. p — величина, полученная в соответствии с определением, данным Марксом в I т. «Капитала». Пусть n — максимальное число продуктов данного вида, которое может быть продано по стоимости, а m — действительно выпущенное количество продуктов.

Тогда о.н.з.т. на одну товарную единицу в определении Е. Г. Ясина есть частное от деления необходимого пропорционального количества рабочего времени pn, выделенного обществом для производства продуктов данного вида, на общее количество выпущенных продуктов m. Если обозначить эти затраты через $\bar{p}$, то $\bar{p} = p\frac{n}{m}$. Ясно, что $\bar{p}$ совпадёт с p только при $m=n$.

[91] Ясин Е. Г. Об общественно необходимых затратах труда // Труды Первой Московской гор. конференции молодых учёных. «Экономика». М.: Наука, 1967. С. 36.

Итак, общественно необходимыми затратами труда на единицу товара предлагается считать $\bar{p}$, а не p, соответственно — что именно $\bar{p}$ определяет стоимость товара, а не p. Но $\bar{p}$ зависит не только от труда p, но и от спроса (n) и предложения (m) (ведь $\bar{p} = p\frac{n}{m}$). Таким образом, стоимость представляется зависящей от спроса и предложения. «Более развитое выражение о.н.з.т.» оказывается на деле отголоском теории спроса и предложения.

Если бы было сказано, что $\bar{p}$, т. е. затраты труда по условиям потребления, определяют меновую стоимость при данном предложении, то это не подрывало бы трудовой теории стоимости, поскольку меновая стоимость не равна стоимости. И действительно, тогда сужение спроса означало бы понижение не стоимости, а меновой стоимости ниже p и понижение цен, расширение спроса — повышение меновой стоимости и цены выше p.

Но вся беда в том, что по условиям потребления предлагают определять именно стоимость. В зависимость от рынка, от спроса и предложения ставится не цена, не меновая стоимость, а стоимость. Такое толкование общественно необходимых затрат, лежащих в основе стоимости, отрицает ядро трудовой теории стоимости. Хороша была бы стоимость, которая всё время скачет из-за того, что случайно выпускается больше или меньше продуктов (m), сужается или расширяется спрос (n), вопреки тому, что не изменились ни условия производства, ни его технология, ни производительность труда.

К сожалению, забвение примата производства проявилось и в книге В. С. Дунаевой[92]. В. С. Дунаева на стр. 12 правильно указывает, что «субстанцией стоимости служит труд, а не потребительная стоимость», а на стр. 16 вдруг оказывается, что «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности». Последнее утверждение находится в вопиющем противоречии с марксистской методологией, в чём мы можем убедиться с помощью самого же критикуемого автора. «Важнейшим условием общественного признания вещи, — пишет В. С. Дунаева, — является количественное соответствие массы произведённых

[92] Дунаева В. С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969.

продуктов данного вида величине общественной потребности в них»[93]. Под этим В. С. Дунаевой подразумевается соответствие предложения спросу. Именно спросу, поскольку, по словам самой же В. С. Дунаевой, общественная потребность в товаре формируется и под воздействием таких факторов, «как уровень доходов населения, соотношение цен на различные товары и т. п.»[94]. Итак, «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности», признание его общественной полезности — от спроса и предложения, величина стоимости товара зависит, следовательно, от спроса и предложения — совсем не новая теория.

Теперь можно по достоинству оценить высказывание одного из сторонников «развитого» толкования о.н.з.т. И. Рахмута (Румыния): «Общественно необходимое рабочее время и, следовательно, стоимость товара образуется и в зависимости от меры, в которой совокупность товаров какой-то категории обеспечивает потребности всего общества в этом товаре»[95]. Это высказывание свидетельствует о том, что в определении стоимости И. Рахмут порывает с принципом примата производства, порывает с монизмом трудовой теории стоимости и, включая меру удовлетворения общественных потребностей в число факторов, определяющих величину стоимости товара, становится на почву экономического дуализма.

Теперь понятно, почему эту же точку зрения защищал экономист К. Шрам (в книге «Основы экономической науки», СПб, 1899 г.). «Этот автор с определённостью, не допускающей никаких кривотолков, утверждает, что для того, чтобы мы назвали трудовые затраты общественно необходимыми, совершенно недостаточно, чтобы эти затраты соответствовали средним условиям общественной техники, — требуется также, чтобы это время было необходимым с точки зрения общественной потребности»[96].

---

[93] Дунаева В. С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969. С. 14.

[94] Дунаева В. С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969. С. 14.

[95] Рахмут И. Некоторые теоретические аспекты образования стоимости базы цен при социализме. Revue Roumaine des Sciences Sociales. Serie de Sciences Economiques. Tome 11, № 2, 1967. С. 126–127.

[96] Кон А. Курс политической экономии. Госиздат. 1929. С. 75.

Экономисты, понимающие развитие категории о.н.з.т. не только как её качественное развитие, но и как изменение количественной определённости данной категории, стали жертвами целого ряда ошибок и недоразумений. Некоторые из них не заметили за рассуждениями о «трудовых затратах» теорию спроса и предложения. Но этого могло и не произойти, если бы не смешение меновой стоимости и стоимости и, если бы не смешение экономического термина «общественно необходимые затраты труда на производство товара» и выражения «затраты труда, необходимые обществу».

Те затраты труда, которые пошли на производство продуктов, количественно соответствующих общественному спросу, мы вправе называть необходимыми обществу, необходимыми по условиям спроса, по условиям потребления и т. д. Сохраняя то же значение, мы можем сказать про них: общественно необходимые затраты. Но здесь последние три слова рассматриваются не как специально определённый экономический термин, а в соответствии с их буквальным смыслом.

Точно так же мы вправе те затраты труда, которые пошли на продукты, превышающие общественный спрос, не считать необходимыми обществу или, переставляя слова и сохраняя смысл, не считать общественно необходимыми. При этом единственный смысл, который мы вкладываем в эти выражения: данные затраты труда обществу нужны или не нужны, смогут продавцы реализовать в обмене рыночную стоимость[97] товаров или не смогут.

Другое дело — экономический термин «о.н.з.т. на производство товара». Смысл любого экономического термина, в том числе и этого, должен быть специально определён. Определение этому термину было дано Марксом в I томе «Капитала» и говорит о том, сколько в среднем абстрактного труда требуется обществу для производства данного товара. Совершенно очевидно, что и для тех единиц товара, которые превосходят необходимое пропорциональное количество или вообще остаются за пределами платёжеспособного спроса, может быть поставлен вопрос, сколько

[97] Рыночная стоимость рассматривается здесь как устойчивый центр колебания цен.

труда в среднем требуется для их изготовления, или, используя соответствующий экономический термин, какова величина общественно необходимых затрат труда на их производство. Здесь о.н.з.т. используются уже как экономический термин, а не как смысловое выражение, значение которого складывается из значений входящих в него слов.

И. Рахмут был бы совершенно прав, говоря, что «общественно необходимое время работы формируется и в зависимости… от структуры совокупного общественного продукта, и от меры, в которой эта структура покрывает структуру общественных потребностей», если бы и продолжал говорить о времени работы, необходимом для выпуска продукта в количестве, которое требуется обществу. Однако он спутал это выражение с термином «общественно необходимое рабочее время» и, следовательно, «стоимость товара образуется в зависимости от меры, в которой совокупность товаров какой-то категории обеспечивает потребности всего общества в этом товаре»[98]. Вместо трудовой теории — экономический дуализм, несовместимый с принципом примата производства.

Поясним значение ещё одной выдержки (из X гл. III тома «Капитала»), наводившей на мысль об изменении количественной определённости о.н.з.т.

«…Раз определённый товар произведён в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается… Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана»[99].

Как видим, Маркс в приведённой выше выдержке из тома III «Капитала» отнюдь не вводит изменённого определения общественно необходимого труда или стоимости. Он показывает, что

---

[98] Рахмут И. Некоторые теоретические аспекты образования стоимости базы цен при социализме. Revue Roumaine des Sciences Sociales. Serie de Sciences Economiques. Tome 11, № 2, 1967. С. 126–127.

[99] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 205.

отклонение величины предложения товаров от необходимого количества неразрывно связано с отклонением всей суммы затраченного на эти товары общественного рабочего времени от необходимого пропорционального количества. Это влечёт за собой отклонение цены от рыночной стоимости или даже уничтожение части продукции.

По форме высказывание Маркса построено так, что непосредственной причиной отклонения цен от рыночной стоимости кажется только непропорциональность в затратах общественного рабочего времени. Но дело в том, что факт непропорциональности в количествах продукции каждого вида эквивалентен факту непропорциональности в распределении общественного рабочего времени по соответствующим отраслям. Как из первого следует второй, так и из второго следует первый. Поэтому каждый из них можно назвать причиной отклонения цен от рыночной стоимости. А на рынке причиной выступает только непропорциональность в количествах произведённых товаров, поскольку связь потребностей с производством осуществляется через продукт.

Теперь можно переходить к выводам. Высказывания Маркса в третьем томе «Капитала» не свидетельствуют об изменении количественной определённости о.н.з.т. Нельзя определять о.н.з.т. на производство товара по условиям потребления, не покидая позиции трудовой теории стоимости, не порывая с принципом примата производства. Общественно необходимый труд на производство товара, образующий субстанцию стоимости, не зависит от объёма потребности в товаре[100]. От величины потребности зависит зато количество этого труда, которое должно быть выделено на производство всей массы товаров данного вида, чтобы они могли быть проданы по рыночной стоимости. Это количество труда Маркс тоже называет необходимым количеством.

[100] Конечно, при условии, что с изменением объёма производства технология не меняется.

3.2. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ И РАЗРАБОТКА ЕЁ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АППАРАТА

Бурное развитие линейного программирования и общепризнанные успехи его в решении конкретно-экономических задач сделали вполне естественным стремление в максимальной степени расширить сферу использования методов линейного программирования. Неудивительны поэтому попытки применить их и для разрешения теоретических вопросов политэкономии.

При критическом подходе к использованию аппарата линейного программирования подобные попытки могут принести только пользу. К сожалению, в ряде случаев использование этого аппарата свелось к таким изменениям теоретических конструкций политической экономии, которые означали втискивание этих построений в прокрустово ложе неадекватного им математического аппарата и шли вразрез с принципом примата производства.

Примером служат попытки истолковать «объективно обусловленные оценки» (о.о. оценки) в качестве количественной основы стоимости. Подобные попытки предпринимались неоднократно[101], хотя на несостоятельность истолкования о.о. оценок в качестве основы стоимости указал ещё В. С. Немчинов в предисловии к известной книге Л. В. Канторовича[102].

В дискуссии «Экономисты и математики за круглым столом» Л. В. Канторович заявил, что ему не хуже политэкономов по специальности известно, что стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда. Однако это заявление в устах Л. В. Канторовича вовсе не означало отказа от позиций отождествления стоимостей и о.о. оценок. Дело в особом понимании общественно необходимых затрат труда, предложенном Л. В. Канторовичем в одной из его статей[103].

---

[101] См., например, Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М.: Мысль, 1971.

[102] Канторович Л. В. Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов. М.: Изд. АН СССР, 1959.

[103] Канторович Л. В. Об исчислении производственных затрат // Вопросы экономики. 1960. № 1.

Л. В. Канторович коэффициентом приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда называл отношение двойственной оценки продукции к величине трудовых затрат на её производство. Ничего общего, кроме поверхностной аналогии, операция умножения на этот коэффициент с приведением индивидуальных затрат труда к затратам среднего труда не имеет.

Л. В. Канторович предлагал коэффициент, на который требуется умножить индивидуальные затраты, чтобы получить двойственную оценку произведённого продукта. Этот множитель был бы множителем приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда лишь в том случае, если бы величина оценки и величина затрат среднего труда были бы равны для всех продуктов. Следовательно, для доказательства того, что предложенная им операция действительно является операцией приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда, Л. В. Канторович должен был бы доказать равенство стоимостей двойственным оценкам. Он этого не доказывал.

Доказать это можно только для совершенно исключительных случаев, когда специально подобраны целевая функция и ограничения, например, когда задача линейного программирования имеет вид:

$$\min tX,$$
$$X-AX=B,$$

где t — вектор затрат живого труда,

A — матрица затрат,

X — вектор валового выпуска.

В этом случае двойственная задача

$$\max PB,$$
$$P(E-A)=t$$

даёт оценки P, совпадающие по величине с полными затратами труда (E — единичная матрица).

В общем случае и, в частности, в модели Л. В. Канторовича, двойственные оценки и стоимости не совпадают. Экономически это вполне объяснимо. Трудовая стоимость потому и называется так, что её величина зависит только от затрат труда. Двойственные же оценки в общем случае зависят от массы факторов,

большинство которых ничего общего с трудом не имеет. Можно перераспределять созданную стоимость пропорционально двойственным оценкам, но ожидать постоянного равенства стоимостей и оценок означает ожидать, что трудовая теория стоимости перестанет быть верной.

Приходится констатировать, что рассмотренная попытка применить аппарат линейного программирования для проведения редукции труда оказалась неудачной. Несостоятельно, следовательно, и утверждение Н. Я. Петракова о том, что оценки представляют собой «коэффициенты редукции непосредственных затрат труда к общественно нормальному уровню»[104].

Из сказанного ясно, что отождествление стоимостей и двойственных оценок равносильно отказу от трудовой теории стоимости. Результатом такого отказа служит превращение теории стоимости, отождествляющей о.о. оценки и стоимости, в конгломерат теории факторов и теории спроса и предложения.

В справедливости последнего утверждения мы можем убедиться с помощью одного из наиболее активных сторонников отождествления стоимостей и о.о. оценок Н. Я. Петракова. Он писал: «Как мы видели выше, объективно обусловленные оценки действительно объективно определяются всеми условиями решаемой экономической задачи. Если задача ставится в масштабах всего народного хозяйства, то значение полученных цен-оценок будет соответствовать величине общественно необходимых затрат»[105]. Итак, по Н. Я. Петракову, значение о.о. оценок соответствует величине общественно необходимых затрат и, следовательно, величине стоимости, а поскольку о.о. оценки определяются всеми условиями задачи и, следовательно, всеми факторами производства, то получается, что всеми факторами определяется и величина стоимости. Кроме того, «общепризнанно, что объективно обусловленные оценки находятся в непосредственной связи со степенью дефицитности продукции. Но степень дефицитности продукции определяется соотношением спроса

---

[104] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. 1971. С. 104.

[105] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. 1971. С. 95.

и предложения»[106]. Стоимость, по Н. Я. Петракову, зависит, следовательно, и от спроса, и предложения. Это — не трудовая теория стоимости, а концепция, порывающая с принципом примата производства.

Заявляя, что «общественно необходимый труд — это труд, оцениваемый (измеряемый) его общественными результатами, т. е. степенью удовлетворения общественной потребности»[107], Н. Я. Петраков отдавал себе отчёт в том, что «такой подход к определению общественного труда снимает проблему о различии факторов, участвующих в процессе создания потребительной стоимости, и факторов, определяющих стоимость»[108]. Указанный автор даже ставил себе такой подход в заслугу. Однако ключевым пунктом трудовой теории стоимости является именно разграничение процесса создания стоимости и процесса создания потребительной стоимости, выделение труда как субстанции стоимости, как единственного фактора, создающего стоимость, из всех факторов, участвующих в процессе производства и создания потребительной стоимости. Смешение стоимостного и натурально-вещественного аспектов производства, безусловно, ошибочно.

Аппаратом, адекватным трудовой теории стоимости, является аппарат балансовых уравнений. Этот аппарат применим для исчисления средних затрат труда в предположении, что редукция труда проведена. Такое предположение в теоретической политэкономии вполне может быть сделано, тем более что принципиальная сторона определения коэффициентов редукции ясна (необходимо сравнение затрат общечеловеческой рабочей силы за единицу времени на данном рабочем месте и в средних общественных условиях производства). Здесь мы приводим более общую, чем используемую обычно, систему балансовых уравнений, которая позволяет определить одновременно как средние

---

[106] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. 1971. С. 85.

[107] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. 1971. С. 100.

[108] Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. 1971. С. 100.

затраты абстрактного труда на единицу продукции, так и индивидуальные, изобразив механизм усреднения затрат.

Введём следующие обозначения:

X_{ij}^{kl} — количество i-ого продукта, произведённого на k-том предприятии, расходуемое для производства j-ого продукта на l-м предприятии; $i, j=1,\ldots,m$; $k, l=1,\ldots,n$.

X_j^l — количество j-го продукта, произведённое на l-м предприятии.

X_j — общее количество j-го продукта, произведённое на всех n предприятиях.

t_j^l — затраты живого труда на единицу j-ого продукта на l-м предприятии.

t_j — средние затраты живого труда на единицу j-ого продукта.

T_j^l — индивидуальные затраты абстрактного труда (как живого, так и общественного) на l-м предприятии на производство единицы j-ого продукта, определяющие индивидуальную стоимость единицы j-ого продукта.

T_j — общественно-необходимые (средние) затраты труда на производство единицы j-го продукта, определяющие стоимость единицы j-го продукта.

В принятых обозначениях уравнения, связывающие индивидуальные и средние затраты труда, примут следующий вид:

$$X_j^l T_j^l = t_j^l X_j^l + \sum_{ik} X_{ij}^{kl} T_j \quad , j=1,\ldots,m;\ l=1,\ldots,n.$$

$$T_j = \frac{\sum_l X_j^l T_j^l}{X_j} \quad , j=1,\ldots,m.$$

Последние m уравнений записаны, исходя из определения о.н.з.т. как средних затрат. Первые mn — исходя из определения полных затрат как суммы затрат живого и овеществлённого труда. Система содержит $mn+m$ уравнений и $mn+m$ неизвестных, следовательно, с помощью неё можно одновременно определить как величины индивидуальных стоимостей продуктов T_j^l, так и стоимостей T_j.

Нетрудно видеть, что сложив уравнения первой группы по l и воспользовавшись последними m уравнениями и уравнениями

$t_j = \dfrac{\sum_l X_j^l t_j^l}{X_j}$, означающими, что t_j — средние затраты живого труда на единицу j-го продукта, $j=1,\ldots,m$, мы получим обычные уравнения для определения полных затрат, где $X_{ij} = \sum_{kl} X_{ij}^{kl}$.

В самом деле: $\sum_l X_j^l T_j^l = \sum_l X_j^l t_j^l + \sum_{ikl} X_{ij}^{kl} T_i$, $j=1,\ldots,m$,

но $$\sum_l X_j^l T_j^l = X_j T_j \text{ и } \sum_l t_j^l X_j^l = t_j X_j ,$$

так что получаем следующее уравнение:

$$X_j T_j = X_j t_j + \sum_i X_{ij} T_j \text{ или } T_j = t_j + \sum_i a_{ij} T_i ,$$

где $a_{ij} = \dfrac{X_{ij}}{X_j}$.

Подчеркнём, что аппарат балансовых уравнений для исчисления полных затрат труда является адекватным трудовой теории стоимости благодаря тому, что о.н.з.т. определяются как средние затраты.

Рассмотрим теперь, в каком отношении к трудовой теории стоимости стоит математический аппарат теории предельной полезности. Покажем, что этот аппарат не может дать доказательства того, что предельные полезности определяют стоимости продуктов, зато он может быть использован для изображения противоположного влияния — влияния стоимости на величину предельной полезности индивидуального потребителя и поэтому применим в марксистской политэкономии на стадии перехода от сущностных к являющимся категориям. Этот аспект в марксистской политической экономии очень важен, и те авторы, которые фактически не различают субстанцию и явление (например, цитированный выше Н. Я. Петраков по существу не различает стоимость и цену), обедняют экономический анализ и закрывают себе дорогу к исследованию экономических явлений во всей их сложности.

Характерно, что попытки математического оформления идей теории предельной полезности быстро привели к отказу от некоторых весьма серьёзных её притязаний. Если Джевонс, который наряду с Вальрасом считается основателем математической школы политической экономии, даёт ещё причинное истолкование выведенному им равенству предельной полезности и цен[109], то в настоящее время лишь очень немногие экономисты продолжают придерживаться этого истолкования.

Применение математики сделало настолько очевидным полное отсутствие оснований для такого истолкования, что экономисты не претендуют более на выяснение причинной зависимости между предельными полезностями и ценами и ограничиваются функциональной. Однако злоключения теории предельной полезности, связанные с разработкой математического аппарата для выражения её идей, на этом не кончаются.

Воспользовавшись этим аппаратом, легко показать, что при тех предпосылках, которые делаются в неоклассической политической экономии, причинную взаимосвязь можно обнаружить, но только противоположную той, которую выдвигали сторонники теории предельной полезности. Не предельные полезности определяют цены, а цены определяют предельные полезности и поведение потребителя, и, следовательно, именно социальными факторами определяется действие индивидуума на рынке, а не наоборот.

Чтобы убедиться в вышесказанном, рассмотрим модель индивидуального поведения потребителя, выдвинутую представителями математической школы.

Пусть U — функция полезности, заданная на множестве наборов предметов потребления $(x_1, x_2, \ldots, x_n)$, изображающая предпочтение потребителя на этом множестве. x_i здесь означает количество i-го продукта в потребительском наборе. Пусть M — доход нашего потребителя, а $p_1, p_2, \ldots, p_n$ — цены продуктов.

Предполагаем, что потребитель стремится выбрать самый благоприятный для него набор товаров. Математически это выражается тем, что потребитель стремится к получению набора,

[109] Jevans W. S. The theory of political economy. London, 1924 (первое издание в 1871 г.).

максимизирующего его функцию полезности на множестве тех продуктов, которые могут быть приобретены на сумму M. Задача, которая стоит перед потребителем, запишется тогда так: найти: $\max U(x_1, x_2, \ldots, x_n)$ при $x_1p_1+x_2p_2+\ldots+x_np_n=M$.

С помощью метода множителей Лагранжа получим, что для выбранного потребителем вектора $(x_1^*, x_2^*, \ldots, x_n^*)$, максимизирующего его функцию полезности при данном доходе, справедливы следующие соотношения:

$$\frac{\partial U}{\partial X_i}\left(x_1^*, x_2^*, \ldots, x_n^*\right) = \lambda p_i \ , \ \frac{\partial U}{\partial X_j}\left(x_1^*, x_2^*, \ldots, x_n^*\right) = \lambda p_j \ ; i, j = 1, \ldots, n,$$

где $\frac{\partial U}{\partial X_i}$ — предельная полезность i-го продукта,

$\frac{\partial U}{\partial X_j}$ — предельная полезность j-го продукта.

Как видим, в этой модели цены пропорциональны предельным полезностям. Действительно,

$$\frac{\frac{\partial U}{\partial X_i}\left(x_1^*, x_2^*, \ldots, x_n^*\right)}{\frac{\partial U}{\partial X_j}\left(x_1^*, x_2^*, \ldots, x_n^*\right)} = \frac{\lambda p_i}{\lambda p_j} = \frac{p_i}{p_j}.$$

Но какой же вывод следует отсюда и, прежде всего, какой отсюда следует математический вывод? Доказано, что для данной модели, какие бы цены ни взять, они всегда окажутся пропорциональны полезностям. Стало быть, возьмём ли стоимостные цены — они будут пропорциональны полезностям, возьмём ли цены производства — тоже, возьмём любые другие — результат не изменится. А из этого следует тот важный вывод, что потребитель просто будет всякий раз выбирать новый набор $(\tilde{x}_1^*, \tilde{x}_2^*, \ldots, \tilde{x}_n^*)$ и за счёт выбора другого набора значения предельных полезностей на новом наборе окажутся пропорциональными установленным ценам. Цены, следовательно, управляют потребителем, а не потребитель ценами.

Если цены постоянно стоят на уровне стоимости и изменяются только вместе с нею, то для потребителя, который стремится максимизировать свою функцию полезности, предельные полезности для выбранного им набора благ будут постоянно пропорциональны стоимости. Подсунув под равенство словечко «определяют», субъективная школа не только отказалась признать примат производства и объективно социальную точку зрения, но и пошла на искажение математических выводов, выдавая равенство за причинное отношение.

Для трудовой теории стоимости, базирующейся на историческом материализме, центр тяготения цен, закономерная основа цен есть выражение определённых производственных отношений, определяется производством. Примат производства для субъективистов — нечто неприемлемое. Их учение сродни индивидуалистической философии, которую они исповедуют, и отражает психологию субъекта, потребляющего, но не производящего, полностью или частично устранившегося от участия в общественном производстве.

Субъективисты утверждают, что цены определяются субъективными оценками. Чтобы привести теорию субъективистов в соответствие с действительностью, её нужно перевернуть, поставить с головы на ноги. Производство определяет цены и доходы, доходы и цены определяют субъективные оценки и, следовательно, в конечном счёте, как цены, так и субъективные оценки определяются производством.

На модели индивидуального поведения потребителя мы видели, как это может происходить и видели, что цены и даже стоимости могут оказаться равными предельным полезностям. Но это равенство марксисты истолкуют в том смысле, что цены управляют субъективными оценками, определяют величину предельных полезностей, а субъективисты, искажая действительность, истолкуют это равенство в противоположном смысле — будто субъективные оценки определяют цены. Если отклонить эти необоснованные претензии субъективистов, то из теории предельной полезности можно извлечь объективно верное. Её можно использовать для объяснения поведения потребителя на капиталистическом рынке под воздействием складывающихся на рынке цен.

3.3. «ОТКРЫТИЕ» ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЫ ТРУДА

Это «открытие» в советской экономической литературе принадлежит академику В. А. Трапезникову. Приведём по возможности полнее аргументацию, с помощью которой предпринималась попытка доказать информационную природу труда, чтобы читатель смог самостоятельно оценить ход мысли, приведший к такому сногсшибательному выводу.

«При создании потребительной стоимости, — писал В. А. Трапезников, — используются вещество, энергия и информация. Употребляя вещество, живой организм „генерирует“ лишь в процессе размножения. Энергию (механическую, мускульную) человек „генерируемой“ при любом виде труда, однако в настоящее время, при общей высокой энерговооружённости, эта энергия почти не имеет значения. В самом деле, средняя мощность, развиваемая человеком физического труда, составляет около 50 ватт. При существующих тарифах на энергию стоимость механической (мускульной) энергии, „генерируемой“ человеком, например, землекопом, не превосходит 1% от получаемой им зарплаты. В таком случае, за какой же компонент труда человек получает зарплату? Если не за вещество и не за энергию, то, следовательно, ему оплачивается „генерируемая“ им управляющая информация.

В процессе любого труда, — продолжал академик В. А. Трапезников, — да и вообще в любых условиях сознательной жизни, человек непрерывно управляет, идёт ли речь о людях физического или умственного труда. Землекоп управляет движением рук, держащих лопату, машинист — работой механизма, руководитель управляет работой предприятия, начальник статистического управления — движением информации, художник, артист, композитор управляют эмоциями людей. Разумеется, каждый из них „генерирует“ и известное количество мускульной энергии, однако это, как уже отмечалось, почти не имеет значения. Ведь и в области физического труда, не говоря уже о тонких процессах ремесла, главным является умение, сноровка.

Следовательно, ***основной продукт*** труда — это информация (Выделено не нами. — *А. В. Золотов, М. В. Попов*), частично овеществляемая в предметах труда, частично расходуемая в процессе

управления на борьбу с энтропией (неупорядоченностью). Отсюда вытекает, что результат труда, а значит и ***стоимость*** (Выделено автором. — *А. В. Золотов, М. В. Попов*) любого продукта труда, строго говоря, ***должна измеряться в масштабе информации*** (Выделено автором. — *А. В. Золотов, М. В. Попов*). Таким образом, и стоимость производственных фондов — это, в известном масштабе, запасённая информация.

Производство любого продукта требует использования трёх компонентов — вещества, энергии и информации; поэтому и его стоимость определяется суммой этих компонентов. Содержание вещества в готовом продукте легко измерить — вещество сохраняется. Затраты энергии могут быть измерены в процессе производства. Но информацию, израсходованную в процессе производства, пока измерить невозможно. Косвенно „расход" информации в какой-то мере характеризуется общей зарплатой работающих на основе установленных разрядов, должностных окладов и премий, зависящих от квалификации и результативности работающих.

Однако истинный объём управляющей информации, „генерируемой" отдельным человеком или коллективом, далеко не всегда соответствует зарплате. Так, например, существуют эффективно и неэффективно работающие НИИ и КБ, хорошие работники и „болтуны", и „генерируемая" ими полезная информация может быть совсем не пропорциональной их зарплате, т. е. учитываемым затратам»[110].

Да, да, существуют «хорошие работники и «болтуны», и «генерируемая» ими полезная информация может быть совсем не пропорциональной их зарплате», что верно, то верно. В приведённой выше выдержке так много экономических и логических ошибок, что, право, испытываешь затруднение от избытка возражений. Попытаемся всё же разобрать аргументацию В. А. Трапезникова.

Первое, что бросается в глаза, — это постоянное смешение затрат и результатов. «При создании потребительной стоимости, — пишет сначала В. А. Трапезников, — используются вещество, энергия и информация», т. е. результатом труда им

[110] Трапезников В. А. Темп научно-технического прогресса — показатель эффективности управления экономикой // Автоматика и телемеханика. 1971. № 4. С. 17.

признаётся потребительная стоимость, а затратами считаются вещество, энергия и информация. Потом вдруг оказывается, что затрачивается труд, а его продуктом является информация («основной продукт труда — это информация») и, наконец, делается огромной логической силы вывод: «результат труда, а значит (не у Д. Б. Кларка ли В. А. Трапезников позаимствовал это замечательное „значит“?) и стоимость (!!) любого продукта труда… должна измеряться в масштабе информации».

В дополнение к этим ошибкам В. А. Трапезников считает правомерным сводить затраты общечеловеческой рабочей силы к затратам энергии, вещества и информации, как будто бы целое есть простая сумма частей, и затраты человеческой рабочей силы могут быть рассмотрены как механическое соединение трёх указанных компонентов. Сама постановка вопроса: «за какой же компонент труда человек получает зарплату?» содержит в себе нелепое предположение, что такое сложное явление, как труд, может быть целиком и полностью сведено к одной из трёх элементарных категорий. Достаточно вспомнить хотя бы то, что затраты рабочей силы очень часто означают прямое сокращение человеческой жизни, которая не сводится ни к веществу, ни к энергии, ни к информации, чтобы убедиться в недопустимости производимой В. А. Трапезниковым операции.

То, что в статье В. А. Трапезникова выглядело как экстравагантное отклонение от преобладающих в советской экономической литературе представлений о природе стоимости, в западной литературе получило оформление в рамках концепции «информационного общества», возникшей в начале 60-х гг. XX века, а также в примыкающей к ней концепции «общества знаний».

Как отмечается в аналитических работах, согласно этим, ныне модным и в России концепциям, «в экономике вообще и трудовой деятельности в частности, главную роль начинает играть созидание и использование знаний»[111]. Тем самым, при оценке роли знаний в экономике налицо уже отмечавшееся смешение фактора и результата производства. Основным и непосредственным результатом материального производства выступают не знания, а предметы, энергия или их перемещение. К тому же знание

[111] Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А. И. Колганова. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. С. 55.

не выступает как непосредственный фактор производства, оно воплощается либо в повышение квалификации труженика, либо в более производительных средствах производства.

Предпринимаются попытки подвести философскую базу под концепцию «информационного общества». Так, по-прежнему предлагается «исходить из того, что структурообразующими элементами любой экономической системы являются в конечном счёте ***вещество, энергия, информация…***»[112]. Так как экономическая система характеризуется единством производительных сил и производственных отношений, то на деле речь идёт о результатах функционирования экономики. Возможную критику о придании равнозначности в экономике объективным, материальным результатам (веществу и энергии) и субъективному (информации), цитируемый автор пытается отвести трактовкой информации как «объективно существующей»[113], как порождаемой «спонтанными природными формообразованиями»[114]. Но тогда под «информацией» подразумевается структурная определённость вещества, которую странно рассматривать как элемент, не зависимый от самого вещества, существующий наряду с ним. Попытка согласовать концепцию «информационного общества» с методологией исторического материализма закономерно потерпела неудачу.

В «обществе знаний», если верить сторонникам этой концепции, появляется «стоимость, созданная знанием». Вводя это понятие, Тайичи Сакайя пишет, что подобной стоимостью «обладает фирменное название»[115]. Соответственно, по его мнению, «наиболее важным средством умножения созданной знанием стоимости оказывается разум отдельного человека…»[116].

---

[112] Цвылёв Р. И. Информационная сущность экономических процессов // Информационное общество и Россия / Под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осьмовой. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. С. 54.

[113] Цвылёв Р. И. Информационная сущность экономических процессов. 2002. С. 54.

[114] Цвылёв Р. И. Информационная сущность экономических процессов. 2002. С. 55.

[115] Сакайя Тайичи. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Изд. «Academia», 1999. С. 350.

[116] Сакайя Тайичи. Сакайя Тайичи. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего. 1999. С. 356.

Очевидно, что указанный автор, отказавшись от разграничения производительного и непроизводительного труда, неправомерно приписывает стоимость — эту объективную экономическую категорию — такому субъективному явлению, как «название».

Раз способностью создавать стоимость наделяется не производительный труд, а «разум», то мыслительная деятельность отождествляется им с материальной, что препятствует пониманию объективных экономических процессов, в том числе процесса образования стоимости.

Как и многие другие сторонники концепций «информационного общества», «общества знаний» и т. д., Тайичи Сакайя обращает внимание на тот известный факт, что цена некоторых товаров (модных или воплощающих новые идеи и т. д.) может многократно превышать обычные издержки на их производство. Это превышение образуется, по его мнению, стоимостью, созданной знанием[117].

В действительности же речь идёт об отклонении цены от стоимости (или от цены производства как модификации стоимости) под влиянием отмеченных факторов. Фирмы-новаторы способны, воздействуя на спрос, получать сверхприбыль, что вполне согласуется с трудовой теорией стоимости и не требует введения столь надуманной теоретической конструкции, каковой является «стоимость, созданная знанием».

В одном можно согласиться с цитируемым автором: «Разработка универсальной концепции (подобной теории трудовой стоимости), применимой в отношении созданной знанием стоимости, невозможна…»[118]. Эта невозможность, добавим мы, обусловлена несоответствием представления о «стоимости, созданной знанием», действительной сущности стоимости.

Такая сущность научно раскрыта трудовой теорией стоимости, и попытки обойтись без неё в анализе стоимости приводили и будут приводить к теоретическим казусам, подобным рассмотренным выше.

---

[117] Сакайя Тайичи. Сакайя Тайичи. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего. 1999. С. 353.

[118] Сакайя Тайичи. Сакайя Тайичи. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего. 1999. С. 362.

Глава IV

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Трудовая теория стоимости раскрыла роль производительного труда как субстанции стоимости. Стоимость — не вещь, а общественное отношение между товаровладельцами.

С отрицанием капиталистического производства утверждается господство непосредственно общественного производства, то есть такого, в котором отношения между производителями уже не опосредствуются товарным обменом, которое непосредственно подчиняется удовлетворению общественных потребностей. Такое производство, разумеется, не может быть адекватно охарактеризовано теорией стоимости.

Исторический опыт наглядно свидетельствует, что попытки применения теории стоимости для характеристики непосредственно общественного производство приводили к появлению той или иной разновидности концепции «рыночного социализма». Практическая реализация подобной концепции столь же неизбежно завершалась реставрацией товарного хозяйства в его капиталистической форме.

Поэтому для правильного понимания непосредственно общественного производства требуется теория, согласующаяся с приматом материального производства, и вместе с тем не повторяющая теории стоимости. Для обозначения такой новой теории В. Я. Ельмеев предложил термин «трудовая теория потребительной стоимости», который и будет использоваться в данной работе[119].

---

[119] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 136 с.

4.1. СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Трудовая теория потребительной стоимости отражает изменение роли потребительно-стоимостных характеристик общественного производства и затрат труда при переходе от капиталистического производства к непосредственно общественному. Если в единстве стоимости и потребительной стоимости решающая роль принадлежит первой, то отрицание товарного хозяйства предполагает выдвижение на первый план именно потребительной стоимости.

Потребительная стоимость в непосредственно общественном производстве перестаёт быть носителем меновой стоимости. Непосредственной целью производства становится удовлетворение общественных потребностей. Это не означает, однако, что производительный труд не является больше основой жизни общества. Средства удовлетворения материальных потребностей по-прежнему производятся. Но в отличие от капиталистического производства, в рамках которого ориентация на прибавочную стоимость связана с наращиванием затрат абстрактного труда, в непосредственно общественном производстве богатством выступает сам всесторонне развитый человек. В таком производстве должно затрачиваться столько труда, сколько это необходимо для обеспечения полного благосостояния всех членов общества.

Соответственно, вместо закона стоимости как основного закона всякого товарного производства, а, значит, и капиталистического, в непосредственно общественном производстве вступает в действие закон потребительной стоимости. Он «является законом, по которому общество определяет, сколько времени необходимо уделять материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности»[120].

Отрицание закона стоимости с переходом от капиталистического производства к непосредственно общественному носит

[120] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. 1996. С. 53.

диалектический характер, то есть предполагает снятие прежних определений. Это означает, что воспроизводится регулирующая роль рабочего времени, хотя оно и не выступает больше в качестве основного мерила общественного богатства.

Воспроизводится в снятом виде и двойственный характер труда. В товарном хозяйстве двойственность труда заключается в единстве конкретного и абстрактного труда. Абстрактный труд, являясь источником стоимости, служит специфическим для товарного хозяйства выражением общественной сущности труда.

В непосредственно общественном хозяйстве направленность труда на обеспечение благосостояния всех членов общества составляет определённость его социально-экономической формы, общую для всех конкретных видов производительного труда. Тем самым наряду с особой целесообразной формой каждому виду производительного труда объективно присущ момент общности, предполагающий абстрагирование от специфики данного вида. Отсюда следует, что производительный труд «сохраняет свой двойственный характер (свою абстрактность и специфичность) и как созидатель потребительной стоимости»[121]. Разумеется, момент общности различных видов труда в непосредственно общественном производстве противоположен абстрактному труду товаропроизводителя, ибо имеет принципиально новое содержание — непосредственную ориентацию на удовлетворение общественных потребностей.

Потребительная стоимость в непосредственно общественном производстве обретает свою социально-экономическую специфику. Потребительная стоимость средств производства состоит здесь в замещении, высвобождении живого труда в тех производствах, где производительно потребляется эта техника. Это означает, что при обеспечении прежнего объёма выпуска благодаря использованию новой, более прогрессивной техники экономится труда больше, чем его затрачивается на её создание. В результате общество может располагать сэкономленным временем для осуществления деятельности, удовлетворяющей другие потребности.

---

[121] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. 1996. С 52.

Экономия рабочего времени в результате применения прогрессивной техники достигается и в капиталистическом производстве. Однако там она проявляется в специфически капиталистической форме — потребительной стоимости машин как основного капитала. В такой форме и фиксируется прогресс техники в современной капиталистической экономике, например, П. Пильцером, отмечающим, что «*капитал всё больше замещает труд*»[122].

Новая техника используется при капитализме для экономии необходимого рабочего времени с целью увеличения прибавочного времени, то есть как фактор увеличения прибыли. Между тем прибыль есть результат присвоения капиталистом неоплаченного труда рабочих, с общественной точки зрения она представляет собой затратный показатель. Соответственно, экономия рабочего времени сама по себе не является доминирующим мотивом, приоритет отдаётся достижению прибыльности.

Сущности непосредственно общественного производства соответствует использование новой техники именно для высвобождения труда. При таких условиях общеэкономическая потребительная стоимость новой техники совпадает с её специфически общественной потребительной стоимостью.

Правда, на первой стадии его развития непосредственно общественное производство не свободно от следов своего «выхождения из капитализма», и потому сохраняется момент использования техники для удовлетворения тех интересов производственных коллективов, которые расходятся с их общими интересами, требующими экономии труда. Поэтому и при социализме объективно возможна тенденция к торможению НТП[123] в погоне за увеличением показателей, отражающих затраты общественного труда.

Однако подобная тенденция обусловлена моментом отрицания сущности нового способа производства, а не её позитивным выражением. При целенаправленном разрешении противоречий использования передовой техники в соответствии с сущностью нового социально-экономического строя будет обеспечиваться

---

[122] Пильцер Пол. Безграничное богатство. Теория и практика «экономической алхимии» // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 425.

[123] НТП — научно-технический прогресс.

приоритетность экономии труда, потребительная стоимость средств производства получит последовательную реализацию.

Закон потребительной стоимости предполагает развитие не только средств производства, но и работника как основной производительной силы общества. Потребительная стоимость более развитой способности к труду состоит в экономии труда на выпуск фиксированного объёма продукции. Так, по расчётам Джеймса Роча, производительность труда городского рабочего возрастает на 2,8% пропорционально каждому году дополнительного обучения[124]. Действительная экономия труда достигается при том условии, что затраты труда на повышение квалификации окажутся меньше объёма труда, высвобождаемого вследствие вхождения в производство более квалифицированного работника.

И в данном случае в непосредственно общественном производстве проявляется момент, противоречащий его сущности. Он связан с увеличением затрат труда для наращивания валовых показателей, так что снижается потребность в развитии работников. Поэтому обеспечение экономии труда благодаря развитию основной производительной силы общества требует целенаправленной деятельности рабочего класса.

С учётом сказанного можно констатировать, что производительные силы непосредственно общественного производства имеют в форме экономии производительного труда единую меру потребительной стоимости. Очевидно, что эта мера объективная, общественно обусловленная, выражающая субстанциональную роль производительного труда, поскольку экономится именно он. Это и даёт основание для характеристики такой теории в качестве трудовой теории потребительной стоимости.

Рассмотренное не затрагивает оценки потребительной стоимости предметов потребления — проблемы, имеющей длительную историю в экономической науке. Выше было показано, что субъективные оценки полезности товаров определяются в товарном хозяйстве уровнем цен, то есть имеют объективную основу. Но полученные выводы прямо не применимы к характеристике потребительной стоимости продуктов в непосредственно

---

[124] Данные взяты в: Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 386.

общественном производстве, где отсутствует такое общественное отношение, как стоимость. Требуется выразить потребительную стоимость продуктов в новой экономике адекватным для неё образом.

В экономической литературе неоднократно предпринимались попытки дать объективную меру потребительной стоимости предметов потребления. Выдвигалась точка зрения, что потребительную стоимость необходимо оценивать временем потребления[125]. Основанием для такого предложения служит та мысль, что потребительная стоимость реализуется именно в процессе потребления, который, как и всякий социальный процесс, может быть измерен временем.

Отмеченная точка зрения, по сути, отождествляет процесс потребления с процессом труда, реализацию потребительной стоимости с её созданием. Социальный аспект потребительной стоимости обусловлен общественной природой воплощённого в ней труда, а не потреблением самим по себе. Характеристика потребления как «потребительного производства» подчёркивает, что потребление — это момент общественного воспроизводства, но не ставит под сомнение примат собственно материального производства. Поэтому время потребления не может характеризовать потребительную стоимость продуктов.

Можно встретить предложение измерять полезность предметов потребления через прирост потребительной стоимости рабочей силы, измеряемый экономией труда. Стремление согласовать характеристику потребительной стоимости продуктов с общей логикой трудовой теории потребительной стоимости, безусловно, заслуживает внимания и поддержки. И всё же отмеченный подход не решает проблему.

Дело в том, что личное потребление непосредственно обеспечивает воспроизводство человеческого организма и не более того. Потребление более качественного хлеба, мяса и т. д. само по себе не влияет на уровень квалификации работника и потому не отражается на производительности труда. Соответственно, улучшение

---

[125] Система экономического обеспечения качества продукции: Трудовая теория потребительной стоимости / Сиськов В. И., Губанов С. С., Шаповалов В. Р., Ельмеев В. Я. и др. Ч. I. М.: Издательство стандартов, 1992.

потребительских свойств предметов личного потребления, удовлетворяющих материальные потребности людей, не поддаётся измерению экономией труда.

Потребление духовных благ (изучение новой специальной литературы, прослушивание лекций и т. д.), ведущее к росту профессиональных знаний, отражается на производительности труда. Однако, то, как реализуются новые знания, зависит также от мотивации работника, от психологического климата в коллективе и т. д. Все эти факторы образуют целостность, и потому величина экономии труда не может служить адекватной мерой потребительной стоимости какого-либо отдельного духовного блага. Посредством экономии труда можно измерить рост потребительной стоимости рабочей силы более высокой квалификации, но нельзя — потребительную стоимость духовных благ, способствовавших росту квалификации работника. Это отражает нетождественность результатов материального производства, с одной стороны, и духовного, с другой.

Потребительную стоимость предметов потребления в непосредственно общественном производстве с экономической точки зрения целесообразно определять следующим образом. Надо учесть, что и общество в целом, и каждый трудоспособный для присвоения в необходимом объёме предметов потребления данного вида должны затратить соответствующее количество труда. В связи с ростом производительной силы труда затраты рабочего времени на единицу данного вида продукта сокращаются, так что для удовлетворения потребности в нём каждому работнику объективно можно трудиться меньше. Осуществляется экономия труда, размер которой и определяет потребительную стоимость данного блага.

Применительно к первой фазе непосредственно общественного производства, в рамках которой новые производственные отношения проявляются не только в новых, но и в старых, товарно-денежных формах, потребительная стоимость предметов личного потребления проявляется специфическим способом. Снижение затрат труда на производство данного продукта позволяет понижать цену на него. Тогда, в условиях распределения по труду, для приобретения того же объёма данного продукта любой трудоспособный член общества должен трудиться меньшее количество

времени. Разница между количеством рабочего времени, требуемым для приобретения данного продукта работником до понижения цены и после, и образует экономию труда, измеряющую потребительную стоимость данного продукта.

Если речь идёт о новом продукте, удовлетворяющем прежнюю потребность, то его потребительная стоимость оценивается снижением цены в расчёте на единицу полезного эффекта, что также соответствует принципу экономии труда.

Хотя при снижении цены экономится труд у всех потребителей данного продукта, однако подобная экономия будет неодинаковой для работников, имеющих неодинаковую зарплату, что отражает существование социально-экономического неравенства на первой фазе нового способа производства. Но отмеченные различия в потребительной стоимости одного и того же продукта для разных людей не отрицают её общего для них объективного критерия — экономии труда. В меру продвижения к социально-экономическому равенству различных видов труда будет формироваться и равенство экономически измеренной потребительной стоимости продукта для разных членов общества.

Таким образом, трудовая теория потребительной стоимости позволяет раскрыть объективную экономическую природу потребительной стоимости предметов потребления. Речь идёт об экономии труда у потребителей, достигаемой вследствие удешевления приобретаемых ими жизненных средств.

Поскольку потребительная стоимость этих средств определяется экономией труда, то выявляется общая экономическая мера полезности для всех производимых благ. А так как экономия труда у потребителей жизненных средств обусловлена ростом производительной силы труда, то в рамках этой общности проявляется примат материального производства в его единстве с потреблением.

Следует особо обратить внимание на то, что отмеченные социально-экономические свойства потребительной стоимости носят общеэкономический характер, обусловлены общественной природой производительного труда. Поэтому трудовая теория потребительной стоимости способна многое прояснить, например, в понимании капиталистической экономики.

Вместе с тем только в непосредственно общественном производстве общие экономические определения потребительной стоимости одновременно выступают и как выражение её специфической общественной формы. Следовательно, трудовая теория потребительной стоимости в полной мере соответствует именно данному способу производства и не может претендовать на замену трудовой теории стоимости в раскрытии закона движения капиталистического способа производства.

То, что в непосредственно общественном производстве потребительная стоимость производимых благ и способности к труду социально-экономически выражается посредством экономии труда, высвобождения его из собственно материального производства, воочию обнаруживает субстанциональность производительного труда в общественной жизни. Все сферы общественной жизни функционируют в рамках сэкономленного рабочего времени, представляют собой реализацию экономии производительного труда. Следовательно, производительный труд является основой всего социального.

Исходя из признания основополагающей роли производительного труда, необходимо решать вопрос об оценке результатов общественного производства.

4.2. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Как было рассмотрено выше, совершенствование средств производства, рост квалификации работников в производстве продукта данного вида ведут к экономии производительного труда. Достигнутая экономия на практике используется трояко: для увеличения выпуска данного вида продукта; для роста выпуска других продуктов; для увеличения времени социальной деятельности, не являющейся производительным трудом.

В двух первых случаях экономия труда носит условный характер, поскольку время, сэкономленное при выпуске продукта в прежнем объёме, реализуется в сфере производительного труда, без увеличения свободного времени непосредственных

производителей. Когда же возрастает время социальной деятельности, не являющейся непосредственно производительным трудом, тогда экономия труда в данном производственном процессе означает, при прочих равных условиях, его экономию в общественном масштабе.

В общественном производстве имеют место и условная, и действительная экономия труда. Когда объём выпуска данного продукта достигал соответствия общественной потребности в нём, прогресс производительных сил чаще всего выражался в высвобождении труда из данной отрасли. Сэкономленный труд мог быть реализован для формирования новой отрасли, в которой впоследствии также начинался процесс экономии труда. С учётом того, что НТП способствует всё более быстрому насыщению новых потребностей и охватывает все сферы общественного производства, действительная экономия труда, чем дальше, тем больше, преобладает над условной.

Экономия производительного труда используется для увеличения объёма непроизводительного труда, свободного времени общества. Прогресс в организации непроизводительного труда, в технических средствах его осуществления, в профессиональной подготовке занятых им работников приводит к тому, что меньшее количество определённого вида такого труда способно удовлетворять соответствующую потребность в нём.

Принципиальное отличие подобного уменьшения времени от экономии производительного труда состоит в том, что оно не сопровождается сокращением времени непроизводственной социальной деятельности в общественном масштабе. Происходит перераспределение непроизводительного труда в пользу тех его видов, которые нуждаются в увеличении. Речь идёт, прежде всего, об отраслях непроизводственной деятельности (народном образовании, культуре, здравоохранении, науке и т. д.), которые непосредственно направлены на свободное всестороннее развитие всех членов общества. Подобная тенденция проявляется и в развитых капиталистических странах. Так, например, отмечается, что в США «на каждую кассиршу, потерявшую работу в банке в результате автоматизации, приходятся три новых рабочих места для преподавательниц аэробики. Создаётся впечатление, что люди испытывают

неутолимое стремление к тому, чтобы к ним проявляли персональное внимание»[126].

Поскольку прогресс разумных потребностей духовного и физического развития человека безграничен, то объективно невозможен избыток времени для осуществления соответствующей непроизводственной деятельности. Всегда существует общественная потребность превращать экономию производительного труда в прирост свободного времени общества. И, наоборот, в условиях прогресса крупной машинной индустрии уменьшение объёма непроизводительного труда общества для увеличения масштабов труда производительного не является закономерным, так как удовлетворение общественных потребностей в материальных благах происходит при снижающихся затратах производительного труда. Сокращение общего объёма свободного времени препятствовало бы развитию работника как основной производительной силы общества. Поэтому подобное сокращение не имеет экономической основы и может свидетельствовать лишь о деградации общественного производства.

Понимание экономии труда общества именно как экономии производительного труда позволяет правильно оценить перспективу динамики рабочего времени. Современный научно-технический прогресс создаёт такую ситуацию, когда общий объём производительного труда сокращается не только относительно продолжительности непроизводственной социальной деятельности, но и абсолютно. Абсолютное сокращение времени производительного труда общества может замедляться, например, ростом численности населения, но раньше или позже оно закономерно проявляется, в чём находит своё адекватное выражение закон экономии времени.

Закономерность абсолютного уменьшения общественного фонда рабочего времени не прослеживается, если не разграничивать производительный и непроизводительный труд. Тогда высвобождение труда из сферы материального производства принимает видимость перераспределения рабочего времени

---

[126] Райх Роберт. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 519.

общества. А поскольку общий объём непроизводительного труда возрастает, то суммарное время производительного и непроизводительного труда также может увеличиваться. Отсюда, например, то представление о современном производстве, что «сокращение рабочего времени работника… ведёт к возрастанию общей массы рабочего времени в стране»[127].

Спрашивается, если общая масса рабочего времени в стране растёт, то как же действует закон экономии времени? В чём же тогда проявляется безграничность роста общественной производительности труда в условиях НТП? И в данном конкретном случае обнаруживаются неправомерность расширительной концепции производительного труда, необходимость разграничения производительного и непроизводительного труда.

Экономия производительного труда используется для увеличения массы непроизводительного труда, свободного времени. В отличие от непроизводительного труда как общественно полезной деятельности, то есть непосредственно ориентированной на удовлетворение общественных потребностей, индивидуальное свободное время наполнено деятельностью, связанной с удовлетворением социально обусловленных потребностей индивидуума.

Следует отметить, что удовлетворение естественных потребностей человека охватывает время за рамками специфически социальной деятельности, включающей производительный и непроизводительный труд. Удовлетворение естественных потребностей — процесс, обусловленный принадлежностью человека к животному миру. И хотя он осуществляется по-человечески, неправомерно рассматривать его ни как производственный процесс, ни как использование экономии труда.

Непроизводительный труд и индивидуальное свободное время, несмотря на их различие, обусловленное ориентацией на потребности разного уровня (общественные, с одной стороны, и индивидуальные, с другой), имеют единую субстанцию — экономию производительного труда. Они представляют собой социальную деятельность, свободную от непосредственного воздействия на средства производства. Безусловно, такая деятельность

[127] Патрушев В. Д. Использование совокупного времени общества. М.: Мысль, 1978. С. 50.

не находится под тем влиянием природных закономерностей, которое характерно для производительного труда. Эта деятельность создаёт куда более благоприятные возможности для свободного всестороннего развития человека. При такой субстанциональной общности непроизводительного труда и индивидуального свободного времени правомерно характеризовать время их осуществления как свободное время общества. «Сбережение рабочего времени, — отмечал К. Маркс, — равносильно увеличению свободного времени»[128].

От такого понимания проблемы отличается расхожее ограничение свободного времени досугом. Оно базируется на представлении о несовместимости свободы и общественного регулирования деятельности человека. Отмеченное представление имеет под собой объективную основу в условиях наёмного характера непроизводительного труда, когда проявляется противоположность интересов работников и собственников предприятий. И всё же тот факт, что непроизводительный труд, имея преимущественно совместный, непосредственно общественный характер, требует общественного регулирования, сам по себе вполне согласуется с реализацией творческого потенциала работников непроизводственной сферы. Другое дело, что наёмный характер труда порождает специфически капиталистические препятствия для реализации данного потенциала.

При определении общей величины свободного времени нельзя поэтому ограничиваться суммированием времени досуга всех индивидов, надо принимать во внимание и время непроизводительного труда. Так, например, В. Д. Патрушев обоснованно включает в свободное время общества наряду с досугом «затраты времени работников тех учреждений и организаций, которые обеспечивают использование свободного времени членами общества»[129]. К этому следует добавить и время непроизводительного труда по технологической подготовке производства, управлению и всех остальных видов подобного труда, также имеющих своей субстанцией экономию производительного труда.

---

[128] Большевик, 1939. № 11–12. С. 65.

[129] Патрушев В. Д. Время как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 20.

В. Я. Ельмеев справедливо отмечает: «Свободное время общества составляется из не отведённого материальному производству времени, расходуемому на активную деятельность по управлению обществом, развитию производительно-трудовых качеств людей, их научно-образовательных возможностей, по нравственному воспитанию, развитию эстетических качеств и художественному воспитанию, физическому совершенствованию, а также на досуг.

В соответствии с таким пониманием содержания свободного времени его количественный масштаб можно определить как сумму времени, отводимую непроизводительному труду и времени всего занятого населения, затрачиваемого сверх рабочего дня на осуществляемые в свободное время указанные виды деятельности»[130].

При определении величины свободного времени общества следует также учитывать и время социальной деятельности нетрудоспособных. Процесс социализации подрастающего поколения происходит в рамках этого времени. Те, кто перешагнул верхнюю возрастную границу трудоспособности, также осуществляют свою социальную деятельность в пределах свободного времени общества.

Свободное время обоснованно рассматривается как выражение богатства общества: «Свободное время, время, которым можно располагать, есть само богатство»[131]. Правда, лишь в непосредственно общественном производстве эта форма богатства получает приоритет над денежным богатством.

В капиталистической экономике свободное время имеет подчинённое значение по отношению к накоплению денег, что отражается, в частности, в моделях неоклассической ветви экономической теории, исходящей из наивысшей эффективности капитализма. Свободное время в этих моделях, по сути, не рассматривается как самостоятельная ценность. Так, значимость свободного времени измеряется в них величиной заработка, упущенного человеком из-за пребывания вне сферы экономической деятельности.

Оценивая свободное время как богатство, не менее важно сознавать и роль производительного труда как источника

---

[130] Ельмеев В. Я. Теория и практика социального развития: Сб. научных трудов. К 75-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 100.

[131] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 265–266.

происхождения этого богатства. Тот факт, что «свободное время может порождаться лишь трудом»[132], учитывается отнюдь не всеми направлениями экономической мысли. Неоклассическая теория рассматривает свободное время как нечто заданное извне по отношению к экономической системе. Связь между рабочим и свободным временем имеет в подобной интерпретации чисто внешний характер обратной зависимости, причём предполагаются равновозможными как вариант увеличения свободного времени за счёт сокращения рабочего, так и его уменьшения вплоть до полного замещения рабочим временем. Очевидно, что подобный подход, игнорируя субстанциональность производительного труда, не способен выявить закономерную динамику рабочего и, соответственно, свободного времени общества.

Раз деятельность, наполняющая свободное время общества, базируется на экономии труда, то этим обусловлено её сущностное соотношение с производительным трудом. Отсюда и измерение богатства общества величиной свободного времени невозможно осуществить должным образом, рассматривая свободное время изолированно, вне связи с объёмом рабочего времени. Например, увеличение массы свободного времени общества может произойти при прежнем уровне производительности труда вследствие роста общей величины рабочего времени в связи с увеличением населения. Этот же объём свободного времени может быть обеспечен за счёт прогресса экономии труда при прежней численности населения. Очевидно, что в первом случае предпосылки для свободного развития каждого члена общества будут менее благоприятными, чем во втором.

Вот почему для более точного измерения общественного богатства необходимо использовать отношение свободного времени общества к его рабочему времени. Поскольку свободная деятельность общества имеет своей субстанцией сэкономленный труд, то этим обусловливается единство производственной и свободной деятельности, а, следовательно, и их соизмеримость в единицах времени. А так как сэкономленный труд не затрачивается в материальном производстве, то различие затрат и результатов труда

---

[132] Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 147.

общества является не формальным, а действительным. Отсюда правомерность их сопоставления.

Следует согласиться с В. Я. Ельмеевым, который пишет: «Для выражения богатства в форме свободного времени нужно, на наш взгляд, вместо затратного измерителя материального богатства ввести измеритель другого рода — норму свободного времени, выражаемую отношением свободного времени общества к его рабочему времени»[133]. Безусловно, предложенный показатель в полной мере раскрывает роль свободного времени как измерителя богатства общества.

При расчёте нормы свободного времени общества следует учесть, что производительный труд затрачивается не только в общественном производстве, но и в домашнем хозяйстве. В процессе обобществления производства объём домашнего труда закономерно снижается. Однако затраты рабочего времени в нём всё ещё значительны и они, безусловно, должны отражаться в подобных расчётах.

Норму свободного времени общества целесообразно рассчитывать по следующей формуле:

$$N = \frac{\sum_{i=1}^{14} n_i \left(\overline{T_i} + \widetilde{T_i} \right)}{\sum_{i=1}^{14} n_i \left(T_i + \widehat{T_i} \right)},$$

где: N — годовая норма свободного времени общества;

n_i — среднегодовая численность i-той группы, где:

$i=1…14$;

$i=1$ — соответствует группе рабочих;

$i=2$ — соответствует группе крестьян;

$i=3$ — соответствует группе инженерно-технических работников;

$i=4$ — соответствует группе работников социальной сферы;

$i=5$ — соответствует группе военнослужащих;

$i=6$ — соответствует группе государственных служащих;

$i=7$ — соответствует группе предпринимателей;

$i=8$ — соответствует группе детей дошкольного возраста;

---

[133] Ельмеев В. Я. Теория и практика социального развития. 2004. С. 333.

$i=9$ — соответствует группе учащихся;

$i=10$ — соответствует группе студентов;

$i=11$ — соответствует группе лиц трудоспособного возраста, занятых в домашнем хозяйстве;

$i=12$ — соответствует группе пенсионеров по возрасту;

$i=13$ — соответствует группе инвалидов;

$i=14$ — соответствует группе безработных;

$\overline{T_i}$ — среднегодовое количество часов непроизводительного труда, удовлетворяющего общественные потребности, в расчёте на одного входящего в i-ю группу;

$\widetilde{T_i}$ — среднегодовое количество часов свободной деятельности, непосредственно удовлетворяющей индивидуальные (семейные) потребности, в расчёте на одного, входящего в i-ю группу;

T_i — среднегодовое количество часов общественно-производительного труда в расчёте на одного входящего в i-ю группу;

$\widehat{T_i}$ — среднегодовое количество часов труда в домашнем хозяйстве в расчёте на одного входящего в i-ю группу.

Предложенная формула учитывает все элементы времени производительного труда и свободного времени общества. Измерение времени в часах позволяет с максимально возможной точностью установить величину затрат и результатов труда. Среднегодовая численность социальных групп, принимаемых во внимание приведённой формулой, может быть определена из данных современной статистики. Продолжительность различных составляющих времени труда и свободной деятельности определяется исходя из данных бюджетов времени.

Приведённая формула абстрагирует от фактора внешнеэкономических связей. Последние же оказывают определённое влияние на величину нормы свободного времени общества. Систематическое превышение экспорта товаров и производственных услуг над их импортом означает, что страна затрачивает производительного труда больше, чем требуется для обеспечения свободной деятельности её граждан, что часть экономии труда реализуется за рубежом. И наоборот, превышение импорта товаров и производственных услуг над экспортом даёт возможность осуществлять свободную деятельность в большем объёме, чем позволяет собственный фонд рабочего времени страны.

Расчёты нормы свободного времени общества, проделанные по предложенной методике, показывают, что норма свободного времени превысила в СССР значение единицы в результате индустриализации народного хозяйства. Утверждение господства машинной индустрии означает переворот в соотношении производительного и непроизводительного труда, когда преобладание доли производительного труда в общем объёме социальной деятельности сменяется превышением доли непроизводственной деятельности. Тем самым впервые в истории обретает своё адекватное выражение то обстоятельство, что «превосходство результата труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет… смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества»[134].

В 1985 г. в России один час производительного труда общества обеспечивал 2,7 часа, сэкономленного для осуществления свободной деятельности (без учёта фактора внешнеэкономических связей). Поскольку в 1985 г. объём экспорта из России превышал объём импорта, то на самом деле норма свободного времени общества была несколько выше.

В соответствии с определением производительности труда как результативности конкретного труда в единицу времени норма свободного времени общества выступает показателем общественной производительности труда. Никакой другой показатель не может в такой же степени претендовать на роль измерителя общественной производительности труда. Расчёт производительности по выпуску продукции в натуральном выражении предполагает слишком ограниченные предпосылки, делающие его непригодными для определения общественной производительности труда. Использование в этих целях стоимостной оценки произведённого общественного продукта вынуждает сопоставлять друг с другом затраты труда (хотя и взятые в различной форме), неправомерно исключает из рассмотрения сферу труда в домашнем хозяйстве.

Что касается нормы свободного времени общества, то её динамика отражает экономию труда, то есть изменение трудозатрат на выпуск одного и того же объёма продукции. При её расчёте

---

[134] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. 1996. С. 60.

агрегируются результаты труда, затраченного на удовлетворение различных потребностей. Тем самым она сохраняет достоинства рассмотренных показателей. Но, очевидно, что она свободна от их недостатков. Всё это позволяет характеризовать её как более адекватный показатель общественной производительности труда.

Использование нормы свободного времени общества позволяет оценить динамику общественной производительности труда. Так, с 1959 г. по 1985 г. эта норма возросла в России на 63%, что отражает повышение общественной производительности труда.

При измерении такой динамики возникает следующая проблема. Рост общественной производительности труда может выражаться в увеличении объёма общественного продукта при одних и тех же затратах труда. В этом случае свободное время, как и его норма, не изменяется, хотя производительность труда растёт. Налицо условная экономия труда. Например, производительность общественного труда, измеренная при помощи стоимостной оценки общественного продукта за период с 1960 года по 1985 год, возросла в России на 227% (несомненно, здесь сказались и инфляционные факторы)[135]. В этот период резко увеличилась производительность труда в домашнем хозяйстве в связи с масштабным строительством современного жилья. Между тем прирост нормы свободного времени общества был существенно ниже. Это свидетельствует о том, что достигнутая тогда экономия труда в значительной степени носила условный характер и потому не полностью отражалась в динамике нормы свободного времени общества.

Определённое расхождение в изменении рассматриваемого показателя и реального уровня общественной производительности труда неизбежно, как и для любого показателя, отражающего развитие социально-экономической действительности. Но к этому добавляются специфические обстоятельства. Чем ниже уровень общественной производительности труда, тем значительнее часть прироста производительности труда, которую общество вынуждено использовать для увеличения вещественного богатства, удовлетворяющего материальные потребности членов общества. А чем выше общественная производительность труда, чем полнее

[135] Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика. 1987.

удовлетворяются потребности общества в предметах потребления и средствах производства, тем меньше необходимость наращивать массу потребительных стоимостей, тем значительнее прирост действительной экономии труда, превращаемой в свободное время общества, по сравнению с приростом условной. Таким образом, мера адекватности динамики нормы свободного времени общества изменению общественной производительности труда повышается в ходе социально-экономического прогресса.

Не всякое изменение нормы свободного времени общества отражает динамику общественной производительности труда. Так, например, увеличение безработицы означает сокращение рабочего времени общества и увеличение свободного времени лишь в части прироста времени профессиональной переподготовки безработных. Однако циклическая составляющая безработицы не находится в прямой зависимости от НТП, и потому её увеличение — это мнимое выражение экономии труда. Точно так же сокращение циклической безработицы в действительности не понижает общественную производительность труда, хотя формально норма свободного времени общества уменьшается. Подобные несоответствия присущи товарному хозяйству. Не случайно западные экономисты вынуждены оперировать показателем «естественный уровень ВНП[136]».

В советской статистике фокусировалось основное внимание на определении совокупного общественного продукта как материализации производительного труда общества. Использование нормы свободного времени позволяет отразить развитие сферы непроизводительного труда через оценку затрачиваемого в ней объёма времени и вместе с тем избежать суммирования денежной оценки результатов производительного и непроизводительного труда, противоречащего тому факту, что стоимость создаётся только производительным трудом.

Таким образом, исследование результатов производительного труда в соответствии с трудовой теорией потребительной стоимости даёт ключ к решению важных проблем экономической науки. В числе этих проблем — и соотношение материальной и нематериальной сфер общественной жизни.

---

[136] ВНП — валовой национальный продукт.

Глава V

МАТЕРИАЛЬНАЯ И НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ СФЕРЫ

5.1. СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Непроизводительный труд как постоянное занятие определённых лиц исторически мог возникнуть лишь в результате того, что производительность общественного труда достигла величины, достаточной для того, чтобы можно было прокормить, одеть и дать жильё людям, непосредственно не создающим материальные блага. Одним из первых видов непроизводительного труда был труд по управлению, развившийся из функции организации совместного труда и жизни членов первобытной общины, который стал ступенькой к зарождению класса эксплуататоров. Это дало Ф. Энгельсу основание написать, что в основе появления классов лежало разделение труда.

Разделение труда на производительный и непроизводительный, превратившее непроизводительный труд в исключительное занятие одних индивидов, а производительный труд — других, послужило, в свою очередь, мощным фактором повышения производительности труда в материальном производстве. Каждый дальнейший шаг в развитии этого разделения, подготовленный ростом производительности труда, означал в тех условиях появление новых возможностей для ещё большего роста производительности.

Особое значение для развития производительных сил имело отпочкование от дерева общественного труда такого его вида, которому впоследствии суждено было развиться в труд учёных, исследователей и конструкторов. Сфера нематериального производства, вырастая на базе развития материального производства, расширялась и оказывала всё большее обратное воздействие на сферу производства материальных благ. Характерно, что рост производства позволяет расширять и сферу производства, и сферу науки. Развитие же науки не может непосредственно

привести к увеличению числа научных работников и опосредствуется внедрением научных достижений в производство.

В эксплуататорских формациях трудящиеся были лишены возможности в полной мере использовать плоды духовного развития общества. Капитал довёл отделение умственного труда от физического до противоположности между ними. Люди умственного труда эксплуатировали или помогали эксплуатировать производительных работников — создателей средств существования и роскоши, создателей всех материальных благ. Буржуазная интеллигенция, получавшая средства своего существования из рук буржуазии, поставила величайшие достижения человеческого разума на службу классу капиталистов. Лишь немногие представители буржуазной интеллигенции переходили на сторону рабочих, борющихся за освобождение труда. «Надо сказать, — писал В. И. Ленин, — что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности»[137].

Российский пролетариат, создав свою, социалистическую интеллигенцию, дал человечеству опыт уничтожения противоположности умственного и физического труда.

Управление, наука, культура, просвещение, медицина составляют часть непроизводственной (нематериальной) сферы, то есть той сферы человеческой деятельности, которая является сферой преимущественно непроизводительного труда и в которой непроизводительный труд является главным, основным видом труда, определяющим лицо этой сферы. Аналогичным образом определяется производственная (материальная) сфера, то есть как сфера преимущественно производительного труда, который не только преобладает в этой сфере количественно, но и определяет лицо этой сферы, определяет конечный результат её функционирования.

Словом «преимущественно» подчёркивается, что как в нематериальной сфере имеются производительные работники, выполняющие в ней вспомогательную роль, так и в материальной сфере имеются непроизводительные работники, хотя их задача

[137] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. С. 420.

состоит лишь в том, чтобы способствовать созданию материальных благ и росту производительности труда производительных работников. В состав совокупного работника, например, входят такие представители непроизводительного труда, как руководители производства, инженеры, техники, мастера, обслуживающий персонал и т. д.

Деление на производственную и непроизводственную сферу, проводимое советской статистикой, целиком относило всю сферу обслуживания к непроизводительной сфере, не выделяя и не причисляя к производственной сфере производительные виды обслуживания (ремонт, стирка, химическая чистка и т. д.). Статистиков можно критиковать за непоследовательность, но у них было основание для того, чтобы отделять от производственной сферы производительные виды обслуживания.

Дело в том, что предметом труда для производительных работников, занятых в сфере обслуживания, служили материальные блага, не являвшиеся общественной собственностью трудящихся. Проводимая статистикой грань между производственной и непроизводственной сферой отделяла, следовательно, производство тех материальных благ, которые в течение всего процесса производства являются общественной собственностью и только в результате распределения могут перейти в личную, от производства тех материальных благ, которые с самого начала своего производства находятся в личной собственности отдельных индивидуумов.

Итак, материальная сфера определилась как сфера преимущественно производительного труда, нематериальная — как сфера преимущественно непроизводительного труда. В XX веке наблюдалось быстрое изменение количественного соотношения между материальной и нематериальной сферами, увеличение удельного веса нематериальной сферы. С 1940 по 1989 гг. удельный вес непроизводственной сферы в общей численности занятых в народном хозяйстве (исключая военнослужащих и учащихся) повысился с 11,7 до 27,8%, а доля отраслей материального производства снизилась с 88,3 до 72,2%[138].

---

[138] ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971. С. 508; Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 47.

Расширение нематериальной сферы, изменение количественного соотношения между материальной и нематериальной сферами могли бы, на первый взгляд, служить показателем изменения качественного отношения между ними. Однако, хотя определяющая роль сферы материального производства отнюдь не означает сохранения во что бы то ни стало её удельного веса и не предполагает непременно её количественного преобладания, магистральный путь развития общества связан не с сокращением числа производительных работников, а с увеличением их свободного времени, используемого в том числе и для выполнения функций непроизводительного труда.

Для роста нематериальной сферы необходим рост материальных благ в виде зданий, сооружений, оборудования и средств существования для непроизводительных работников, причём нематериальная сфера может вырасти лишь настолько, насколько вырастет объём материальных благ, обеспечивающих её функционирование. Любая самая далёкая от производства материальных благ отрасль человеческого труда существует лишь в тех границах, какие установлены суммой материальных благ, имеющихся для её содержания. Выделенные для данной отрасли объём средств существования и масса сэкономленного производительного труда определяют число занятых в ней работников. Планирование развития непроизводственной сферы тесно связано поэтому с планированием сферы производства материальных благ, обеспечивающей функционирование непроизводственной сферы.

Всякий новый шаг в развитии непроизводственной сферы должен быть подготовлен соответствующим изменением в материальной сфере, в количестве и структуре производимых материальных благ. Даже такое, казалось бы, «внутреннее» для сферы торговли, например, мероприятие, как расширение сети магазинов самообслуживания, могло быть проведено лишь при условии, что увеличился выпуск фасованных товаров, была произведена реконструкция торговых залов, расширился выпуск специальных кассовых аппаратов и т. д.

Основой расширения нематериальной сферы явилось мощное развитие материальной сферы. Если, например, в 1960 г. валовой общественный продукт составлял в СССР 304 млрд. рублей, то в 1970 г. он уже был равен 643 млрд. рублей, т. е. вырос более

чем вдвое[139]. Прирост национального дохода, составивший за седьмую пятилетку 45 млрд. рублей, за восьмую пятилетку равнялся уже 77 млрд. рублей[140]. Ясно, что поскольку материальная сфера обеспечивает материальными благами не только нематериальную сферу, но и все другие общественные сферы, постольку за любой период объём производимых в обществе материальных благ возрастает на большую величину, чем величина, обеспечивающая прирост нематериальной сферы.

Уровнем развития материального производства определяется богатство общества, возможность освободить людей для непроизводственной деятельности. Одна из важнейших задач, которую необходимо решить для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества — свести к минимуму производительный труд за счёт увеличения его производительности, экономии рабочего времени.

Нематериальная сфера не является лишь пассивным продуктом сферы материального производства. Во-первых, нематериальная сфера оказывает всё возрастающее воздействие на рост производительности труда. Во-вторых, её роль не сводится лишь к обслуживанию сферы производства. Развитием непроизводственной сферы, функционирующей в рамках свободного времени общества, обеспечивается всестороннее развитие личности. Маркс писал о свободном времени, как о «времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»[141].

Взаимодействие между производственной и непроизводственной сферами диалектически противоречиво. С одной стороны, поскольку производительный труд — создатель материальных благ и средство удовлетворения материальных потребностей, то кажется, что целесообразно в максимальной степени увеличивать число работников, занятых в сфере материального производства. Но, с другой стороны, увеличение числа занятых в сфере производительного труда за известным пределом

---

[139] ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971. С. 60.

[140] ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971. С. 57.

[141] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

начинает сдерживать рост его производительности и сковывает всестороннее развитие личности. Важно поэтому для каждого исторического момента установить то объективно обусловленное соотношение между производственной и непроизводственной сферами, которое обеспечит наиболее быстрое движение по пути создания и реализации предпосылок для свободного развития каждого. Установить это соотношение можно только на основе исследования тенденций развития техники, установления возможных вариантов развития экономики и выбора из них оптимального, то есть наилучшим образом удовлетворяющего интересам свободного развития всех членов общества.

Рабочий класс, являясь классом, наиболее заинтересованным в обеспечении универсального развития индивидов, заинтересован, поэтому как в прогрессе материального производства, так и в развитии нематериальной сферы, способствующей увеличению свободного времени трудящихся и росту их образования и культуры. Верно, что нельзя обеспечить свободное развитие каждого, не развив материальное производство настолько, чтобы коренным образом преобразовать содержание и условия труда, сократить рабочее время и обеспечить распределение материальных благ по потребностям. Но верно также и то, что гигантский рост материального производства должен быть использован и для развития нематериальной сферы, обеспечивающей духовное обогащение трудящихся, и наряду с развитием материальной сферы, непосредственно способствующей ликвидации социально-экономических различий, уничтожению классов и всестороннему развитию личности.

В непроизводственной сфере выделяются две части. Одна включает деятельность работников, труд которых как бы подготавливает производительный труд (некоторые разделы теоретических наук, технические науки, разработки, проектирование, физическая культура, медицина). Другая часть включает труд, который либо замыкает производство (торговля), либо не оказывает на него прямого влияния (культура).

Первая из указанных частей в свою очередь также разделяется на две части: ту, в которой заняты работники, непосредственно обеспечивающие воспроизводство рабочей силы (образование, медицина, физическая культура), и ту, в которой трудятся

работники, подготовляющие воспроизводство материальных благ в целом (ряд областей науки, разработки, проектирование). Наука на современном этапе всё в большей мере становится как бы подготовительной ступенью материального производства. Происходит сращивание науки и производства, и от успехов в развитии этого процесса сейчас в решающей степени зависит рост производительности труда.

5.2. НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО. ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАУКЕ

Если собственно производство в политэкономии означает производство вещей, то наука принадлежит к сфере производства идей, и научная деятельность является такой разновидностью человеческой деятельности, специфическая роль которой заключается в получении знаний об объективной действительности и путях и средствах её преобразования.

В период своего зарождения, когда научная деятельность ещё только возникла из потребностей практики и определяющая роль производства по отношению к науке была совершенно очевидной, эта деятельность состояла главным образом в изобретении путей и средств преобразования действительности. Познание объективной действительности само по себе выступало лишь как необходимый вспомогательный момент, целиком подчинённый потребностям повседневной практики.

В ходе исторического развития этот момент постепенно получил преобладающее, а затем и господствующее значение, и в течение долгого времени познание ради познания определяло лицо науки. Разделение труда в сфере науки оторвало труд по изучению существующей действительности от труда по использованию этих знаний для изобретения средств и методов преобразования этой действительности. Наука разделилась на теоретическую и прикладную. Началась эпоха накопления знаний, их систематизации, эпоха развития науки в основном как науки теоретической. Прикладное значение науки тогда было невелико и начинает расти снова лишь с наступлением эры машинного производства.

К. Маркс писал, что машинно-фабричное производство «делает необходимым применение науки»[142]. Он указывал, что «применение ***природных агентов*** — в известной степени включение их в капитал — совпадает с развитием ***науки*** как самостоятельного процесса. Если производственный процесс становится сферой ***применения науки***, то и наоборот, наука становится фактором, так сказать, функцией производственного процесса»[143].

Рост прикладного значения науки получил и соответствующее философское отражение. Идеализм сменился материализмом, а фейербаховский созерцательный материализм — диалектическим материализмом, предполагающим не просто пассивное отражение существующего мира, а активную деятельность по его преобразованию.

Наука, совершив в своём развитии виток диалектической спирали, принялась за развитие своей прикладной стороны теперь уже на прочном фундаменте крупных достижений теоретических наук. Этим объясняются те гигантские успехи, которые имеет на современном этапе применение достижений науки в производстве.

Знания об объективной действительности, накопленные теоретическими науками и составляющие их логическую основу[144], делают теоретические науки относительно самостоятельными от производства, способными развиваться согласно своей внутренней логике. Извне, из практики, из производства они получают теперь лишь общее направление и импульсы для своего развития в виде новых крупных проблем, которые им предстоит разрешить.

Если на заре науки постановка проблем была исключительно делом практики, то на современном этапе наука помогает

---

[142] Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки (Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии» // Вопросы естествознания и техники. 1968. Вып. 25. С. 76.

[143] Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки (Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии» // Вопросы естествознания и техники. 1968. Вып. 25. С. 75.

[144] К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, понимали под наукой продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге» — Архив Маркса и Энгельса, т. II (VIII). С. 157.

практике обнаружить их часть задолго до того, как они созреют в препятствие для развития производства. Наука в своём развитии как бы опережает практику, заранее выясняя её будущие потребности на основе изучения сегодняшнего состояния производства, и заблаговременно ищет средства их удовлетворения.

Определяющая роль производства проявляется теперь не только в том, что потребности производства по-прежнему определяют масштабы и основные направления исследований, но и в том, что выросшие из потребностей производства научные результаты уже накоплены, приведены в систему и, являясь логическим отражением производства, также «от имени производства» направляют ход исследований. Изменилась, следовательно, форма воздействия практики на теорию, техники и производства на развитие естествознания.

В настоящее время учёный, ищущий пути к раскрытию сущности изучаемых явлений, к созданию новых естественно-научных теорий или к открытию новых законов природы, «субъективно не всегда задаётся целью ответить на какие-то конкретные практические запросы техники, ибо вследствие полнейшей новизны или малой изученности данного круга явлений никто таких запросов перед ним в данный момент поставить не может. В таких случаях практика толкает учёных не на решение каких-то строго определённых и уже сформулированных задач, а на то, чтобы познавать всё более широко и глубоко процессы материального движения в природе безотносительно к их практической значимости. Среди множества изученных наукой объектов и процессов, происходящих в природе, не могущих получить практического применения в ближайшее время, обнаруживаются случайно и такие объекты и процессы.., для которых уже сейчас или в скором будущем могут появиться определённые сферы практического применения.

Отсюда и возникает ложное представление о том, что будто бы в современных условиях наука и техника полностью поменялись своими местами: из определяющего фактора, каким была техника в прошлом, она стала теперь фактором, производным от науки, а наука из производного превратилась в детерминирующий фактор по отношению к развитию техники.

На самом деле «обмен местами» между наукой и техникой произошёл, но не совсем так. Действительно, наука из фактора, отставшего (с хронологической точки зрения) от развития техники, превратилась в фактор, опережающий развитие техники. Однако перестановка основных компонентов общего научно-технического движения не означает, что определяющая, детерминирующая роль вообще перешла от техники к науке. Напротив, сама по себе указанная перестановка обоих компонентов современного научно-технического движения общества вызвана потребностями практики, техники, которая была и осталась детерминирующим фактором всего движения в целом. Сегодня, чтобы обеспечить науке возможность в полной мере осуществлять свою общественную функцию — обслуживать технику теоретическими и экспериментальными средствами и выводами, техника предоставила науке все необходимые условия для опережения самой техники»[145].

Фундаментальные теоретические науки соединяются с практикой через прикладные науки и из них черпают себе материал. Тот факт, что на современном этапе прикладная ветвь науки получает столь мощное развитие, вновь делает прозрачной причинно-следственную связь между производством и наукой. Современное производство требует превращения технических, а в известной мере и теоретических наук в подготовительную стадию производства.

5.3. НАУКА КАК ВСЕОБЩАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА

Целесообразно различать производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы[146]. К первым относятся рабочая сила и средства производства, соединение которых в трудовом процессе своим непосредственным

---

[145] Кедров Б. М. Развитие форм связи между наукой и техникой // Сб. «Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу». М.: Наука, 1971. С. 12–13.

[146] Ср.: «Капитал… как сила, поглощающая и присваивающая себе… производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например, науку». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 400.

результатом имеет материальные блага. В число вторых входят все факторы, повышающие производительную силу общественного труда и, следовательно, в качестве основного элемента всеобщих общественных производительных сил выступает наука как один из самых мощных катализаторов технического прогресса.

В одной из своих ранних экономических рукописей, не публиковавшихся при его жизни, К. Маркс написал: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним»[147].

В дальнейшем, однако, Маркс ни в рукописях, ни в опубликованных работах, говоря о науке как о производительной силе, уже никогда больше не употреблял слово «непосредственная». Он, как известно, отличался исключительной последовательностью, и если позже, отказавшись от подобного словоупотребления, в своём главном и завершающем труде «Капитал» нигде не говорил о науке как о «непосредственной» производительной силе, то это никак не может считаться случайным. Он, по-видимому, старался избежать неправильного понимания его мысли о том, что производство всё больше превращается в технологическое применение науки[148] и представления её как мысли о том, что наука будто бы непосредственно, без помощи производства может создавать материальные блага.

Наука не создаёт непосредственно ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог. Всё это — продукты материально-производительного труда. «Всё это — ***созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществлённая*** сила знания»[149]. Наука

---

[147] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 215 — рукопись 1857–1858 гг.

[148] Ср.: «Только капиталистическое производство превращает материальный производственный процесс в применение науки в производстве — в науку, применённую на практике». — К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки (Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии») // Вопросы истории естествознания и техники, 1968 Вып. 25. С. 76.

[149] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. стр. 215. Выделено нами. — А. В. Золотов, М. В. Попов.

является мощным фактором повышения производительности труда, научные открытия, будучи материализованы, воплощены, овеществлены в новых заводах, технологических линиях, машинах в колоссальной степени повышают эффективность производства, но, только будучи овеществлены.

Нельзя забывать, что наука принадлежит не к сфере общественного бытия, а к сфере общественного сознания. Сращивание, переплетение этих сфер в реальной жизни не должно служить поводом для того, чтобы перестать отличать бытие от сознания, вещь от идеи этой вещи. Идея остаётся лишь идеей, перевоплощаясь из замысла в проект, из проекта в чертёж, пока, наконец, рабочий не превратит идею нового станка в новый станок, идею новой машины в новую машину, идею новой технологической линии в новую технологическую линию. В конце пути от идеи нового средства производства до её реализации всегда стоит производство, и только посредством производства наука может произвести что-либо материальное. Непосредственно наука производит идеи и только идеи, и тот факт, что любая идея имеет какой-либо материальный носитель (проект, например, излагается на бумаге), ничего не меняет в этом отношении.

Если бы наука непосредственно, без посредства производства, производила материальные блага, то вовсе незачем было бы ломать голову над тем, как сократить путь научных разработок в производство. Сложность проблемы внедрения научных достижений в производство как раз и является самым ярким свидетельством того, что наука сама производить не может, производят производительные работники, производит производство. Наука является всеобщей производительной силой, непосредственно не производящей материальные блага, но в колоссальной степени развивающей производительную силу общественного труда.

Всякий труд есть единство духовного и физического процессов. Выделение из производительного труда умственной деятельности и превращение её в самостоятельный вид труда, в профессию, позволяет развить этот вид деятельности и результаты этого развития использовать для повышения производительности труда. Не являясь непосредственным участником трудового процесса, научный труд именно в силу этого становится таким мощным фактором развития производительных сил и роста производства.

Его роль тем больше, чем большее развитие получает наука и чем шире её технологическое применение.

С выделением ряда умственных аспектов труда в самостоятельный вид деятельности проблема возвращения результатов этой деятельности в производство, проблема технологического применения науки из второстепенной превращается в решающую для повышения эффективности производства. Она определяет собой современный этап развития производительных сил.

Тот факт, что наука является всеобщей общественной производительной силой, и роль этой всеобщей производительной силы общественного труда постоянно растёт, тот факт, что на современном этапе широкое внедрение научных достижений в производство открывает невиданные возможности для его развития, служат объяснением наблюдаемому повсеместно факту роста сферы науки. В силу того, что наука способна оказывать такие большие услуги производству, последнее требует высоких темпов развития науки.

Расходы на науку в СССР росли следующим образом.

Таблица 1. **Расходы на науку в СССР по государственному бюджету и другим источникам, 1940–1989 гг. (млрд. руб.)**

1940	1950	1960	1965	1969	1970	1980	1985	1989
0,3	1,0	3,9	6,9	10,0	11,7	22,3	28,6	43,6

В процентах к национальному доходу эти расходы выросли с 0,3% в 1940 г. до 4,1% в 1970 г. и до 6,6% в 1989 г.[150]

А вот как росла численность работников, занятых в науке и научном обслуживании.

Таблица 2. **Рост численности научных работников[151], 1940–1985 гг. (тыс. чел.)**

	1940	1950	1960	1970	1980	1985
Всего рабочих и служащих в народном хозяйстве	33 926	40 420	62 032	90 186	112 498	117 798
Наука и научное обслуживание	362	714	1 763	3 238	4 379	4 554

[150] Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 290.

[151] Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика. С. 511, 512. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 48–49.

До 70-х гг. в СССР происходили структурные изменения в общественном разделении труда и формирование сферы науки как сферы, результаты которой не эпизодически, а систематически внедряются в производство. Факты свидетельствуют о том, что затраты на науку в 1970 г. по сравнению с 1940 г. выросли более чем в 30 раз, а численность работников, занятых в науке и научном обслуживании, — почти в 9 раз. В 70-е гг. процесс формирования заканчивается, и темпы роста науки стабилизируются. Если в СССР за 1950–1965 гг. ежегодный прирост затрат на науку составлял 12,85%, то в последующие четыре года он был равен 5,45%[152]. Однако и в будущем темпы роста сферы науки по-прежнему должны превосходить темпы роста сферы материального производства.

Зародившаяся при капитализме тенденция к росту общественного характера производства не могла не оказать влияния на сферу науки. С расширением масштабов технологического применения науки существование науки как свободного занятия отдельных лиц стало совершенно невозможным, ибо общественный характер производства не терпит распылённости, разбросанности и беспорядочности научных исследований. Поскольку производство стало требовать для своего дальнейшего развития систематически проводимых научных исследований и разработок, тенденция к обобществлению захватила сферу науки.

В ней протекают процессы концентрации и централизации, аналогичные соответствующим процессам в сфере производства. Общественный характер науки в настоящее время возрос настолько, что в развитых странах капитализма основные затраты на развитие науки и её организацию берёт на себя представитель всего класса капиталистов — буржуазное государство. Ни одной, даже самой могущественной финансово-промышленной группе не под силу самостоятельное развитие науки в тех масштабах и на том уровне, которые требуются современным производством.

Централизуя в значительной мере науку, капитализм всё же не может достичь той степени концентрации научного труда,

---

[152] Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы. М.: Политиздат, 1972. С. 85.

которую требуют современные производительные силы и которую позволяют достичь лишь социалистические производственные отношения. Новый строй, соединяя в одно целое науку и производство, объединяя их единым планом, отвечает той тенденции к обобществлению, которая на современном этапе захватила производительные силы общественного труда, а вслед за ними и всеобщие общественные производительные силы.

Страны СЭВ добились высокой обеспеченности народного хозяйства квалифицированными кадрами. Так, в 1970 г. дипломированных инженеров в СССР было в 2,7 раза больше, чем в США. И по масштабам подготовки новых кадров государства СЭВ находились впереди. В 1970 г. в СССР инженеров было выпущено 257 тысяч, в США — 52 тысячи. Численность учёных в странах СЭВ возрастала значительно быстрее, чем в США или в западноевропейских государствах. В странах СЭВ работала треть всех научных работников мира. В социалистических странах ассигнования на развитие науки быстро росли и достигли, например, в СССР в 1970 г. 4,1 процента использованного национального дохода, что было больше, чем в странах Западной Европы, и примерно столько же, сколько в США. В целом по странам СЭВ общественная производительность труда, измеряемая объёмом национального дохода в расчёте на одного работника материального производства, увеличилась в 1966–1970 гг. на 35% против 29% в 1961–1965 гг.

Несмотря на то, что и в развитых капиталистических странах расширялось использование научно-технических достижений, страны социализма в 60-е гг. значительно опережали их по темпам повышения производительности труда. Так, в 1961–1971 гг. среднегодовые темпы прироста производительности труда в промышленности СССР составили 6,3%, а в США — 3,3%[153].

Таким образом, при развитии непосредственно общественного производства научно-технический прогресс создаёт предпосылки для освобождения общества от классовых различий, а также социально-экономических различий между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда.

---

[153] Микульский К. Научно-техническая революция в условиях экономического соревнования двух систем // Коммунист. 1972. № 10. С. 104, 108.

5.4. СРАЩИВАНИЕ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА

С того момента, как началось превращение производства в технологическое применение науки, производство стало требовать более чёткой, планомерной организации науки, более высокой дисциплины и ответственности научных работников и учреждений за выполнение явных и неявных заказов производства и за качество научной подготовки производства. Те или иные просчёты или ошибки в научных исследованиях, разработках и проектировании теперь не оседают только в виде «иного мнения» в научно-технических журналах, а через определённый период времени сказываются на материальном производстве. Они приводят к огромным потерям материальных благ и сбоям производственного ритма, подрывают рост производительности труда, а иногда ведут и к человеческим жертвам. Время, когда то или иное научное суждение оставалось лишь достоянием научной литературы, уходит.

Такие качества, как «разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за всё на свете браться и ничего не доводить до конца»[154], на которые Ленин указывал как на «одно из свойств „образованных людей“», одно время были неизбежны. Они вытекали «вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное»[155]. Подобные качества под благотворным влиянием производства на сферу науки отмирают и будут отмирать тем быстрее, чем в большей степени будет развиваться научная подготовка производства и чем в большей степени наука будет превращаться в подготовительную ступень к производству.

В условиях первой фазы непосредственно общественного производства негативные тенденции во взаимодействии науки и производства обусловлены и сохранением у производственных предприятий и научных учреждений интересов, расходящихся

---

[154] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35. С. 201.

[155] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35. С. 201–202.

с общественными. Проявления подобных негативных тенденций были описаны и в научной литературе, и в периодической печати.

О том, что «некоторые проектные организации без должной ответственности и заинтересованности подходят к созданию и внедрению новой техники, дают путёвку в жизнь явно не доработанным машинам и агрегатам», писал в своё время, например, в «Правде» главный экономист металлургического завода «Красный октябрь» А. Карпов: «Вот примеры, связанные со строительством нашего второго электросталеплавильного цеха. Проект электропечей разрабатывал Всесоюзный научно-исследовательский институт электротермического оборудования (ВНИИЭТО). А исполнитель — Новосибирский завод электротермического оборудования (НЗЭТО). Первую установленную печь ёмкостью 80 тонн потребовалось коренным образом переделывать. Мы, естественно, обратились за помощью к проектантам, но получили отказ. Пришлось обходиться своими силами. Печь всё-таки реконструировали, и она сейчас работает хорошо. Ёмкость её доведена до ста тонн.

Во ВНИИЭТО нас уже упрекнули — вот, дескать, цепляетесь за вчерашний день. Разве это печь? Мы дадим вам уникальную, каких ещё нет в стране, — на 200 тонн. Мы, понятно, обрадовались и решили строить такие печи. Но когда получили рабочие чертежи, увидели массу конструктивных недоработок. В общей сложности набралось 52 замечания. Ознакомили с ними автора проекта Л. С. Кацевича и других товарищей из ВНИИЭТО. А там и слышать ничего не хотели. Вы, говорят, некомпетентны, нам лучше знать, что к чему.

Вопреки нашим возражениям и техническим доводам, печь всё-таки сдали в испытания. И тут начались сплошные неприятности. Уже на холодном опробовании сорвало редуктор механизма отворота свода и разорвало корпус электродвигателя. А когда начались горячие испытания — оборвалась цепь и упал противовес системы перемещения электровозов… Случилось то, чего опасались и о чём предупреждали проектировщиков заводские специалисты. С „уникальной“ печью произошёл конфуз.

Мы не станем рассказывать, сколько потрачено сил на бумажную переписку, пустые споры, различные проверки и заключения. Дело доходило до арбитража. Самое обидное, что эта

печь — новинка обошлась заводу в два миллиона рублей, а ожидаемого эффекта не дала. Её мощность почти на уровне печи ёмкостью в 100 тонн. Подобное же положение и с другой 200-тонной печью. Она тоже работает с перебоями, часто приходится менять узлы, себестоимость выплавляемой стали намного выше проектной.

Согласитесь, явление явно ненормальное. И мы, наверное, вправе спросить руководителей Главэлектропечи Министерства электротехнической промышленности В. Г. Субачёва, М. И. Пережогина, руководителей ВНИИЭТО и НЗЭТО А. П. Альтгаузена, А. С. Бородачёва и И. П. Лоскутова: почему же так получается? Мы считаем, что надо поднять личную ответственность каждого специалиста, причастного к созданию и внедрению новой техники. А то вот что получается: когда мы обратились в государственный арбитраж, то виновных не оказалось. ВНИИЭТО, сказали нам, — бюджетная организация, чего, мол, с неё возьмёшь? Работники Новосибирского завода тоже говорят — мы тут ни при чём, делали по чертежам института»[156].

Существовали примеры и того, когда проекты делались доброкачественными, а вот связь наука — производство не срабатывала, проекты оставались лишь идеей на бумаге, а не идеей, овеществлённой в производстве. Так отмечалось: «В течение пяти лет Грузинский республиканский комитет профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок и директор Потийского мелькомбината обращались в республиканское и союзное министерства по поводу того, что комбинат находится в аварийном состоянии, необходим его срочный ремонт или реконструкция. Пять лет у руководителей отрасли лежала без движения проектно-техническая документация на ремонт предприятия. В декабре прошлого года техинспектор категорически потребовал прекратить работу на Потийском мелькомбинате. Это предписание не было выполнено. Вскоре элеватор рухнул. Авария нанесла не только материальный ущерб: погибли люди»[157].

Из сказанного следует, что без повышения хозяйственной дисциплины и ответственности научно-технический прогресс

---

[156] Карпов А. С кого спросить за просчёт? // Правда, 1972, 11 июня.

[157] Фролов И. Не приказом единым // Труд, 1972, 8 июня.

невозможен и это повышение — прямое требование производительных сил на этапе широкого и систематического применения достижений науки в производстве. В то же время повышение дисциплины и ответственности является необходимой, но далеко не единственной мерой укрепления связи науки и производства. Нужны и прогрессивные организационные отношения, эффективные формы соединения науки и производства. В СССР в качестве таких форм выступали производственные и научно-производственные объединения.

Объединение решало сразу две задачи, обусловленные НТП. Во-первых, оно обеспечивало необходимую степень концентрации производства и, во-вторых, способствовало преодолению того разделения между научным исследованием, проектированием, конструкторскими разработками, экспериментом и производством, которое являлось тормозом для развития производства.

В 70-е гг. отмечалось, что из среднего цикла «исследование-производство» в 7–9 лет «примерно 40% уходит на перерывы между стадиями и этапами цикла, связанные с согласованием, увязкой, ожиданием включения задания в планы очередной организации. Предприятия фактически заново проводят значительную часть разработок. Когда завод получает от КБ чертежи, то прежде всего начинает их проверять, а затем переделывает сообразно особенностям своего производства. Ведь в чертежах, как правило, не учитывается, какие на данном заводе заготовительные цехи, каков состав его оборудования. Поэтому заводские конструкторские бюро часто заняты малопроизводительной работой по корректировке чертежей. И здесь единственный способ решения проблемы — объединение»[158].

Объединение, с одной стороны, давало научным исследованиям мощную экспериментальную базу, а, с другой стороны, производству — возможность своевременно и полно использовать результаты научных исследований. В зависимости от типа производства наилучшей формой может быть производственное объединение (в котором головным является крупное предприятие). Научно-производственное объединение, например, «имеет в своём составе

[158] Бляхман Л. С. Экономические проблемы девятой пятилетки. Лениздат, 1972. С. 119–120.

исследовательское, проектно-конструкторское и технологическое подразделение, опытную базу, пуско-наладочную организацию, которая устанавливает новую технику на предприятиях отрасли, центр по подготовке специализированных кадров по эксплуатации новой техники, контору по комплектации»[159].

Поскольку головной организации подчиняются все подразделения объединения, включая проектно-конструкторские и пуско-наладочные организации, обеспечивается необходимая степень оперативности во внедрении научных достижений в производство. С образованием научно-производственного объединения «Позитрон», например, «основная цепочка, главные стадии цикла „исследования — производство“ оказались в рамках одной экономической единицы. В итоге срок освоения ряда новых изделий сократился с 2–5 лет до 1 года»[160]. «Позитрон» выпустил на уровне, превышающем мировые достижения, 60% новых изделий, «Светлана» — 10 электронных приборов в наиболее перспективных областях генераторной, модуляторной и рентгеновской техники. Из 25 изделий, освоенных «Позитроном» в 1970 году, 8 не имели равных в мире по техническим параметрам, а 17 не уступали лучшим зарубежным образцам.

Связывая единой организованной связью научно-исследовательские, конструкторские, проектные организации и предприятия, объединения были способны добиваться слаженной и эффективной работы, главным результатом которой являлся быстрый рост производительности труда. В 1971 году в промышленности СССР действовали свыше 600 производственных объединений, много крупных комбинатов. В Ленинграде были созданы 57 крупных объединений, включавших 233 предприятия, 42 научные и проектно-конструкторские организации. Они выпускали более трети всей продукции, хотя на их долю приходится лишь четвёртая часть работающих. Среднегодовые темпы роста выпуска продукции и производительности труда в ряде объединений Ленинграда достигли в 1966–1970 годах 10% — в 1,5–2 раза выше, чем

[159] Бляхман Л. С. Экономические проблемы девятой пятилетки. Лениздат, 1972. С. 120

[160] Бляхман Л. С. Экономические проблемы девятой пятилетки. Лениздат, 1972. С. 111.

на остальных предприятиях. ЛОМО при стабильной численности персонала увеличило объём производства в восьмой пятилетке в 2,5 раза. В Москве были созданы более 40 крупных объединений предприятий, связанных между собой технологически[161].

Процесс формирования научно-производственных объединений продолжался в СССР до конца 80-х гг. Достаточно отметить, что их общее количество возросло со 192 в 1980 г. до 528 в 1989 г.[162] Связанное с образованием объединений приближение науки к производству способствовало развитию науки, так как наука получала от производства больше импульсов для своего движения вперёд.

Поскольку в современном мире производство ставит перед наукой всё больше проблем, причём ставит их не эпизодически, а систематически, то, безусловно, закономерность сращивания науки и производства будет проявляться всё последовательнее. Характер современного производства выдвигает и такие фундаментальные проблемы, решение которых для ряда отраслей науки станет эпохальным событием. Примат производства во взаимодействии науки и производства проявляет себя с новой силой и получает новые доказательства своей истинности и глубины.

---

[161] Бляхман Л. С. Экономические проблемы девятой пятилетки. Лениздат, 1972. С. 107–108.

[162] Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 313.

Глава VI

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

В предыдущих главах рассматривались преимущественно методологические и общетеоретические проблемы производительного труда. Более конкретное исследование производительного труда предполагает учёт его социально-экономической специфики, определяемой господствующими производственными отношениями. Так как производственные отношения — форма развития производительных сил, то для понимания эволюции производительного труда необходимо учитывать преобразования в техническом базисе общественного производства. Как известно, здесь выделяются длительная эпоха преобладания ручного труда и начавшаяся с конца XVIII века эпоха преобладания машинного труда.

6.1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

История производительного труда начинается в первобытном обществе. Первобытный человек приводит в действие средства производства посредством рук, в меру физических возможностей своего организма. Его производительный труд является ручным. Использование других источников энергии в процессе труда (ветра, воды и т. д.), за исключением приготовления пищи, в основном имеет вспомогательный характер. Отсюда — низкий уровень производительности труда индивида, неспособность его устойчиво обеспечивать свои потребности.

При таких условиях работники вынуждены сообща и согласованно осуществлять важные трудовые функции (расчистку

участков от зарослей, охоту на крупных животных и т. д.), благодаря чему производительность труда возрастает. Производительный труд имеет тем самым непосредственно общественный характер.

Совместное присвоение главных средств производства (земли как промысловой территории, охотничьих загонов и т. д.) ведёт к совместному присвоению результатов производства. Труд, следовательно, непосредственно подчинён цели воспроизводства первобытной общины, в чём состоит общий интерес её членов.

Производительный труд в общих интересах предполагает обязательность участия в нём каждого трудоспособного. Такая обязательность есть следствие и одновременно форма реализации положения человека как совместного наряду с другими членами общины собственника результатов труда. В основе общей собственности лежит именно участие в совместном производительном труде.

В условиях первобытного общества разделение труда, как выполнение разными работниками неодинаковых трудовых функций, обусловлено половозрастными различиями людей. В рамках этого естественного разделения сохраняется равенство людей как участников совместного труда. Соответственно, такое разделение труда не влечёт за собой социально-экономического неравенства в присвоении произведённых продуктов.

Взаимодействуя в труде и совместно присваивая произведённое, члены общины сообща принимали решения по жизненно важным для всех вопросам. Поскольку круг субъектов, принимающих такие решения, совпадает с кругом их исполнителей, то исторически исходной формой управления общественными делами выступало общинное самоуправление. Собрание взрослых членов общины является основной формой организации самоуправления.

Трудовая кооперация предполагала выделение специальной функции управления, выполняемой наиболее опытным, умелым работником. Однако подобная специализация долгое время оставалась моментом общинного самоуправления, так как определялась его целями, была совместимой с участием такого человека в выполнении непосредственно производительных функций, с его подконтрольностью общине, и поначалу не влекла за собой социально-экономических привилегий.

Таким образом, будучи в социально-экономическом отношении равными в труде, члены первобытной общины были равны в потреблении и управлении. Их производительный труд, как совместный и непосредственно подчинённый цели воспроизводства его исполнителей, как обусловливающий социально-экономическое равенство членов общины, являлся свободным.

Свобода труда вела к реализации способностей человека в той мере, в какой это было возможно при существовавших тогда условиях. Как справедливо отмечал В. Г. Комаров, «в главной области своей жизнедеятельности — в добывании средств к существованию — первобытная община должна опираться на весьма развитую способность дифференцировать рабочие силы своих членов, чтобы иметь возможность рационально организовать хотя бы только простую половозрастную кооперацию труда. Следовательно, здесь не было и не могло быть основных объективных предпосылок как для нивелирования трудовых и всех прочих способностей индивидов, так и для подавления их практического мышления, обладавшего достаточно развитыми навыками различения как объектов внешней природы, так и структур своей социальной организации»[163].

Вместе с тем для собирательства и охоты характерна крайне высокая зависимость человека от внешних, не зависимых от него условий существования. Тем самым масштабы подконтрольного человеку взаимодействия с природой, определяющие технологический базис свободы труда, оставались узкими.

Непосредственно общественный характер труда в первобытной общине не имеет адекватной технической основы, поскольку орудия труда являются индивидуально используемыми, не образуют единой системы.

При существующей в первобытном обществе производительности ручного труда устойчиво обеспечивается только простое воспроизводство, то есть производство продуктов в неизменных масштабах. В результате отсутствуют предпосылки для роста численности населения, не прогрессирует величина сэкономленного рабочего времени, образующего субстанцию времени, которым члены общины могут свободно располагать.

---

[163] Комаров В. Г. Правда: онтологическое основание социального разума. 2001. С. 278.

Вследствие всех этих причин потенциал производительного труда как основы развития всех членов общества ограничен в первобытной общине не преодолимыми для неё рамками. Поэтому развитие работников остаётся ограниченным.

Дальнейший прогресс производительности ручного труда обеспечивался вследствие общественного разделения труда — социально-экономического закрепления больших групп людей за экономически неоднородными видами деятельности. Так, например, появились племена, занятые земледелием, наряду с закреплёнными за скотоводством. При господстве ручного труда решающим фактором производительности является развитие трудовых навыков, которому как раз и способствует выполнение более узких производственных функций.

Общественное разделение труда сопровождалось растущей дифференциацией видов трудовой деятельности, что способствовало распространённому смешению отражения этих двух процессов в научной литературе. Однако они не тождественны: чередование людьми выполнения различных видов труда означает его разделение в смысле дифференциации трудовых функций при отсутствии общественного разделения труда как «сращивания» работника с определённой функцией.

Крупным этапом в общественном разделении труда стало социально-экономическое закрепление определённого социального слоя за выполнением умственного труда. Очевидно, что здесь экономическая неоднородность общественных функций, закрепляемых за разными социальными группами, приобретала более глубокий характер, чем в случае отделения земледельческих племён от скотоводческих.

В последнем случае и та, и другая социальная группа участвовали в выполнении собственно производительного труда. Что касается монополизации умственного труда особой социальной группой, то это означало её исключение из непосредственного участия в производстве продуктов. Соответственно её потребление обеспечивается за счёт прибавочного продукта, то есть создаваемого непосредственными производителями сверх продукта, необходимого для их жизни. А время, используемое для умственного труда, выступает как сэкономленное рабочее время непосредственных производителей, которым, однако, располагают те, кто сами продукта не производят.

При общественном разделении труда на физический и умственный возникало и его разделение на управленческий и исполнительский: слой управленцев — это подгруппа занятых умственным трудом, основной массой исполнителей являются первоначально непосредственные производители.

Возникновение и углубление общественного разделения труда отрицало социально-экономическое равенство людей как участников совместного труда, а, следовательно, породило и неравенство в присвоении средств производства и результатов труда. Так возникала частная собственность, которая прогрессировала по мере развёртывания товарного обмена, закономерного в условиях закрепления больших групп производителей за неоднородными видами труда.

В результате происходило деление общества на классы — «большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, и следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»[164]. Тем самым в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда.

Первой формой классового общества является рабовладение. Прогресс производительности труда достигался в нём не только за счёт развития навыков работников, специализирующихся на выполнении узких производственных функций. С появлением класса рабовладельцев, занятых умственным трудом, возникает наука как особая сфера социальной деятельности, вследствие чего становилось возможным использование её достижений для научной организации труда, совершенствования средств производства и производственных технологий. Применение совместного труда в более крупных масштабах, чем в первобытном обществе, также способствовало росту производительности. Развитие обмена ускорило рост и дифференциацию потребностей как побудителей развития производства. Таким образом, происходила более полная реализация потенций производительного труда как основы жизни общества.

---

[164] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39. С. 15.

Такой прогресс труда достигался при тех специфических условиях, что сам непосредственный производитель — раб был не вправе распоряжаться своими способностями к труду. Он являлся собственностью рабовладельца, который и определял порядок использования трудовых способностей раба. Соответственно труд реализовывал чужую для раба волю. Раб был отделён от управления, которое тем самым, в отличие от первобытной общины, не являлось самоуправлением непосредственных производителей. Больше того, рабы были лишены каких-либо элементов самоорганизации в труде. Труд, подчинённый интересам рабовладельцев, поглощал всё время жизни раба за вычетом сведённого к минимуму времени удовлетворения естественных потребностей (так, в Древнем Риме рабский труд продолжался в среднем 15 часов в день, норма свободного времени была практически нулевой). Продукт труда раба противостоял ему в качестве чужого продукта.

Объективно невозможно в основе своей добровольно выполнять труд, который чрезмерной продолжительностью подрывает жизненные силы работника, лишён самодеятельности и имеет результатом создание продукта, образующего собственность рабовладельцев. Для осуществления такого труда необходимо неприкрытое принуждение со стороны класса рабовладельцев, организованного в государство. Всё это характеризует рабский труд как в высшей степени отчуждённый, несвободный.

Не следует думать, что форма свободного труда, присущая первобытному коммунизму, с переходом к рабовладению исчезает бесследно. Свобода и самоуправление, свойственные непосредственно общественному труду в его исторически исходной форме, воспроизводились в деятельности свободных граждан, образующих общество как таковое (рабы, как известно, рассматривались в качестве «говорящих орудий»). А. С. Казённов справедливо отмечает, что государство «отрицает предшествующий способ самоорганизации и поэтому оно есть в себе самоорганизация и самоуправление»[165].

Однако различие между самоуправлением для всех и самоуправлением для немногих, безусловно, существенно. В последнем

[165] Казённов А. С. Генерационные отношения в воспроизводстве человека и самоорганизации общества. СПб.: Лен. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2002. С. 131.

случае отсутствует действительное совпадение субъекта и объекта управления, так как круг лиц, принимающих решения, оказывается более узким, чем круг исполнителей. Поэтому при рабовладении самоуправление становится формальным.

Отчуждение труда означает отрицание собственной заинтересованности работников в росте производительности труда. Усиление надзора за рабами приносило ограниченный эффект, поскольку одновременно росли расходы на содержание надзирателей. Не удивительно, что, в конце концов рабовладельцы были вынуждены пойти на смягчение режима рабского труда, допуская меры его морального поощрения, позволяя рабам создавать семьи и т. д. Однако такие меры не могли в полной мере преодолеть отчуждённый характер рабского труда. К тому же основная масса орудий труда оставалась индивидуально применяемыми орудиями, так что широкомасштабная кооперация труда не имела требуемой технической основы.

Закрепление рабов за физическим трудом предполагало низкую ценность подобного труда в глазах свободных граждан, что наряду с разорением мелких свободных производителей в условиях конкуренции со стороны рабовладельческих хозяйств, привело к появлению значительной массы неимущих, живших за счёт пожертвований государства и частных лиц. Люмпен-пролетариат не выполнял общественно полезных функций.

Всё это предопределило историческое прехождение рабской формы производительного труда.

Переход к феодализму существенно изменил социально-экономическое положение непосредственных производителей. Крепостной крестьянин — собственник своего жилища и орудий труда, полностью или частично распоряжался своим рабочим временем, часть рабочего времени работал на себя. Он участвовал в регулировании ряда социально-экономических вопросов (например, в распределении наделов и т. д.). Крепостной крестьянин имел свободное время, использовавшееся по его усмотрению. Так, в феодальную эпоху в среднем в течение года было 84 «святых» дня, свободных от работы[166]. При таких условиях развитие при-

[166] Данные взяты из: Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 146.

надлежащих ему производительных сил становится собственным интересом крестьянина.

В рамках феодализма воспроизводится и кооперация труда — в форме помещичьего хозяйства, что создаёт свои предпосылки для развития производительных сил.

Вместе с тем труд крестьян в рамках собственных хозяйств оставался обособленным, что при ручном производстве обусловливало его низкую производительность.

Крепостная зависимость крестьянина означала сохранение принудительного труда в интересах помещика, принудительное отчуждение части произведённого продукта. Интересы развития работника были подчинены тем самым интересам присвоения земельной ренты.

Включение крестьян в производство на рынок делало их зависимыми от принудительных сил конкуренции. При таких условиях самостоятельность крестьянина как частного собственника оборачивалась непомерным трудом, не спасающим от разорения. Интересы субъекта как работника приносились в жертву его интересам как частного собственника.

Всё это исключало возможность свободного развития крепостных крестьян.

Помещики, выполняя функцию управления, были отделены от участия в непосредственно производительном труде. Их интерес состоял в безвозмездном присвоении прибавочного продукта, созданного трудом крепостных крестьян. Соответственно заинтересованность помещиков в развитии производительных сил имела ту особенность, что она реализовывалась во многом вопреки интересам самих непосредственных производителей — крестьян.

Ремесленники-горожане, будучи лично свободными, трудились в собственных интересах. Присвоение средств производства и результатов труда основывалось на собственном производительном труде ремесленника. Положение собственника позволяло каждому на равных участвовать в решении общих для ремесленников данного цеха вопросов.

Вместе с тем в период средневековья цеховые объединения — это организации частных собственников средств производства. Эти корпорации регламентировали производственный процесс в соответствии с интересами ремесленников как мелких частных

собственников, а не работников. Неудивительно, что мастера эксплуатировали здесь своих учеников, что в целях предотвращения конкуренции сковывалась трудовая инициатива. Цеховые корпорации образуют элемент сословной организации общества, в котором власть принадлежит монарху и отчуждена от непосредственных производителей.

Таким образом, в доиндустриальную эпоху происходит эволюция общественной формы производительного труда: от свободы труда в её исторически исходной, неразвитой форме — через отчуждённый характер рабского труда — к возникновению частного труда мелких товаропроизводителей, постепенно освобождающихся от выполнения принудительного труда на феодалов. Эта эволюция обеспечивает рост производительности ручного труда, чем обусловливается её закономерный характер.

Разложение феодальных порядков, предполагающее отделение работников от собственности на средства производства, создаёт условия для кооперирования труда под началом капитала сначала в форме простой кооперации труда (когда все наёмные рабочие выполняют одинаковые операции), а затем в форме мануфактуры, предполагающей разделение труда между работниками. Базисом мануфактуры остаётся ремесло, так что сохраняется возможность превращения работников в мелких частных собственников. Вместе с тем мануфактурное производство подготавливает возникновение фабрики — кооперации труда, имеющей своей технической основой систему машин.

6.2. НАЁМНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Замена господства ручного труда господством машинного характеризуется как промышленная революция. Она впервые началась в конце XVIII века в Англии. Позднее все современные страны прошли через этап промышленной революции, который завершается установлением преобладающей роли в экономике крупной машинной индустрии.

«Машинный» не означает, разумеется, что функция труда переходит к машине. Трудится по-прежнему человек, но при

машине, приводимой в действие двигателем, который использует первоначально паровую, а затем электрическую энергию. В результате рост производительности труда освобождается от ограничений, налагаемых физическими возможностями человека, и определяется достижениями научно-технического прогресса.

Крупная машинная индустрия исторически возникает в капиталистической форме. Это означает, что средства производства находятся в частной собственности, а работники отделены от собственности на них и вынуждены продавать свою рабочую силу. Цена рабочей силы выступает как заработная плата. Её объективное предназначение — обеспечить воспроизводство наёмного работника.

Для капиталиста смысл купли рабочей силы состоит в использовании её для производства прибавочной стоимости, то есть стоимости, создаваемой наёмным работником сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемой капиталистом. Поэтому капиталист заинтересован в развитии производительных сил, включая работника, в той мере, в какой это способствует возрастанию прибавочной стоимости. Поскольку собственниками средств производства выступают капиталисты, то в экономике доминируют именно их интересы, интересы наёмных работников имеют подчинённый характер.

В условиях машинной индустрии прогрессирует общественный характер производства, когда усиливаются связи между отдельными производственными процессами. Общественный характер производства не ограничивается рамками отдельных государств, а приобретает мировой масштаб.

Система машин — это орудия труда, по своей сути допускающие только коллективное применение. На этой основе расширяется масштаб кооперации труда, появляются предприятия, на которых заняты тысячи работников.

Интересы капиталистов реализуются в конкурентной борьбе, диктующей необходимость снижать издержки в целях увеличения прибыли. Основным орудием снижения издержек выступает внедрение новой техники, экономящей живой труд, высвобождающей его из сферы материального производства для непроизводственной деятельности. В результате впервые в истории человечества

норма свободного времени общества, показывающая соотношение времени непроизводственной социальной деятельности в масштабах всего общества к общей массе рабочего времени, начинает превышать единицу.

Прогресс общественной природы производительного труда обусловливает общность социально-экономического положения работников, проявляющегося и в формировании однотипных потребностей, и в требованиях к профессиональной подготовке.

Научно-технический прогресс, предполагающий периодическое обновление поколений техники, порождает тенденцию к перемене и сочетанию различных видов труда в деятельности каждого, что способствует росту квалификации работников и повышению их ответственности в труде. Данный процесс идёт быстрыми темпами. Так, со второй половины 80-х гг. XX века отмечались значительные изменения в составе американского рабочего класса. До этого большинство промышленных рабочих (57%) были станочниками, сборщиками и чернорабочими; остальные имели более высокую квалификацию и были заняты в точном производстве и на специализированных работах. Через десять лет соотношение стало обратным: «55% заняты в точном производстве, а 45% являются станочниками и чернорабочими»[167].

В передовых компаниях реализуются программы по обогащению содержания труда, расширению диапазона выполняемых работниками функций, по повышению их самостоятельности и ответственности в труде. Прогрессирует практика привлечения работников к участию в управлении. Растут расходы предпринимателей на профессиональную подготовку и переподготовку работников, достигающие в США 60 млрд. дол. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка всё чаще осуществляются за счёт соответствующего сокращения рабочего времени с сохранением оплаты. Показателен следующий факт: «Если до 1947 года в отделе кадров корпорации „Форд“ даже не спрашивали, сколько классов закончил нанимаемый работник, теперь же от одной трети до двух пятых — вдвое больше, чем десять лет назад, — вновь нанятых рабочих на автозаводах

[167] Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 382.

получили какое-то образование после окончания средней школы»[168]. По сравнению с XIX веком и началом XX века существенно сократилось рабочее время наёмных работников: с 65–70 часов в неделю до 38–40 часов.

Все эти меры способствуют росту производительности труда. При том условии, что этот рост опережает соответствующие затраты, отмеченные меры выступают факторами увеличения прибыли как формы проявления прибавочной стоимости. Существенно, что подобные факторы совпадают с требованиями развития производительных сил.

Рост зарплаты в связи с возвышением потребностей работников ведёт к нормальному воспроизводству работников, поддерживает их трудовую мотивацию. При опережающем росте производительности труда увеличение зарплаты совместимо с увеличением прибыли и потому согласуется с интересами капиталистов. Кроме того, повышение зарплаты наёмных работников означает возрастание потребительского спроса основной массы населения. В результате расширяется сбыт товаров, что увеличивает массу прибыли.

Вследствие того, что в условиях машинной индустрии труд всех работников зависит от труда каждого, развитие каждого становится условием развития всех. Поэтому коренные интересы работников крупной машинной индустрии однонаправленны: реализация интересов одного субъекта предполагает реализацию тождественных интересов другого. Соответственно удовлетворение потребностей индивида перестаёт быть только его заботой. Отсюда возрастающая роль в условиях крупной машинной индустрии социальных гарантий и льгот, понимаемых как безвозмездное (или частично оплачиваемое) предоставление обществом ряда благ определённым социальным группам или всем.

Чем более развиты производительные силы, тем выше объективные возможности расширения круга льгот и гарантий. Эти возможности реализуются в порядке разрешения противоречия между накоплением и потреблением, когда совершенствуются средства производства, растёт объём потребительских благ,

---

[168] Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 382.

сокращается рабочее и увеличивается свободное время всех членов общества. На такой основе создаются предпосылки дальнейшего прогресса производительных сил общества, роста общественного благосостояния.

Для развития человека существенно удовлетворение всех его разумных потребностей. Поэтому все блага могут присваиваться членами общества в форме льгот и гарантий. В первую очередь речь идёт о всеобщей доступности образования как блага, непосредственно обеспечивающего формирование и развитие специфически человеческих способностей. Аналогичной гарантией выступает обеспеченность жильём, услугами системы здравоохранения. Гарантии доступности должны распространяться и на предметы потребления.

Данные объективные требования осознавались ещё на заре капиталистического способа производства. Так, выдающийся буржуазный демократ М. Робеспьер отмечал: «Пища, необходимая человеку, так же священна, как и сама жизнь. Всё, что необходимо для сохранения жизни, является общим достоянием»[169]. Но в развёрнутой форме социальные льготы и гарантии предоставляются населению со второй половины XX века, когда социальные расходы государства стали достигать 40–50% бюджета, минимальная зарплата устанавливается в соответствии с прожиточным минимумом.

Поскольку при осуществлении социальных гарантий и льгот в капиталистической экономике предполагается изъятие через налоги части прибыли, возникает видимость негативного влияния социальных расходов на инвестиционные возможности общества. В действительности же, расходы, непосредственно связанные с воспроизводством и развитием человека, приносят позитивный эффект, превосходящий объём затрат, что даёт повод рассматривать их как разновидность инвестиций (при всей условности подобного обозначения).

Едва ли найдётся статья социальных расходов, которая не сопрягалась бы с положительным производственным эффектом. В этом отношении особенно показательны расходы на образование,

[169] Цит. по: Матьез Альбер. Французская революция. Ростов-на Дону. Издательство «Феникс», 1995. С. 332.

здравоохранение, позволяющие формировать, восстанавливать и развивать трудовые способности людей. Но и другие направления социальных расходов обладают подобным эффектом.

В силу отмеченных обстоятельств льготы и гарантии, в конечном счёте, позитивно влияют на реализацию целевой установки капиталистической фирмы — максимизацию прибыли. Больше того, во многих случаях этот выигрыш является непосредственным. Так, во многом социальными льготами и гарантиями, обеспечиваемыми государством, объясняется живучесть мелких и средних предприятий, так как в результате снижается уровень притязаний работников по зарплате. Крупные и крупнейшие фирмы компенсируют более высокие (в абсолютном выражении) налоговые выплаты повышенной эффективностью, когда расширение границ кооперации труда приносит кумулятивный эффект от развития совокупного работника.

Интернационализация производства в условиях капитализма порождает предпосылки для ускоренного прогресса производительных сил стран, прежде отставших от стран-лидеров НТП, а, следовательно, для сближения социально-экономического положения работников различных стран.

Всё сказанное свидетельствует о том, что доминирующие в капиталистической экономике интересы частных собственников средств производства во многом совместимы с интересами развития производительных сил общества, создают присущие им стимулы для прогресса производительного труда. В результате развитие производительных сил ускоряется в сравнении с эпохой преобладания ручного труда, что обусловливает улучшение социально-экономического положения непосредственных производителей за счёт формирования и определённого проявления предпосылок свободного всестороннего развития каждого.

Вместе с тем интересы капиталистов однонаправленны с интересами развития производительных сил не безусловно и не всегда.

Новая техника внедряется с целью увеличения прибыли. Следовательно, непосредственным интересом предпринимателя выступает снижение издержек на рабочую силу, а не экономия труда. Однако варианты нововведений, эффективные по критерию экономии на зарплате, не тождественны эффективным с точки зрения высвобождения труда.

Увеличивать прибыль можно не только за счёт снижения издержек (что, как отмечалось выше, не всегда ведёт к действительной экономии труда), но и за счёт повышения рыночной цены, доступного для крупных капиталистических предприятий. Соответственно снижается заинтересованность предпринимателей в осуществлении НТП.

При внедрении новой техники капиталист учитывает последствия непосредственно для собственного бизнеса. Однако позитивный эффект от нововведений может проявиться в последующих звеньях технологических цепочек — на предприятиях, принадлежащих другим собственникам. Хотя тенденция к расширению масштабов производства под контролем одного собственника способствует разрешению подобного противоречия, при сохранении частной собственности оно воспроизводится, обусловливая специфически капиталистические границы высвобождения труда.

Высвобождение труда в форме сокращения рабочего времени зачастую оказывается для предпринимателей непосредственно менее выгодным, чем сокращение количества занятых на предприятии. Это связано, прежде всего, со стремлением уменьшить отчисления в фонды социального страхования, которые, как правило, зависят от количества занятых. Кроме того, сокращение персонала вместо уменьшения продолжительности его рабочего времени служит формой давления на работников в переговорах с нанимателями по поводу условий найма рабочей силы. В результате рост производительности труда используется предпринимателями для увольнения части работников, что в целом порождает безработицу в капиталистической экономике.

Несмотря на рост производительности труда, продолжительность рабочего времени наёмных работников может не уменьшаться. Так, быстрые темпы сокращения рабочего времени в развитых капиталистических странах наблюдались, в основном, до начала 80-х гг. Затем ситуация существенно изменилась. Согласно данным Евростата, «если с середины 1950-х до начала 80-х гг. средняя продолжительность отпусков в странах с развитой рыночной экономикой увеличилась с двух-трёх до четырёх-шести недель, то, начиная с 1980-х гг., никаких серьёзных изменений в этой области произведено не было, длительность

отпусков оказалась фактически заморожена»[170]. Показательно, что в 1998 г. количество часов, фактически отработанных мужской частью экономически активного населения в среднем за неделю, «в большинстве промышленно развитых стран оставалось на уровне 1975 г., когда этот показатель был равен 40 часам»[171]. Проявляется и тенденция к увеличению доли тех, кто «имеет длинную рабочую неделю (по международной классификации — свыше 45 часов). Между 1984 и 1994 гг. доля этой категории занятых мужчин увеличилась в Австралии с 30 до 38%, в Великобритании — с 34 до 41%, в Канаде — с 20 до 24%. Незначительный, но всё же прирост наблюдался в Швеции, Италии, Ирландии, Дании, Норвегии, США»[172].

Возможность одновременного увеличения прибыли и зарплаты не отрицает того, что получение прибыли базируется на безвозмездном присвоении нанимателями чужого неоплаченного труда. Это обусловливает противоположность интересов нанимателей и наёмных работников. Поскольку производство подчиняется интересам нанимателей, то наёмный характер труда означает существование отчуждения труда как работу в интересах, противоположных интересам самих работников. В таком качестве труд остаётся несвободным.

Для наёмного работника труд выступает, прежде всего, средством заработка: именно зарплата присваивается самим работником, тогда как результат его труда присваивается собственником средств производства. Но раз результат труда — не собственность работника, то и труд не выступает его самодеятельностью, подчинён противостоящим работнику интересам и воле.

Несмотря на то, что прогресс машинной индустрии требует перемены и сочетания труда, у капиталистов сохраняется и заинтересованность в воспроизводстве «частичных работников», то есть выполняющих узкие трудовые функции. Узкая специализация снижает затраты на подготовку работника, а, следовательно, уменьшает стоимость рабочей силы, что, при прочих равных условиях, увеличивает прибавочную стоимость. Кроме

---

[170] Обзор занятости в России. Вып. 1(1991–2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 290.

[171] Обзор занятости в России. Вып. 1(1991–2000 гг.). 2002. С. 291.

[172] Обзор занятости в России. Вып. 1(1991–2000 гг.). 2002. С. 292.

того, узкоспециализированный работник имеет более слабые позиции в торге об условиях купли-продажи рабочей силы, что способствует понижению цены рабочей силы при данном уровне её стоимости.

Затраты на профессиональную подготовку и переподготовку со стороны фирм осуществляются таким образом, чтобы эффект от них доставался данным фирмам. Подготовка, способная принести результаты для других фирм, реализуется за счёт самих работников. Это ограничивает возможности роста квалификационно-образовательного уровня работников.

В соответствии с интересами удешевления рабочей силы воспроизводится общественное разделение труда в той его форме, когда одни наёмные работники — рабочие — социально-экономически закреплены за выполнением непосредственно производительного труда, а другие — за выполнением иных общественно необходимых функций. Соответственно в течение рабочего дня время собственно производительного труда рабочих преобладает над временем их непроизводственной социальной деятельности, напротив, специалисты и служащие заняты, главным образом, деятельностью, не являющейся производительным трудом.

При подобном разделении труда общность социально-экономического положения работников, занятых собственно трудом и иными общественно необходимыми функциями, состоит в наёмном характере их деятельности, в подчинении её интересам капиталистов. Поэтому у обеих категорий работников деятельность имеет отчуждённый характер, по отношению к ним действует тенденция ограничения возможностей их развития стоимостью рабочей силы.

Однако, если рабочие создают для капиталистов прибавочную стоимость, то нерабочие обеспечивают предпосылки для создания и присвоения нанимателями прибавочной стоимости. Специалисты и служащие в форме зарплаты получают часть этой стоимости, время их деятельности имеет своей субстанцией экономию чужого труда. Как следствие — социально-экономическое положение подобных работников может быть улучшено за счёт роста прибавочной стоимости и перераспределения в их пользу сэкономленного труда рабочих. Следовательно, единство интересов отмеченных категорий работников не абсолютно, у специалистов

и служащих больше интересов, расходящихся с интересами развития производительных сил.

Противоположность интересов нанимателей и наёмных работников накладывает свой отпечаток на участие рабочих в управлении. Оно ограничено не только по времени, так что сохраняется социальный слой управленцев, но и по полномочиям. Принятие решений остаётся за собственниками или управленцами — представителями их интересов. При этом, чем значительнее роль управленца в реализации интересов капиталиста, тем выше размер его вознаграждения, имеющего своим источником прибавочную стоимость. Соответственно, усиливается общность интересов менеджеров с интересами нанимателя и ослабляется момент единства с интересами остальных наёмных работников и, особенно, рабочих.

При сохранении закона общественного разделения труда прогресс экономии труда выражается преимущественно в том, что класс непосредственных производителей материальных благ количественно сокращается, а масса занятых непроизводственными функциями увеличивается. Так, в США численность «белых воротничков» превысила количество «синих» уже в 1956 г. А в 80-е гг. фабричный рабочий класс составлял в этой стране не более 17% трудоспособного населения[173]. Подобная тенденция характерна для всех экономически развитых капиталистических стран. В результате предпосылки для развития человека, создаваемые рабочим классом, во всё возрастающей мере используются нерабочими, что сдерживает реализацию созидательного потенциала производительного труда.

Увеличение льгот и гарантий работникам и максимизация прибыли однонаправленны далеко не всегда. Возможно несовпадение субъекта затрат и получателя непосредственной выгоды от этих затрат. Те расходы на социальные цели, которые не приносят отдачи самому предпринимателю, с его точки зрения неоправданны. Их снижение представляется ему оптимальной линией поведения и непосредственно таковой является. То, что при распространении подобной практики (например, при всеобщем уклонении от уплаты налогов) замедляются темпы экономического

[173] Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 28.

роста, снижается конкурентоспособность отечественного капитала на международной арене, не отменяет ориентации на текущую собственную выгоду: частные собственники не в состоянии контролировать отдалённые общественные последствия своих действий.

Ориентация на текущую предпринимательскую выгоду вступает в противоречие с предоставлением социальных льгот и гарантий и потому, что отмеченные блага распространяются не только на трудоспособное население. Воспроизводство совокупного работника предполагает и подготовку подрастающего поколения, и заботу о поколении, утратившем трудоспособность. Между тем отмеченные фазы воспроизводства непосредственно не приносят отдачи в виде увеличения совокупной прибыли. Воспитание подрастающего поколения даст экономический эффект через два десятилетия. Пожилые люди — претенденты на часть общественного продукта на том основании, что в своё время они делились созданным ими продуктом с нетрудоспособными. Но возврат обществом этого своеобразного долга старшему поколению с точки зрения совокупного капитала — вычет из его сегодняшней прибыли.

Следовательно, реализация льгот и гарантий в условиях рыночной экономики — процесс, отражающий общеэкономическое противоречие между потреблением и накоплением специфическим образом: как противоречие между интересами увеличения прибыли и воспроизводства наёмной рабочей силы. В этом противоречии доминирующей стороной выступают интересы роста прибыли, определяющие капиталистические границы для развития работников. Не удивительно, что в последние годы в развитых капиталистических странах обнаружилась тенденция к свёртыванию социальных гарантий.

Наёмные работники равной квалификации и производительности могут отличаться принадлежностью к полу, этнической группе и т. д. Опираясь на эти различия, предприниматели способны платить различную зарплату работникам с одинаковой производительностью труда, предоставлять им различные шансы при найме и увольнении, продвижении по службе, то есть осуществлять дискриминацию на рынке труда. Дискриминация позволяет увеличивать прибыль за счёт сравнительно низкой зарплаты представителям дискриминируемых групп, усиления конкуренции между различными группами работников.

Для крупных капиталистических производителей, способных влиять на уровень рыночных цен, становится выгодным повышение цен (в рамках допустимого со стороны рыночного спроса). Дело в том, что в соответствии с трудовыми договорами уровень денежной зарплаты фиксируется на определённый срок, а при фиксированной зарплате повышение цен на произведённую продукцию ведёт к увеличению прибыли. Поскольку подобной практики ценообразования придерживаются производители разных отраслей, то это ведёт к инфляции — повышению общего уровня цен в стране. В результате инфляции покупательная способность работников — их реальная зарплата — снижается, так что действует тенденция к понижению цены рабочей силы по сравнению с её стоимостью.

В рамках мировой капиталистической системы разделение труда в условиях научно-технического прогресса осуществляется таким образом, что чем выше доля населения страны, не занятого непосредственно производительным трудом, тем значительнее масштабы присвоения общественного продукта, созданного рабочим классом других стран, и экономии труда, осуществлённой в этих странах. Это позволяет предпринимателям не увеличивать степень присвоения прибавочной стоимости, создаваемой внутри государств — лидеров НТП.

Вместе с тем сравнительно высокий уровень зарплаты в экономически развитых странах побуждает к дальнейшему сокращению в них отраслей материального производства и развёртыванию соответствующих производств за рубежом, что также ведёт к сокращению удельного веса рабочего класса в структуре занятых в народном хозяйстве США и Западной Европы. С этой точки зрения показательна оценка специалистами пуска нового завода фирмы BMW в Германии: «Зарплата немецкого рабочего, занятого в автопроме, в семь раз выше, чем у восточноевропейского коллеги, а рабочая неделя на 10% короче. Аналитики сомневаются, сможет ли теперь Германия конкурировать с более дешёвыми моделями соседей. Некоторые уверены, что это будет последний завод, построенный в Западной Европе»[174].

[174] Мили Ричард, Виллиамсон Хью. BMW предпочитает качество // Ведомости, 19 мая 2005, № 89.

Таким образом, вследствие того, что целью капиталистической экономики выступает максимизация прибыли, а развитие производительных сил остаётся средством для достижения подобной цели, момент однонаправленности интересов получения прибыли с интересами общественного развития не исключает существования основы для их противопоставления. Кроме того, горизонт интересов прибыли даже при их однонаправленности с интересами общественного развития более узкий. Вследствие этой узости, а тем более при противоположности интересам общественного развития, ориентация на прибыль может вступать и вступает в противоречие с требованиями научно-технического и социально-экономического прогресса. В результате обеспечение благосостояния и свободное всестороннее развитие всех членов общества, основа для чего создаётся современным производительным трудом, остаются при капитализме недостижимыми — вопреки имеющимся для этого объективным предпосылкам и требованиям развития производительных сил.

Интересы общественного развития воплощаются в интересах рабочего класса как класса непосредственных производителей в условиях крупной машинной индустрии. Это обусловлено тем, что именно рабочий класс выступает главной производительной силой общества.

Не следует думать, что у непосредственных производителей существуют только интересы, совпадающие с интересами общественного развития. Объективно существует и возможность улучшения положения отдельного работника или группы работников независимо от улучшения положения остальных и даже в ущерб им. Пример штрейкбрехеров в этом смысле весьма показателен. Возможна ситуация, когда улучшение положения рабочего по одному параметру ухудшает его положение в целом (например, при увеличении заработка за счёт сверхурочной работы). Подобные интересы работников реализуются, главным образом, благодаря тому, что они ведут к увеличению прибыли. Так, стремление работников заработать за счёт сверхурочных согласуется с экономией предпринимателей на издержках в связи с наймом новых работников; штрейкбрехерство — это инструмент давления предпринимателей на работников в условиях трудовых конфликтов и т. д.

Поскольку интересы, совпадающие с интересами общественного развития, коренным образом улучшают социально-экономическое положение рабочего класса, они являются для него основными. Соответственно его интересы, расходящиеся с основными, имеют побочный, второстепенный характер. В соотношении отмеченных интересов потенциальный перевес принадлежит основным, тем, которые совпадают с интересами общественного развития. Вот почему рабочий класс наиболее заинтересован в осуществлении общественного прогресса при капитализме.

Из этого следует, что развитие производительных сил, которое, в конечном счёте, выгодно и классу предпринимателей, будет осуществляться тем последовательнее, чем полнее будут осуществляться коренные интересы рабочего класса. Поэтому прогресс при капитализме определяется разрешением присущих ему противоречий в соответствии с требованиями основных интересов рабочего класса. Это предполагает борьбу данной общественной силы за свои коренные интересы.

Относительное и даже абсолютное сокращение численности рабочих в странах — лидерах НТП при возрастании удельного веса «белых воротничков» в структуре занятых зачастую преподносится как свидетельство исторического заката рабочего класса. Между тем социально-экономическая роль рабочего класса как носителя интересов общественного развития не зависит от его численности. Раз субстанцией для функционирования непроизводственной сферы является сэкономленный труд рабочих, то этим определяется производный от такого труда характер деятельности других социальных классов и слоёв. Последние присваивают не только прибавочный продукт, но и всё возрастающую долю сэкономленного труда. Их общественная роль состоит, в конечном счёте, в том, что они либо способствуют прогрессу экономии труда, либо тормозят его. Так как непосредственно производительный труд образует субстанцию всех других видов общественной деятельности, то рабочий класс, социально-экономически закреплённый за выполнением такого труда, составляет действительную основу и современного капиталистического общества.

В результате борьбы за интересы общественного развития, которая приводит к улучшению положения рабочего класса, к формированию у него способности действовать в соответствии

с требованиями своих коренных интересов, рабочий класс раньше или позже, закономерно обретает возможность подчинять экономику цели свободного развития, освобождая производительный труд от наёмного характера.

6.3. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Освобождение производительного труда от наёмного характера предполагает превращение рабочего класса в собственника общественных средств производства. Для этого требуется национализация основных средств производства, осуществляемая посредством системы власти, призванной последовательно выражать интересы общественного развития.

Такая система имеет своей основой коллективы работников предприятий крупной машинной индустрии. Именно такие коллективы трудятся в условиях, объективно требующих перемены и сочетания труда, свободного развития каждого, и потому они непосредственно выступают носителями интересов общественного развития. Не удивительно, что все успешные исторические попытки рабочего класса установить свою власть предполагали ключевую роль производственных коллективов в происходящих событиях.

Так, например, формирование Советской власти в России происходило при активном участии фабрично-заводских комитетов, созданных рабочими на крупнейших российских предприятиях. Эти комитеты, по сути, выступали первичными ячейками новой власти, а, учитывая, что её сила базировалась на потенциале производственных коллективов, данные звенья с полным правом можно назвать основными. Аналоги российских фабрично-заводских комитетов возникали практически во всех индустриальных странах, переходящих к строительству непосредственно общественного производства.

Обстановка крупной машинной индустрии формирует в работниках способность к согласованным совместным действиям, направленным на достижение масштабных общественных целей.

Опираясь на организованность трудовых коллективов, работники обретают возможность влиять на социально-экономические процессы всех уровней как непосредственно, так и через подотчётных им представителей.

Показательно, что власть рабочего класса получила иную организационную основу, чем у парламентских республик. В последних избирателей организуют по территориальным округам (в силу разобщённости жителей сами они в территориальные округа с большой численностью избирателей организоваться не в состоянии), что позволяет предпринимателям — обладателям экономической власти, объединённым деловыми связями в широких масштабах, обеспечивать приоритет своих интересов и в политической сфере.

Советская же власть организовывалась, прежде всего, путём выборов депутатов непосредственно в трудовых коллективах, что давало работникам возможность не только поддерживать хорошо известные им кандидатуры, но и регулярно заслушивать отчёты депутатов, а при необходимости осуществлять их отзыв. Тем самым была осуществлена свойственная современному обществу «главная тенденция: переход управления от территорий к производствам»[175]. Ограничение численности крестьянских депутатов в представительных органах власти обеспечивало приоритет нового, производственного принципа выборов депутатов над старым, территориальным. Подобные организационные условия обеспечивали реальную возможность использования системы новой власти для осуществления интересов общественного развития даже в такой стране, где преимущественно мелкокрестьянский аграрный сектор экономики преобладал над промышленным, а индустриальный рабочий класс составлял меньшинство трудоспособного населения.

Поскольку власть, опирающаяся на организованность трудовых коллективов, открывает возможность для включения работников в управление в соответствии с их коренными интересами, однонаправленными с интересами всех трудящихся, то такая власть обретает для работников самоуправленческий аспект.

---

[175] Казённов А. С. Генерационные отношения в воспроизводстве человека и самоорганизации общества. 2002. С. 139.

Применяя систему самоуправления, рабочий класс способен начать использование национализированных средств производства в интересах общественного развития в соответствии с экономическим законом потребительной стоимости. Одной из первых мер является законодательное сокращение продолжительности рабочего времени, о чём свидетельствует, например, опыт Советской власти. Такая мера позволяет полнее реализовать в интересах развития основной производительной силы общества достижения капитализма в области производительности труда. Наряду с этим сокращение рабочего времени образует важнейшую материальную предпосылку для осуществления ассоциированными работниками своей власти.

Участие рабочих в принятии стратегических управленческих решений, в сочетании с увеличением времени, уделяемого управлению, означает подрыв основы старого разделения труда, превращение тенденции к перемене и сочетанию труда в доминирующую.

Благодаря установлению своей власти работники получают возможность улучшить режимы и условия труда и отдыха для всех и ввести льготные режимы для подростков и женщин с малолетними детьми. Как показывает исторический опыт, удаётся также наладить общественное питание на производстве, увеличить продолжительность оплачиваемых отпусков, повысить оплату времени нетрудоспособности, начать создание широкой сети дошкольных детских учреждений.

Появляется возможность строить оплату труда не в привязке к стоимости рабочей силы, а в соответствии с принципом «по труду», то есть в непосредственной зависимости от трудового вклада работников в выпуск продукции, необходимой обществу. Это означает, что мера потребления освобождается от подчинения цели максимизации прибыли, становится адекватнее удовлетворению разумных потребностей работников.

Реализация общественной собственности, предполагающей, что развитие каждого становится условием развитием всех, закономерно проявляется и в переходе к льготному предоставлению работникам социально значимых благ. Так, уже в первые годы Советской власти рабочие семьи в городах активно выезжали из подвальных помещений в комнаты и квартиры с более

здоровыми условиями проживания, благодаря новой власти возросла доступность сферы здравоохранения, создавались условия для повышения образовательного уровня работников. И хотя многие меры политики «военного коммунизма» были обусловлены обстановкой военного времени (например, полное упразднение денежного обращения), однако и впоследствии, с переходом к мирному строительству льготное предоставление работникам социально значимых благ сохранилось.

Тем самым распределение «по труду» использовалось в сочетании с основным принципом распределения, не предполагающим увязки потребления с трудовым вкладом, непосредственно ориентированным на разумные потребности работников. С учётом того, что льготно предоставляемые блага направлены на развитие способностей работников, образуют ключевые предпосылки их материального благосостояния, следует отметить: установление системы рабочего самоуправления порождает тенденцию к доминированию принципа распределения «по потребностям», адекватного обеспечению полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества. Доминирование этого принципа охватило такие сферы потребления, как жильё, медицина и образование, расходы на которые, например, в современной России, многократно превышают зарплату работников.

Таким образом, установление власти, формируемой трудовыми коллективами производственных предприятий, позволяет начать отрицание наёмного характера труда и перейти к формированию свободы труда, когда целью общественного производства становится развитие работников.

Освобождение труда, имеющее исторически прогрессивный характер, неизбежно сталкивается в переходной экономике с проявлением противоположных тенденций.

Не исключено вооружённое сопротивление классов, утративших своё политическое господство и теряющих экономическую власть. Развязанная ими гражданская война дезорганизует экономическую жизнь, что ведёт к падению объёма выпуска продукции, препятствует подчинению экономики интересам общественного развития. Так, в условиях гражданской войны в России преобладающей задачей национализированной промышленности было обеспечение нужд фронта. Как следствие, продолжительность

рабочего дня превышала 8 часов, уровень обеспеченности рабочих предметами потребления резко сократился.

Материально-техническая база создаваемого непосредственно общественного производства сохраняет диспропорции, существенные различия в технической оснащённости отраслей и т. д., что не соответствует предпосылкам для реализации закона потребительной стоимости как основного закона непосредственно общественного производства.

И в условиях относительно мирного установления своей власти рабочий класс первоначально может управлять только наиболее крупными национализированными предприятиями. Часть государственных предприятий ориентируется на действие рыночного регулятора, образуя тем самым государственно-капиталистический уклад экономики. Основная часть средних и мелких предприятий остаётся в капиталистической собственности. Наряду с частнокапиталистическим укладом сохраняется и мелкотоварный уклад. В результате воспроизводится наёмный характер труда для части рабочего класса, в экономике сохраняются уклады, ориентированные на максимизацию прибыли и доходности. Соответственно сохраняются факторы, порождающие безработицу.

Уклады, для которых ориентация на прибыль и доходность является доминирующей, влияют и на обобществлённый сектор экономики, вынуждая входящие в него предприятия придерживаться принципов коммерческого расчёта, предполагающего обеспечение прибыльности производства. При таких условиях момент наёмного труда воспроизводится и в рамках социалистического уклада экономики, здесь также возможно снижение издержек путём сокращения количества занятых, что образует один из источников безработицы.

Сокращение рабочего времени первоначально недостаточно, чтобы изжить социально-экономическое закрепление работников, с одной стороны, за производительным трудом, а с другой, — за управленческим. Безусловно, введение 8-часового рабочего дня было огромным историческим завоеванием рабочего класса. И всё же при этом преобладающая часть суток, исключая время удовлетворения естественных потребностей, уделялась производительному труду. Тем самым воспроизводился один из коренных признаков рабочего класса.

Социально-экономическое закрепление за производительным трудом означает, что продолжительность рабочего времени остаётся превышающей разумную потребность в труде на благо общества. Эта потребность не может быть единственным мотивом трудовой деятельности, сохраняется и момент труда ради заработка — внешней цели по отношению к самому труду. Подобная цель, проявляясь, например, в виде «рвачества», может вступать в противоречие с осуществлением требований общественных интересов, о чём свидетельствовал опыт первых послереволюционных лет. Соответственно и в организации труда на национализированных предприятиях не обойтись только убеждением, без мер принуждения.

Время, уделяемое рабочим управлению, остаётся недостаточно продолжительным для их полного освобождения от закрепления за исполнительским трудом. Такое положение осложняет формирование у работников потребности в управленческой деятельности, обусловливает элементы пассивности и формализма в её осуществлении.

То, что уничтожению старого разделения труда противостояла тенденция к его воспроизводству, проявлялось и в сохранении социального слоя, социально-экономически закреплённого за выполнением умственного труда, в том числе такой его разновидности, как управленческая деятельность. Соответственно и у занятых в социалистическом укладе экономические интересы не были тождественными.

Те, кто не были заняты непосредственно производительным трудом, наряду с интересами, однонаправленными с интересами свободного развития каждого, имели и заинтересованность в изъятии у рабочего класса прибавочного продукта и сэкономленного рабочего времени. Подобной линии поведения способствовали привычки, свойственные специалистам и служащим в условиях капиталистической экономики и неизбежно существовавшие в начале переходного периода к новому обществу.

При возникновении системы самоуправления ещё не полностью отрицается выполнение управленческих функций особым социальным слоем. Соответственно интересы освобождения труда должны осуществлять управленцы, социально-экономическое положение которых, а значит, и экономические интересы,

существенно отличаются от присущих рабочему классу. Больше того, в управленческом аппарате первоначально преобладают специалисты, прежде управлявшие в интересах капитала. Всё это объективно порождает бюрократизм как выражение в управлении иных интересов, нежели коренные интересы рабочего класса. Бюрократические тенденции в управлении социалистическим укладом противоречат его развитию, а, следовательно, становлению свободы производительного труда.

На предприятиях социалистического уклада используются техника и технологии, прежде применявшиеся в целях максимизации прибыли. Как следствие — организация труда и его условия первоначально не вполне соответствуют интересам свободного развития работников.

В обстановке, когда управление социалистическим укладом экономики только налаживается, когда в экономике сохраняется действие рынка и ориентированных на него экономических укладов, распределение «по труду» во многом формально освобождает потребление работников от привязки к стоимости рабочей силы. Фактически же объём потребления у рабочих в первое время может даже сократиться — вопреки задаче удовлетворения их разумных потребностей. Кроме того, равенство меры потребления («по труду») не исключает неравенства в потреблении, так как работники обладают разной производительностью, имеют неодинаковое семейное положение и т. д. Поэтому существует неравенство в удовлетворении разумных потребностей работников.

Привлечение к организации национализированного производства буржуазных специалистов требует их повышенного денежного вознаграждения, не соответствующего принципу «по труду». Тем самым распределение по труду не является единственным принципом денежной оплаты на государственных предприятиях, оно находится в единстве с отрицающим его принципом, производным от цели максимизации прибыли.

Фонды общественного потребления, сориентированные на потребности членов общества в соответствующих благах, первоначально не в состоянии вполне удовлетворить эти потребности. Поэтому для рабочего класса в переходный период сохраняются жилищная проблема, проблема доступа к качественным медицинским услугам и т. д.

В соответствии с противоречивостью социально-экономического положения рабочего класса в переходный период действуют противоположные тенденции, одна из которых — прогрессивная — соответствует освобождению труда от наёмного характера, а другая — негативная — ведёт к его реставрации.

Позитивная тенденция выражается в развитии непосредственно общественного уклада в экономике и сокращении удельного веса остальных укладов, что ведёт к ориентации экономики на потребительно-стоимостные параметры: рост производительности общественного труда, удовлетворение разумных потребностей работников, — и снижает значимость погони за прибылью. В результате расширяется сфера свободного труда, преодолевается безработица.

Реализация интересов общественного развития связана со становлением системы централизованного планового управления экономикой, когда усиливается планомерность в народном хозяйстве. Например, в СССР многоукладность в экономике преодолевалась в результате перехода от составления в середине 20-х гг. контрольных цифр развития народного хозяйства на год к управлению на основе пятилетних народнохозяйственных планов.

Прогрессивная тенденция предполагает рост управленческой активности рабочего класса, увеличение времени, уделяемого рабочими теории и практике управления. Показательно, что конец 20-х — первая половина 30-х гг. характеризовались подъёмом массовой рабочей инициативы, когда большинство рабочих в тех или иных формах включались в управление социалистической промышленностью. Всплеск управленческой инициативы советских рабочих произошёл в условиях перехода государственных предприятий на 7-часовой рабочий день.

Подчинение экономики интересам рабочего класса предполагает укрепление управленческого аппарата кадрами из числа наиболее подготовленных рабочих и специалистов, получивших образование в вузах, ориентированных на потребности построения непосредственно общественного хозяйства.

Интересам общественного развития соответствует улучшение условий и организации труда, повышение образовательного и квалификационного уровня работников. Так, в СССР индустриализация экономики привела к оснащению предприятий передовой техникой, к использованию прогрессивных форм организации

труда. В этот период была развёрнута широкомасштабная техническая подготовка рабочих кадров, быстро увеличивался выпуск специалистов вузами.

Становление свободного труда характеризуется более эффективной реализацией принципа оплаты «по труду». Так, например, в начале 30-х гг. в советской промышленности широко распространялись коллективные формы оплаты труда, более точно отражающие вклад каждого в общие результаты совместного труда и повышавшие заинтересованность в их улучшении. Что касается оплаты специалистов, то до конца 20-х гг. действовал принцип партмаксимума, благодаря которому уменьшалась дифференциация в зарплате между руководителями-членами партии и рабочими.

По мере прогресса обобществлённого сектора экономики формируется возможность повышения реальной зарплаты работников, масштабов потребления из общественных фондов.

Следует отметить, что индустриализация, создание новых отраслей промышленности предполагают повышение нормы накопления. Доля средств, идущих на расширение основных производственных фондов, повышается относительно доли, предназначенной для потребления, что непосредственно может привести к временному уменьшению темпов роста благосостояния рабочих. В связи с этим некоторые авторы утверждали, что с введением пятилетнего плана в СССР произошло «подчинение потребления накоплению; подчинение рабочих средствам производства»[176]. Отмеченный довод (наряду с другими) должен был свидетельствовать о том, что к завершению переходного периода советская экономика стала не социалистической, а государственно-капиталистической, что произошла реставрация наёмного характера труда.

В действительности, создание передовой материально-технической базы общественного производства соответствует интересам общественного развития, представленным коренными интересами рабочего класса. И хотя затраты на индустриализацию непосредственно ограничивали возможности роста личного потребления, но подобные ограничения были совместимы с формированием технической основы для освобождения труда и потому не меняли природы новой экономики как непосредственно общественной.

---

[176] Клифф Тони. Государственный капитализм в России, 1991. С. 33.

Реализация отмеченных позитивных тенденций ведёт к решению исторической задачи освобождения труда от наёмного характера.

Вместе с тем в переходный период сохраняется объективная основа для действия противоположных тенденций.

Воспроизводство укладов, ориентированных на действие стихийного регулятора экономики, может иметь тенденцию к расширению, чему способствует возможность усиления коммерческих принципов в деятельности государственных предприятий, что вполне подтверждается опытом современной КНР. Соответственно не исключена реставрация господства капиталистических отношений, характерного для них наёмного труда.

Существование элементов наёмного труда порождает тенденцию к усилению эгоистических устремлений со стороны отдельных работников, предприятий и т. д., что подрывает единство действий рабочего класса по реализации его коренных интересов.

Сохранение социально-экономического закрепления рабочего класса за исполнительским трудом обусловливает тенденцию к падению управленческой активности рабочих, их стремление передоверить специалистам решение не только технических, но и ключевых социально-экономических вопросов.

Сохранение особого социального слоя, выполняющего функцию управления, порождает тенденцию к расширенному воспроизводству бюрократизма. Это приводит к попыткам монополизировать специалистами принятие стратегических решений, ограничить управленческие полномочия рабочих.

В сфере организации труда возможна тенденция к подрыву коллективных форм, к усилению противопоставления интересов отдельных работников. Вместе с тенденцией к свёртыванию коллективных форм организации труда возможны уменьшение значимости коллективных форм его оплаты, усиление роли индивидуальной «сдельщины», что ослабляет зависимость благосостояния каждого от общих результатов производства. Не исключена подмена убеждения в обеспечении трудовой дисциплины ставкой на принуждение.

Бюрократические устремления в управлении могут выразиться в увеличении разницы в оплате управленцев, с одной стороны, и исполнителей, с другой. В результате социально-экономическое

положение управленцев может во всё возрастающей степени улучшаться независимо от улучшения положения рабочего класса, что снижает активность управленческого аппарата в реализации интересов общественного развития, способствует его переориентации на противоположные интересы.

В переходный период сохраняется основа для тенденции к свёртыванию общественных фондов потребления.

Хотя тенденциям исторически позитивного характера принадлежит потенциальный перевес в соотношении с негативными тенденциями, но разрешение противоречий в их пользу не может произойти стихийно, без целенаправленной деятельности заинтересованной общественной силы.

Таким образом, рабочему классу, установившему систему самоуправления, предстоит борьба за утверждение свободы труда посредством преодоления многоукладности в экономике по линии развития непосредственно-общественного уклада. Достижение этой цели предполагает его борьбу за разрешение противоречий внутри нового экономического уклада с тем, чтобы тенденция к прогрессу свободы труда реализовала свой потенциальный перевес над тенденцией к воспроизводству элементов наёмного характера труда.

6.4. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СОБСТВЕННОЙ ОСНОВЕ

Разрешение противоречий переходного периода означает, что рабочий класс сформировал систему управления, способную на деле планомерно подчинять экономику интересам общественного развития. Это позволяет обеспечивать господство общественной собственности в её основной форме — государственной и связанной с ней кооперативной.

Управление экономикой в коренных интересах рабочего класса осуществляется на основе участия в управлении преобладающей части промышленных рабочих. Перемена и сочетание труда охватывают повседневную трудовую деятельность рабочего класса, что означает подрыв основы социально-экономического закрепления

непосредственных производителей за исполнительским трудом как одного из сущностных признаков классового общества.

В управленческом аппарате преобладают кадры специалистов, воспринимающих интересы рабочего класса как свои собственные, над которыми не довлеет опыт управления в интересах капитала.

Утверждение свободного труда предполагает, что техническим базисом сферы материального производства является крупная машинная индустрия, планомерно сформированная с учётом потребностей быстрого роста общественной производительности труда. Так, в СССР в ходе индустриализации народного хозяйства были построены тысячи государственных промышленных предприятий, оснащённых передовой для своего времени техникой. В результате образовалась адекватная материально-техническая основа для реализации закона потребительной стоимости и производных от него экономических законов, включая закон перемены и сочетания труда.

На базе оснащения народного хозяйства передовой техникой возрастает уровень общественной производительности труда, интенсифицируется высвобождение труда из сферы материального производства. Это позволяет обеспечить прогресс непроизводственной сферы в соответствии с общественными интересами. Как известно, в 30-е гг. в СССР строились не только новые промышленные предприятия, но и создавались научно-исследовательские институты, открывались вузы, доступные для детей рабочих и крестьян, происходил переход к всеобщему семилетнему образованию и т. д.

Льготное и гарантированное распределение благ через общественные фонды потребления утверждается как приоритетное. Одновременно установление системы планового ценообразования обеспечивает доступность благ, распределяемых посредством денежной формы, — через торговлю предметами потребления.

Таким образом, производительный труд, а потому и труд непроизводительный, с завершением перехода к непосредственно общественному производству обретают социально-экономическую форму свободного. Свобода труда, будучи для человечества исторически исходной, восстанавливается, но уже на адекватной ей материально-технической базе, в своих развитых определениях.

Вместе с тем производство, выступающее как непосредственное отрицание капитализма, во всех отношениях несёт на себе отпечаток старого строя. Это касается и свободы труда.

В рамках переходного периода объективно невозможно коренным образом обогатить содержание производительного труда всех работников, исключить те его виды, в которых преобладают тяжёлые физические усилия, монотонность, которые осуществляются в неблагоприятных для тружеников условиях и т. д., что ограничивает потенциал производительного труда как сферы реализации свободно развитого работника. У производительных работников сохраняется отношение к труду не только как к потребности, но и как к средству заработка.

Остаётся незавершённым подрыв старого разделения труда, когда функции производительного труда по-прежнему выполняются преимущественно особыми социальными группами — рабочим классом и колхозным крестьянством. Работники непроизводственной сферы социально-экономически закреплены за функциями непроизводительного труда. В результате сохраняется односторонность развития трудовых способностей членов общества.

Выделение в обществе особого социального слоя, занятого преимущественно управленческим трудом, объективно обусловливает сохранение бюрократизма в управлении. Бюрократизм ведёт к пренебрежению управленческой инициативой работников, что делает возможным подрыв системы самоуправления рабочего класса. Так, в СССР в конце 30-х гг. выборы депутатов через трудовые коллективы, системообразующие для Советской власти, были заменены характерными для парламентской системы выборами по территориальным избирательным округам. А это ведёт к игнорированию закономерностей непосредственно общественного производства и к переориентации управления на интересы, расходящиеся с общественными, противоречащие свободе труда.

Общественные фонды потребления и связанное с ними распределение по потребностям первоначально не могут быть развиты настолько, чтобы в полной мере обеспечить разумные потребности всех членов общества. Наличие распределения по труду означает сохранение социально-экономического неравенства между членами общества, порождающего момент отрицания отношения к труду как к самоцели.

Всё это свидетельствует о том, что по завершении переходного периода в непосредственно общественном производстве наряду со свободой труда существует момент, означающий её отрицание, берущий начало от наёмного характера труда. Это — момент, так как наёмный труд противоположен сущности нового социально-экономического строя. Существование в труде, непосредственно общественном, отрицательного момента, характерного для наёмного труда, означает собственную неразвитость свободы труда, обусловленную происхождением непосредственно общественного производства из капитализма.

При отмеченных предпосылках по завершении переходного периода объективно возможны две противоположные тенденции: связанная с укреплением свободы труда и изживанием момента наёмного труда, и ведущая к её отрицанию и реставрации наёмного труда. Таково объективное противоречие, обусловливающее развитие свободного труда на его собственной основе.

Укрепление свободы труда предполагает обогащение содержания производительного труда, обеспечение его благоприятных условий для всех занятых. Например, в СССР доля промышленных рабочих, занятых ручным трудом, сократилась с 62,9% в 1948 г. до 32,2% в 1987 г.[177]

Отсюда необходимость в росте образовательного уровня непосредственных производителей. Такая закономерность проявлялась в СССР: если в 1939 г. из 1000 рабочих высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 87 человек, то в 1987 г. — 861[178].

Так складываются существенные предпосылки для формирования производительного труда как действительно свободного. «В материальном производстве, — отмечал К. Маркс, — труд может приобрести подобный характер лишь тем путём, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определённым образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который

[177] Труд в СССР: Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 250.

[178] Труд в СССР: Статистический сборник. 1988. С. 10.

вступает в процесс производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»[179].

Использование роста производительности труда для сокращения рабочего времени непосредственных производителей приближает продолжительность труда к разумной потребности в нём. Так, в СССР в начале 60-х гг. вновь был введён 7-часовой рабочий день. В результате промышленные рабочие имели в год на 300 часов нерабочего времени больше, чем в 1952 г., и на 750–800 часов больше, чем в 1913 г.[180]

Идущее параллельно с этим сокращение времени занятости в нематериальной сфере позволяет её работникам включаться в выполнение производительного труда. При этом для каждого работника нематериальной сферы общее время занятости в обеих сферах должно не возрастать, а сокращаться. Всё это будет способствовать развитию потребности в труде как первой жизненной потребности человека, делать излишним применение принуждения для поддержания трудовой дисциплины.

Сокращение рабочего времени необходимо использовать как материальную предпосылку для роста управленческой активности рабочих, для освоения ими всё более сложных и ответственных управленческих функций. Уместно вспомнить, что именно при введении 7-часового рабочего дня в СССР в годы первой пятилетки получили распространение такие развитые формы участия рабочих в управлении, как шефство заводов над государственным аппаратом, социалистическое совместительство — выполнение рабочими ответственных функций в органах управления по совместительству с работой на производстве. В подобной управленческой работе участвовали десятки тысяч советских рабочих.

На этой основе в управленческом аппарате непосредственно общественного производства будут возрастать удельный вес и значимость управленцев, совмещающих управленческую работу с производительным трудом. Такое развитие поведёт к освобождению общества от выделения особого социального слоя управленцев, а, значит, и от бюрократизма в управлении. Система

---

[179] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 110.

[180] Патрушев В. Д. Время как экономическая категория. 1966. С. 85.

самоуправления рабочего класса, первоначально не свободная от формы государственности, будет перерастать в общественное самоуправление.

Приоритетной формой использования экономии труда должно стать не увеличение количества занятых в непроизводственной сфере за счёт сокращения численности рабочих, а сокращение рабочего времени непосредственных производителей с использованием ими прироста свободного времени для выполнения общественных функций, прежде всего участия в управлении, для свободного всестороннего развития. Когда в процессе развёртывания закона перемены и сочетания труда все трудоспособные члены общества будут участвовать в производительном труде, а продолжительность их рабочего времени будет меньше времени ежедневной социальной деятельности непроизводственного характера, включая управление всеми общественными делами, тогда будет полностью упразднено старое разделение труда, общество освободится от классовых различий. Выполнение производительного труда перестанет быть фактором односторонности развития человека, оно будет элементом всестороннего развития каждого.

Рост производительности труда позволяет повышать меру удовлетворения разумных потребностей всех членов общества в предметах потребления. Это даёт возможность развивать общественные фонды потребления, планомерно использовать экономию труда для понижения цен, в том числе потребительских. Как известно, в период с 1948 г. по 1955 г. приоритетной формой увеличения реальных доходов населения в СССР выступало понижение цен. В перспективе это ведёт к расширению круга благ, бесплатно предоставляемых потребителям и, в конечном счёте, к полной замене распределения по труду распределением по потребностям. Это также способствует полному отрицанию труда с целью вознаграждения, как момента непосредственно общественного труда, утверждению свободы труда в её развитой форме.

Отмеченным исторически прогрессивным тенденциям противоречат тенденции, обусловленные присутствием в непосредственно общественном труде момента, отрицающего социалистическую природу труда.

Процессы обогащения содержания труда и улучшения его условий могут тормозиться вследствие ориентации предприятий на прибыль. Так, в своё время в статье, опубликованной в газете «Труд», рассказывалось, например, о том, каких колоссальных потерь народному хозяйству стоили ошибки в проекте Рижского завода крупнопанельного домостроения. В проекте была заложена «отсталая и непродуманная технология многих производственных процессов, грубо нарушены правила техники безопасности… На наших глазах, — писал корр. „Труда“ И. Румова, — рабочие, вцепившись руками в края металлической сетки, волокут к месту формовки армокаркас весом до 120 кг. Иначе как вручную протащить его и невозможно. Потому что транспортная магистраль, соединяющая и пересекающая все пролёты предприятия, спроектирована так, что на ней перекрещиваются, сталкиваются между собой технологические потоки и армокаркасов, и панелей, и шахт для лифтов, и сантехкабин, и других деталей будущих домов. Причём зоны проносов конструкций ни в одном пролёте не предусмотрено. Мостовые краны перемещают тяжёлые панели и другие железобетонные конструкции над головами людей…

Нет в цехе и местной отсосной вентиляции. Её не поставили, так как проектировщики в своё время заявили: „Это удорожит проект“. А в цехе идёт дуговая сварка. Вредные аэрозоли от неё, всевозможные окиси проходят через рабочие зоны пролётов, создавая загазованность выше предельных норм…

Вдоль загромождённого металлом и армокаркасами пролёта с трудом пробираемся к заготовленному участку, где действует технологическая линия из трёх правильно-отрезных станков. Эффективной отсосной вентиляции нет и здесь. И металлическая пыль плотным слоем оседает вокруг…

Во многих документах было зафиксировано несовершенство формовки внутренних стен и перекрытий домов. И тут проектировщики с молчаливого согласия заказчика остановили свой выбор на явно устаревшем оборудовании — виброкассетных машинах. Сама их конструкция не обеспечивает нормального цикла обработки изделий. Обильная утечка пара создаёт тяжёлые условия труда для рабочих.

Не устранено на заводе ещё одно большое зло. Весь его главный корпус сотрясает страшный грохот, который создают

виброплощадки. А ведь на ряде домостроительных предприятий страны найдены другие, лучшие решения, связанные со снижением шума и вибрации.

Этого достаточно, чтобы понять, как велики были просчёты при составлении проекта нового, казалось бы, современного домостроительного завода, как пагубно отразились они на условиях труда.

Столь же неблагоприятно сказалось это и на экономике молодого предприятия, которое даёт продукцию фактически уже два с лишним года. Достаточно сказать, что в прошлом году мощности по выпуску железобетонных конструкций были использованы лишь на четверть. Причём очень велик брак. По самым скромным подсчётам, было забраковано более тысячи кубометров железобетонных изделий. Предприятие понесло более миллиона рублей убытка…

За год с завода ушёл каждый третий… Полное освоение проектных мощностей, создание для коллектива завода здоровых условий труда невозможно без коренной перестройки ряда технологических линией и потоков…»[181].

Подобных примеров, свидетельствовавших о существовании тенденции к отрицанию непосредственно общественной природы производства, было предостаточно.

В результате недостаточного развития непосредственно общественной основы производства темпы сокращения ручного труда без применения машин и механизмов с середины 60-х гг. замедлились. Как отмечалось в начале 80-х гг., при подобных темпах «потребовалось бы более полувека для полного изживания ручного труда без применения машин в промышленности, и это без учёта занятых ручным трудом при машинах и механизмах и трудом по их ремонту и наладке (а часть рабочих, проходящих по этим графам, на деле также занята простым ручным трудом)»[182]. О масштабах труда в тяжёлых и вредных условиях можно судить по удельному весу промышленных рабочих, получавших повышенные тарифные ставки за работу в таких условиях: на 1 августа 1985 г. этот показатель составлял 42,4% (по РСФСР — 42,8%)[183].

---

[181] Румова Н. Ошибки были в проекте // Труд, 1972, 11 июня.

[182] Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М.: Политиздат, 1982. С. 141.

[183] Труд в СССР: Статистический сборник. 1988. С. 139.

Тенденция к наращиванию затратных показателей препятствует сокращению продолжительности рабочего времени непосредственных производителей. Показательно, что в обстановке усиления ориентации социалистических предприятий на прибыль, особенно после хозяйственной реформы 1965 г., рабочая неделя в промышленности практически не сокращалась. При таких условиях затрудняется сочетание работниками непроизводственной сферы производительного и непроизводительного труда.

Всё это ведёт к отрицанию значимости труда как первой жизненной потребности, порождает отчуждённое отношение к труду.

Тенденция к сохранению и увеличению продолжительности рабочего времени непосредственных производителей противоречит росту их управленческой активности, что ведёт к расширенному воспроизводству деления общества на управленцев и исполнителей. На этой основе усиливается бюрократизм в управлении. Экономика начинает подчиняться интересам, противоречащим свободному развитию каждого, появляются элементы капиталистических производственных отношений («теневой капитал»), а, значит, — и элементы наёмного труда.

При усилении интересов, связанных с отрицанием непосредственно общественного производства в нём самом, приоритетной формой использования экономии труда остаётся не сокращение рабочего времени непосредственных производителей, а увеличение количества занятых в непроизводственной сфере. В частности, в период с 1970 по 1985 г., когда продолжительность рабочей недели в промышленности практически не изменялась, доля занятых в непроизводственных отраслях поднялась в СССР с 22,8 до 26,7%[184]. В этот период выросла продолжительность отпусков рабочих на 3–4 дня. Соответственно, время, высвобожденное из сферы материального производства, по нашим расчётам, использовалось на 70–75% для непропорционального увеличения численности занятости в непроизводственной сфере и лишь на 25–30% для увеличения свободного времени непосредственных производителей. Это означало, что результаты материального производства во всё возрастающей мере присваивались теми, кто в нём непосредственно не участвовал,

[184] Труд в СССР: Статистический сборник. 1988. С. 13.

углублялись социально-экономические различия между классами и социальными слоями общества, расширенно воспроизводилось старое разделение труда.

Ориентация на интересы, расходящиеся с общественными, выражается и в замедлении роста общественных фондов потребления, нарушении принципа их распределения в соответствии с потребностями. Ослабевает зависимость зарплаты от трудового вклада работников. Снижение цен как форма повышения благосостояния каждого подменяется тенденцией на повышение денежной зарплаты, что способствует отрыву денежной массы от общего фонда предметов потребления, порождая потребительские дефициты.

Всё это подрывает общественную материальную заинтересованность работников в их труде.

Между тем в экономической литературе обоснованно отмечается: «Можно предположить, что если бы не было социального разделения между людьми производительного и непроизводительного труда, то результаты современной научно-технической революции были бы достаточны для того, чтобы не только производить обилие потребительных благ для всех членов общества, но и каждому предоставить достаточно досуга для гармоничного развития личности»[185].

Очевидно, что действие негативных тенденций ведёт к отрицанию свободы труда и реставрации его наёмного характера, что и произошло в СССР и большинстве других социалистических стран.

Следует ещё раз отметить, что для возникновения подобных тенденций в непосредственно общественном производстве имеются объективные предпосылки в виде его собственных отрицательных моментов, обусловленных выхождением из капитализма. Без таких моментов собственного отрицания новый строй не мог возникнуть в прошлом и не сможет возникнуть в будущем. Характеризовать на этом основании исторический опыт СССР в качестве «мутантного социализма»[186], значило бы

---

[185] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. 1996. С. 100.

[186] Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики, 2000, № 6.

впадать в маниловские мечтания о появлении нового общества, никак не связанного со старым. Действительная перспектива возникновения и развития нового общества — не в отсутствии тенденций, отрицающих, уродующих его сущность, а в таком разрешении присущих ему объективных противоречий, которое бы обеспечило приоритет прогрессивных тенденций, ведущих к обеспечению благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Таким образом, развитие свободы труда на собственной основе требует борьбы заинтересованных общественных сил, прежде всего, рабочего класса, социально-экономически закреплённого за выполнением производительного труда, за разрешение противоречия между свободой труда и отрицательным моментом, производным от наёмного труда. В этом противоречии свобода труда, как соответствующая сущности непосредственно общественного производства, имеет потенциальный перевес, который должен быть реализован активными, организованными действиями созидательных общественных сил.

Поскольку разрешение отмеченного противоречия по линии позитивной тенденции означает прогресс в обеспечении полного благосостояния и свободного всестороннего развития каждого, то в результате формируются всё более благоприятные предпосылки для успешного развёртывания этой борьбы в дальнейшем, отрицается социально-экономическая предпосылка для противодействия развитию свободы труда. В конечном итоге момент наёмного характера труда полностью изживается, свобода труда предстаёт в её развитой форме.

Глава VII

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Из рассмотрения исторической эволюции производительного труда следует, что в условиях непосредственно общественного производства объективно возможно действие тенденций, ведущих, при недостаточной активности созидательных общественных сил, к его отрицанию и соответственно — к реставрации наёмного характера труда. Именно это и произошло в России на рубеже 80–90-х гг. XX-го века.

Приходится отметить, что очень многие отечественные авторы склонны подменять научно определённую характеристику существующей российской экономики как капиталистической менее определённым переводным термином «рыночная экономика». Иные отказывают ей даже в рыночном характере. Подобную позицию можно объяснить, наверное, их несбывшимися упованиями на экономическое процветание страны после замены непосредственно общественного производства капиталистическим. И всё же капиталистическая сущность нынешнего экономического строя несомненна: частнокапиталистическая собственность господствует, товарное производство существует в той его форме, когда и рабочая сила выступает товаром.

Капитализм предполагает отделение работников от собственности на средства производства, обусловливающее наёмный характер труда. Если в начале приватизации имели распространение иллюзии о приближении рабочих к собственности на средства производства в результате наделения их акциями, то к настоящему времени миф о «работнике-собственнике» при капитализме в России практически растаял. Те количества акций, которыми ещё располагают рабочие, как и во всём мире, не дают им возможность жить на доход от частной собственности. Основным

источником средств существования для рабочих является плата за наём их рабочей силы. Это и свидетельствует о реставрации наёмного характера труда в российском производстве. Как же это конкретно отразилось на производительном труде?

Прежде всего, необходимо отметить кризисное падение общего объёма производительного труда, затрачиваемого в народном хозяйстве. Так, отработанное время в промышленности России уменьшилось с 43,1 млрд. человеко-часов в 1989 г. до 22,0 в 1998 г.[187] Принципиально, что сокращение рабочего времени общества было не закономерным следствием НТП (часовая производительность в промышленности в 1998 г. составляла 92,1% от уровня 1989 г.[188]), а результатом глубокого спада общественного производства. Поэтому оно вело к снижению уровня удовлетворения общественных потребностей в средствах производства и предметах потребления и не означало экономии труда.

С реставрацией капитализма в России объём капиталовложений в производство сократился ещё значительнее, чем объём выпуска, следовательно, резко замедлилось обновление техники. При таких обстоятельствах затормозились процессы обогащения содержания труда, избавления его от монотонности, сокращения ручного труда; условия труда в целом ухудшаются. Если в 1990 г. число пострадавших от профессиональных заболеваний и отравлений составило 11 525 человек, или 19,6 на 10 тысяч работающих, то в 1996 г. — 13 273, или 23,3 на 10 тысяч работающих[189]. В стране резко сократились масштабы профессиональной подготовки и переподготовки рабочих кадров, повышения их квалификации.

Снижение объёма рабочего времени в народном хозяйстве означало появление массовой безработицы, зачастую маскируемой формальным сохранением отношений найма рабочей силы. Фактически безработное и полузанятое население для обеспечения

---

[187] Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 243.

[188] Рассчитано по данным, приведённым в: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 243.

[189] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 / Под общей ред. проф. Ю. Е. Фёдорова. М.: Права человека, 1999. С. 51.

себя жизненными средствами вынуждено увеличить время труда в домашнем и подсобном хозяйстве. Число занятых производством товаров и услуг на продажу в домашнем хозяйстве составило к концу 90-х гг. 2,3 млн. человек[190]. К этому можно приплюсовать десятки миллионов людей, производящих на своих участках продукты для собственного потребления (в 1994 г. 58% населения России имели в своём распоряжении земельные участки)[191]. Показательно, что в 1999 г. доля потребления продуктов и услуг в натуральной форме (то есть не приобретаемых за деньги) составляла около 10% конечного потребления домашних хозяйств[192]. Но даже остающееся внерабочее время при недостаточной материальной обеспеченности человека утрачивает определение свободного.

Вместе с тем рабочих, занятых полное время, активно привлекают к сверхурочным работам. Так, по усреднённым данным, в 1999 г. более 40 часов в неделю работали: 10,8% квалифицированных рабочих промышленности; 19,4% операторов, аппаратчиков, машинистов; 16,2% неквалифицированных рабочих[193]. В итоге объём свободного времени, которым располагают российские рабочие, в процессе реставрации капитализма сократился, что противоречит формированию предпосылок всестороннего развития человека, развёртыванию перемены и сочетания труда в деятельности непосредственных производителей.

Реставрация капиталистических отношений означала монополизацию экономической власти в руках частных собственников предприятий. Управление стало подчиняться интересам, в основе своей противоположным интересам наёмных работников. Это привело к сужению управленческих функций рабочих, к упразднению ряда форм участия в управлении (советов бригадиров, производственных совещаний и т. д.), к сокращению времени, уделяемого работниками участию в управлении. И в отмеченном аспекте утвердился приоритет закона разделения труда над объективной потребностью перемены и сочетания труда в современном производстве.

---

190 Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 243.

191 Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 1995. С. 300.

192 Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 254.

193 Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 193.

Массовый характер приобрели нарушения трудовых прав работников, миллионы рабочих вынуждены трудиться без своевременной и полной оплаты своего труда. Подобные проявления принудительного труда стали дополнением к реставрации господства наёмного труда.

Замедление НТП в общественном производстве обусловило сокращение времени, высвобождаемого из сферы материального производства для непроизводственной деятельности, ухудшение материальной обеспеченности последней. Это привело к кризису финансируемых государством сфер образования, науки, здравоохранения, культуры и искусства. Показательно, что количество занятых в российской науке сократилось с 2804 тыс. в 1990 г. до 1201 тыс. в 2000 г., в образовании — с 6066 тыс. до 5871 тыс.[194] И хотя доля занятых в сфере услуг возросла с 44,7% в 1991 г. до 56,0% в 2000 г.[195], однако, справедливо отмечается, что этот рост «в большей степени был связан с коллапсом спроса на труд в промышленности и строительстве, чем с абсолютным ростом в секторе услуг»[196].

Параллельно с уменьшением государственного финансирования непроизводственной сферы развёртывалась коммерциализация её услуг. В результате она в решающей степени ориентируется на платёжеспособные потребности, а не на создание и реализацию предпосылок для свободного развития всех членов общества.

Процессы накопления капитала были во многом осуществлены за счёт резкого понижения реального содержания зарплаты рабочих: известно, что рост потребительских цен в 90-е гг. обгонял рост денежной зарплаты. Сокращение социальных льгот и гарантий также ведёт к ухудшению положения рабочего класса.

Одновременно увеличился в пользу управленцев, работников кредитно-финансовых организаций и т. д. разрыв в их заработках и заработках рабочих (не говоря уже о появлении в стране обладателей миллиардных и миллионных состояний). В отличие от социалистического периода неблагоприятные для работников

---

[194] Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 72.

[195] Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 74.

[196] Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 83.

стороны производительного труда в целом перестали компенсироваться в современной российской экономике повышенным уровнем зарплаты. Инфляция, способствуя увеличению прибылей частных собственников средств производства, стала постоянным фактором понижения реального содержания зарплаты наёмных работников. Об общественном признании производительного труда в обществе, которому в качестве героя преподносится фигура предпринимателя, говорить не приходится.

Неудивительно, что всё большая часть молодёжи в последние годы устремляется в вузы: при существующем социальном разделении труда это даёт возможность избежать профессиональной занятости в качестве рабочих. Если на начало 1990/1991 учебного года количество студентов дневных отделений вузов составляло в России 1648 тыс. человек, то на начало 1999/2000 — 2352,8 тыс.[197] В 2005 г. российские вузы приняли на первый курс 1400 тыс. студентов, что было на 15 тыс. больше общего числа школьников, окончивших 11 классов[198]. Правда, процент молодёжи, получившей среднее образование и право на поступление в вузы, — сокращается.

Сам по себе рост образовательного уровня населения представляет собой исторически прогрессивную тенденцию, но в условиях расширенного воспроизводства общественного разделения труда резко сокращается приток молодёжи в рабочий класс, производительный труд в стране всё более становится уделом рабочих старшего поколения.

Доля рабочих в численности занятых в народном хозяйстве сократилась с более чем 60% в 80-е гг. до 44,8% в 2000 г., одновременно упала и численность рабочего класса: с 46 млн в середине 80-х гг. до 29 млн в 2000 г. Существенно поредели ряды рабочих в промышленности, где общая занятость уменьшилась с 1990 г. по 2000 г. на 8266 тыс. человек[199]. Соответственно, наряду с ослаблением притока молодёжи в сферу материального производства снизилось и количество рабочих старших возрастных групп.

---

[197] Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 374, 376, 378.

[198] Мацкявичене М. Криогенщика не встречали? // Труд, 9 сентября 2005 года. С. 3.

[199] Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). 2002. С. 72.

В перспективе, при сложившемся уровне общественной производительности труда подобная ситуация чревата невозможностью обеспечивать общественные потребности силами российского рабочего класса. Разумеется, при активном использовании достижений НТП для обновления основных фондов в народном хозяйстве острота проблемы, безусловно, снижалась бы. Однако, во-первых, процесс старения основных фондов в целом продолжается и в период нынешнего экономического оживления, а, во-вторых, рабочие, хотя и в меньшем количестве, необходимы для использования даже самой передовой техники.

В качестве решения проблемы нередко предлагается увеличение верхней границы трудоспособного возраста. При этом не учитывается низкая продолжительность жизни мужчин в России, образующих основную массу промышленных рабочих.

Привлечение же в крупных масштабах иностранной рабочей силы породит множество острых социально-экономических и политических проблем. Высококвалифицированные рабочие кадры даже при значительном увеличении наших зарплат в Россию не придут. Поэтому ставка на привлечение иностранной рабочей силы — это ставка на снижение квалификационного уровня рабочих. Она противоречит требованиям развития отечественного производства на основе НТП, грозит утратой ещё имеющихся в стране наукоёмких производств с использованием высоких технологий.

Можно встретить точку зрения, что основой экономического подъёма России должно стать не возрождение сферы материального производства, а инвестиции в «экономику знаний». При таком подходе проблема сокращения объёма производительного труда, углубления разрыва в поколениях рабочих как будто бы утрачивает свою значимость, создаётся иллюзия возможности экономического и в целом социального процветания страны без решения острейших проблем воспроизводства рабочего класса.

В действительности же при стагнации материального производства оскудевают источники для прогресса сферы образования и науки, становятся невостребованными достижения науки и техники. При игнорировании потребностей развития непосредственных производителей потенциал поступающей в производство новой техники остаётся нереализованным.

Предлагаемый подчас выход — в переориентации отечественной науки на запросы иностранных производителей, как это в значительных масштабах происходит в экономически развитых странах. Однако не следует забывать, что для этих стран «иностранные производители» — зачастую филиалы их же собственных транснациональных компаний, контролирующих тем самым все этапы научно-производственного цикла. Наивно рассчитывать, что отечественные наука и образование могут развиваться как сферы российского общества за счёт иностранного производства, подконтрольного зарубежным транснациональным компаниям. В действительности, только обеспечив подъём отечественного производства и его эффективную структуру, можно создать надёжные предпосылки для прогресса науки и образования. А подъём отечественного производства — это, прежде всего, прогресс в развитии российского рабочего как основной производительной силы российского общества.

Сказанное выше свидетельствует о том, что прехождение непосредственно общественного, свободного труда, даже в его неразвитой форме, означающее реставрацию наёмного труда в России, привело ко многим негативным последствиям в сфере производительного труда и грозит таким его состоянием, при котором он будет неспособен обеспечивать жизнь российского общества. Это объективно придаёт крайнюю насущность проблеме возрождения и реализации потенциала производительного труда в нашей стране. А поскольку Россия остаётся индустриально развитой страной, такой потенциал у неё существует.

Во многом сохранилось российское машиностроение как ключевая отрасль для переоснащения отечественного производства на передовой технической основе и роста производительности труда. Масштабная валютная выручка от экспорта сырья, при соответствующем её использовании, позволила бы обеспечить импорт передовой техники и технологии для расширения масштабов модернизации материального производства. Следовательно, возможно осуществлять обогащение содержания производительного труда и улучшение его условий.

В стране имеются предпосылки для восстановления системы профессиональной подготовки и переподготовки рабочих. Пока

значителен костяк квалифицированных рабочих кадров, способных передать свой опыт молодым рабочим.

В ряде профсоюзных организаций (Федеральном профсоюзе авиадиспетчеров, Российском профсоюзе докеров, межрегиональном объединении рабочих профсоюзов «Защита труда» и т. д.) профсоюзная работа организована таким образом, что предполагает регулярное и активное участие работников в решении социально-экономических вопросов, так что обеспечивается сочетание производительного и управленческого труда в их деятельности. Эта прогрессивная практика может и должна быть освоена и другими профсоюзными организациями.

В Российском профсоюзе докеров получен опыт коллективных действий по отказу работников от систематического использования сверхурочных работ и работ в выходные дни, который позволил добиться повышения заработка без подрыва жизненных сил рабочих. Тем самым проявляется тенденция к сокращению рабочего времени в соответствии с интересами работников.

Экономическое оживление последних лет означает рост массы свободного времени общества, что создаёт предпосылки для восстановления нематериальной сферы. Такое восстановление позитивно отразится и на самой материальной сфере.

При активной позиции профсоюзных организаций работникам удаётся добиваться повышения реального содержания зарплаты. В Российском профсоюзе докеров получен первый в стране опыт заключения коллективных договоров, предусматривающих не только индексацию зарплаты, но и увеличение её реального содержания с учётом роста производительности труда. Это улучшает социально-экономическое положение занятых и создаёт предпосылки для притока на предприятия молодых рабочих.

В стране приостановлен процесс сокращения социальных льгот и гарантий в связи с их монетизацией.

Таким образом, в России проявляются и позитивные тенденции в сфере производительного труда. Беда только в том, что они не получили пока перевеса над негативными, так что кризис сферы производительного труда, протекавший в 90-е гг., остаётся непреодолённым.

Возникает вопрос: какая общественная сила призвана обеспечить перевес позитивных тенденций в сфере производительного

труда над негативными? Казалось бы, в обществе, в котором производительные силы труда принимают превращённую форму производительных сил капитала, именно класс предпринимателей более всех заинтересован в подъёме материального производства. И такая заинтересованность, безусловно, проявляется: можно привести примеры закупки и установки новой техники на российских предприятиях, выпуска конкурентоспособной продукции.

Однако, как обосновывалось в главе VI, интересы капиталистов не во всём совпадают с интересами общественного развития. Так, рекордное увеличение валютной выручки от роста мировых цен на нефть отнюдь не мешает российским нефтяным компаниям поднимать цены на свою продукцию для российского рынка, ставя в тяжёлое положение многие отечественные промышленные, транспортные и сельскохозяйственные предприятия. Несмотря на острую необходимость увеличения капиталовложений в обновление материально-технической базы общественного производства, повышения реальных доходов трудящихся, продолжается измеряемый сотнями миллиардов рублей вывоз частного капитала за рубеж, миллиарды тратятся на наём зарубежных спортивных «звёзд» и т. д. Примеров подобного игнорирования интересов общественного развития великое множество. Поэтому не приходится рассчитывать на то, что подъём материального производства будет обеспечен единственно за счёт заинтересованности в этом класса капиталистов. Следует обратить внимание на рабочий класс — ту и поныне относительно преобладающую часть российского общества, которая занята производительным трудом и кровно заинтересована в развитии отечественного производства.

В улучшении условий труда и обогащении его содержания непосредственно и больше всего заинтересованы сами рабочие. С помощью профсоюзов, организованно выставляя соответствующие требования для включения в коллективные договоры и соглашения, непосредственные производители стимулируют использование прибыли для капиталовложений в материальное производство.

Отстаивая гарантии занятости, рабочие способствуют интенсивному поиску предпринимателями заказов, выпуску новой, конкурентоспособной продукции.

Добиваясь соблюдения норм трудового законодательства в области режимов труда и отдыха, рабочие ставят капиталистов перед необходимостью увеличивать прибыль не за счёт подрыва жизненных сил работников, а за счёт внедрения новой техники, совершенствования организации производства.

Борясь за увеличение реального содержания зарплаты, рабочие обеспечивают нормальное воспроизводство своей рабочей силы, выступающей источником прибавочной стоимости, обеспечивают стимулы для высокопроизводительного труда, расширяют платёжеспособный спрос на отечественные товары.

Чем шире размах коллективных действий работников, тем больший круг предпринимателей вынужден считаться с требованиями развития общественного производства. При таких условиях государство начинает выступать с позиций воспроизводства национального капитала в целом, умеряя узкоэгоистические устремления отдельных финансовых групп, компаний и т. д.

Таким образом, развитие материального производства и в его капиталистической форме осуществимо при условии активной, организованной профсоюзами борьбы рабочего класса за свои интересы. Это обусловлено тем, что именно интересы данного класса совпадают с интересами общественного развития, тогда как интересы «новых хозяев» производства зачастую далеки от такого совпадения.

К чести российского рабочего класса, он после своего тяжёлого поражения сумел выдвинуть выдающихся рабочих-организаторов борьбы за права и интересы рабочего класса. Рабочему движению России хорошо известен токарь-расточник завода «Красное Сормово» Дмитрий Васильевич Игошин, являвшийся сопредседателем Российского комитета рабочих с 1994 по 2004 г. После его кончины дело организации рабочего профсоюзного движения продолжают его соратники — сопредседатели Российского комитета рабочих: регулировщик радиоаппаратуры Нижегородского завода «Электромаш» Владимир Михайлович Кудрявцев, докер-механизатор морского порта Санкт-Петербурга Александр Иванович Харланов, наладчик АМО «ЗИЛ» Василий Иванович Шишкарёв. Эти люди, обладая высокой квалификацией в своей рабочей профессии, совмещают её с ответственной профсоюзной работой, став настоящими профессионалами в деле управления рабочими

организациями в российском масштабе. Круг таких рабочих, успешно совмещающих основную производственную деятельность с активной профсоюзной работой, постепенно расширяется, что крайне важно для повышения эффективности профсоюзной работы и предотвращения бюрократического отрыва руководящих профсоюзных органов от основной массы членов профсоюзов.

В ходе становления и развития российских рабочих профсоюзов в последнее пятнадцатилетие появились талантливые профсоюзные работники, имеющие замечательную рабочую биографию, преданные интересам рабочего класса и умеющие создать условия для роста управленческой активности рабочих коллективов в целом. В этой профсоюзной плеяде, прежде всего, работники Российского профсоюза докеров: Александр Николаевич Моисеенко, Владимир Александрович Петров, Александр Иванович Саржин, Евгений Петрович Тимофеев, Константин Васильевич Федотов, Станислав Алексеевич Фомичёв и другие.

В организации и деятельности рабочих профсоюзов значительна роль тех интеллигентов, которые, став освобождёнными профсоюзными работниками, отдают свои силы служению интересам рабочего класса. Так, в межрегиональном объединении рабочих профсоюзов «Защита труда» пользовались заслуженным авторитетом Виктор Григорьевич Гамов, Виктор Михайлович Петров.

В соответствии с наличием общих интересов у наёмных работников развитие профсоюзного движения предполагает единство действий профсоюзных организаций работников материальной и нематериальной сферы. Надо отметить, что в России уже имеются активно действующие профсоюзные организации, объединяющие работников, занятых особо значимыми видами непроизводительного труда, в их числе, прежде всего: Федеральный профсоюз авиадиспетчеров и ПАРРИС. И это направление профсоюзного движения выдвинуло талантливых организаторов: Сергея Анатольевича Ковалёва, Руслана Валерьевича Мирошниченко, Николая Борисовича Плотникова, Алексея Юрьевича Южакова.

Создание в 2004 г. Федерации профсоюзов России позволило организационно оформить растущее единство реально действующих профсоюзов работников производительного и непроизводительного труда, что способствует активизации борьбы наёмных

работников за свои общие интересы, требующие возрождения и развития российского производства и российского общества в целом.

Чем шире будет размах коллективных действий российского рабочего класса, поддержанного другими отрядами наёмных работников, тем полнее будут осуществляться предпосылки обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Долгов В. Г., Ельмеев В. Я., Попов М. В., Золотов А. В.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ЭПОХИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ЦИКЛ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ

Том III (1997–2006)

Художник: Екатерина Симуни
Редакторская группа: Иван Шенцев, Андрей Моторин
Верстальщик: Виталий Евстигнеев
Безвозмездная финансовая поддержка: Павел Хорошко

КОНТАКТЫ

svremya.org

vk.com/svobodnoev

t.me/svremya

dzen.ru/svremya

КУПИТЬ И СКАЧАТЬ

ВИДЕО

РЕСУРСЫ

Подписано в печать 01.06.2025.
Формат 60 × 88 ⅛. Печать офсетная.
Издатель Англинова Л. Н.
194358, Санкт-Петербург, ул. Николая Рубцова, д. 9
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
Сайт: www.litobook.ru, e-mail: info@litobook.ru,
тел.: +7 (812) 712-02-08